

ГАМЛЕТЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1603 году явился впервые «Гамлетъ» въ печати подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Трагическая исторія Гамлета, принца датскаго, сочиненная Вилліамомъ Шекспиромъ и изданная въ томъ видѣ, какъ она была играна въ Сити, въ Лондонѣ, домашними актерами его свѣтлости, а также въ обоихъ университетахъ, Кембриджскомъ и Оксфордскомъ, и еще въ другихъ мѣстахъ». Единственный экземпляръ этого изданія сохранился въ библіотекѣ герцога Девонширскаго; переизданъ былъ потомъ «Гамлетъ» въ 1604 году, и на заглавномъ листѣ этого изданія значилось, что «онъ дополненъ и увеличенъ авторомъ почти вдвое противъ прежняго». Между этимъ изданіемъ и знаменитымъ Джонсоновымъ 1623 года, «Гамлетъ» былъ изданъ еще три раза, въ 1603, 1609 и въ 1611 годахъ. Изъ этого ряда изданій видно, что «Гамлетъ» обратилъ на себя вниманіе англійской публики; но гораздо важнѣе то, что онъ уже во второмъ изданіи явился *передѣланнымъ и дополненнымъ* и новая обработка сюжета въ этомъ изданіи — придавшая драмѣ тотъ видъ, въ которомъ мы съ ней знакомимся въ настоящее время — выказываетъ, что авторъ вновь много и много обдумывалъ это произведеніе. Такъ, напримѣръ, во второмъ изданіи прибавлена вся сцена встрѣчи Гамлета съ войсками Фортинбраса; въ извѣстной всѣмъ молитвѣ короля нѣтъ тѣхъ искусно вплетенныхъ въ нее противоположностей, которыя такъ хорошо передаютъ намъ состояніе его духа. Кромѣ того, въ этой передѣлкѣ «Гамлета» замѣтно вліяніе его классическихъ драмъ и особенно «Юлія Цезаря», обработкою которыхъ онъ уже занимался въ то время.

Сюжетъ «Гамлета», наравнѣ съ сюжетами большей части драмъ Шекспира, не изобрѣтенъ Шекспиромъ. Исторія Гамлета была прежде всего рассказана Саксономъ Грамматикомъ въ его «Хроникѣ», потомъ пересказана во франкскомъ сборникѣ новеллъ у Бельфорре — и, наконецъ, впрочемъ, уже гораздо позднѣе, Гамлетовой обработки сюжета — явилась въ англійскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ «History of Hamblett». Предполагаютъ, впрочемъ, что и прежде Шекспира, который впервые задумалъ писать «Гамлета» около 1597 года, сюжетъ этотъ былъ уже обработанъ для англійской сцены, потому что именно въ концѣ XVI вѣка на старинной англійской сценѣ были въ большой модѣ пьесы, основанныя на *мищеніи сына за смерть отца*. Вѣрнѣе всего будетъ предположить, что Шекспиръ знакомъ былъ съ французской передѣлкой рассказа Саксона Грамматика. По принятой нами системѣ,

приведемъ здѣсь этотъ разсказъ въ большомъ извлеченіи, опустивъ только мѣста, наименѣе важныя для исторіи «Гамлета» Шекспира.

«Рорикъ, король датскій» — такъ разсказываетъ Саксонъ Грамматикъ — «по смерти Гервендиля предоставилъ управленіе Ютландіей двоимъ его сыновьямъ, Фенго и Хорвендилю. Послѣдній въ скоромъ времени успѣлъ приобрѣсти громкую славу своими морскими походами и побѣдами на морѣ. Побѣды эти, кромѣ славы, доставили ему и огромныя богатства, которыми онъ такъ щедро дѣлился съ Рорикомъ, что успѣлъ, наконецъ, заслужить его полное расположеніе къ себѣ, которое заключилъ тѣмъ, что выдалъ за него свою дочь Геруту, съ которою Хорвендиль прижилъ сына Амлета. Успѣхи и счастье Хорвендиля возбудили зависть въ братѣ

140

его, Фенго, и онъ сталъ изыскивать средства къ тому, чтобы погубить брата. Удобное мѣсто и удобный случай къ совершенію злодѣйства вскорѣ представились, и Фенго не погнушался братоубійства. Къ этому ужасному преступленію присоединилъ онъ вскорѣ и кровосмѣшеніе, женившись, вопреки всѣмъ законамъ, на вдовѣ убитаго имъ брата. *Въ томъ именно и заключается проклятіе, тяготящее надъ преступленіемъ, что оно всегда влечетъ и побуждаетъ къ новымъ преступленіямъ.* Въ глазахъ Геруты хитрый Фенго умѣлъ очень искусно скрыть истинный поводъ къ братоубійству, увѣривъ ее, что онъ убилъ Хорвендиля изъ любви къ ней и, притомъ, зная навѣрно, что тотъ, пылая тайною ненавистью къ Герутѣ, будто бы имѣлъ намѣреніе ее погубить. Эта хитрая выдумка, конечно, весьма легко и скоро приобрѣла ему самую искреннюю привязанность со стороны простодушной Геруты.

«Амлетъ, который очень хорошо видѣлъ все это со стороны, но боялся подвергать жизнь свою опасности, нашелъ за лучшее набросить на себя личину тихаго безумія. Ежедневно сталъ онъ являться при дворѣ, окутанный въ грязныя лохмотья, перепачкавъ себѣ и руки, и тѣло всякою нечистотою. Онъ подкрашивалъ себѣ лицо и употреблялъ всѣ средства, чтобы прикинуться веселымъ дурачкомъ, чтобы и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ его нельзя было видѣть даже тѣни разума. Всѣ, видѣвшіе его, простодушно жалѣли о немъ, потому что онъ представлялся имъ уже не человѣкомъ, а несчастнымъ существомъ, близкимъ къ животному. Амлетъ, въ присутствіи постороннихъ, болѣе всего любилъ сидѣть передъ очагомъ, изъ котораго онъ выгребалъ голыми руками горячія уголья и, вырѣзывая кривыя палочки изъ дерева, засушивалъ ихъ на этихъ угольяхъ. Когда его спрашивали, что онъ такое дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ всѣмъ, что готовить острое оружіе для отмщенія за смерть отца своего. Большею частью такой отвѣтъ возбуждалъ улыбки и насмѣшки, хотя эти, повидимому, смѣшныя приготовленія въ послѣдствіи и очень помогли Амлету при выполненіи его замысловъ. Вскорѣ, однакожъ, нѣкоторые, болѣе проницательные — наблюдая ту ловкость и то искусство, съ какимъ онъ занимался своими странными приготовленіями — нашли, что

Амлетъ не долженъ быть сумасшедшимъ, а только подъ личиною сумасшествія старается скрыть большой запасъ ума и хитрости; эти-то проницательные люди и порѣшили, что лучшимъ средствомъ къ открытію истины было бы, безъ сомнѣнія, то, если бы Амлета удалось тайно свести съ женщиною необыкновенной красоты, которая бы могла возбудить въ его сердцѣ пламень чувственности. *Сила природы въ ея стремленіи къ плотскимъ наслажденіямъ такъ велика, что самое искусное прикидываніе не можетъ выдержать борьбы съ этимъ стремленіемъ* (sic). До слуха короля дошли эти рѣчи и предположенія, и онъ согласился испытать Амлета, сведя его въ густомъ лѣсу съ молодой дѣвушкой, которая была съ самаго ранняго дѣтства подругою его забавъ и досуга. Посторонніе свидѣтели должны были втайнѣ присутствовать при ихъ свиданіи и слѣдить за Амлетомъ. Но молочный братъ Амлета во время поѣздки къ лѣсу успѣлъ тайнымъ знакомъ предупредить принца о томъ, что его ожидаетъ измѣна и что онъ долженъ быть на сторожѣ. Принцъ понялъ и вполнѣ оцѣнилъ предупрежденіе своего тайнаго друга; онъ не только во время поѣздки сумѣлъ окончательно сбить съ толку всѣхъ окружавшихъ его придворныхъ — потому что безпрестанно перемѣшивалъ самые безумные поступки съ здравыми и двусмысленно-острыми рѣчами — но даже и по прибытіи на мѣсто, предназначенное для его встрѣчи съ красавицею, обманулъ общія ожиданія. Встрѣтивъ въ лѣсной глуши подругу своего дѣтства, онъ схватилъ ее на руки и, пылая страстью, унесъ ее въ отдаленное мѣсто чащи, окруженное отовсюду топями, гдѣ вскорѣ и достигъ цѣли своихъ желаній. Пресыщенный наслажденіями, онъ упросилъ дѣвушку, которая и до того уже любила его, никому не говорить ни слова о томъ, что произошло между ними.

«По возвращеніи къ придворнымъ, Амлетъ, осыпанный вопросами и шутливыми намеками на приготовленное ему приключеніе, отвѣчалъ прямо, что удовлетворилъ своимъ желаніямъ, но потомъ такъ запуталъ всѣхъ своими сравненіями и описаніемъ разныхъ подробностей свиданія, что всѣ только смѣялись надъ глупостью несчастнаго принца. Дѣвушка, спрошенная, въ свою очередь отвѣчала прямо, что между ними ничего предосудительнаго не произошло — и всѣ ей охотно повѣрили.

«Этимъ неудачнымъ опытомъ, однакоже, не удовольствовались. Одинъ изъ друзей короля Фенго, который былъ болѣе смѣлымъ, чѣмъ проницательнымъ, предложилъ испытать безуміе Амлета еще и другимъ способомъ, который, по его мнѣнію, могъ всего легче привести къ открытію истины. Фенго, по его мнѣнію, долженъ былъ, подъ предлогомъ важнаго дѣла, отлучиться не надолго изъ замка своего, а на это время Амлета слѣдовало запереть въ одну комнату съ матерью его и довѣренному лицу доставить возможность втайнѣ прислушаться къ ихъ разговору, въ которомъ уже, конечно, Амлету и въ голову не могло бы прийти — если у него есть хоть капля здраваго разсудка — скрываться

въ чемъ-либо передъ своею родною матерью. Предположеніе придворнаго понравилось королю, а придворный, сверхъ того, еще и вызывался принять на себя опасную обязанность подслушиванья. Однакожь, Амлетъ сумѣлъ и на этотъ разъ обмануть враговъ своихъ. Постоянно опасаясь измѣны, онъ, по приходѣ въ комнату матери, не тотчасъ отказался отъ своего обычнаго притворства, а сначала, *распѣвая пѣтухомъ и размахивая руками, какъ крыльями, сталъ прыгать и скакать по всей комнатѣ, вскочилъ на постель и, отыскавъ подъ пологомъ ея спрятавшаго придворнаго, немедленно убилъ его, изрубилъ на куски, сварилъ его мясо и выбросилъ вмѣстѣ съ костями на стѣбденіе свиньямъ* (sic). Потомъ, возвратившись къ матери, которая горько плакала, принимая послѣдній поступокъ Амлета за проявленіе его безумія, онъ сумѣлъ умною и сильною рѣчью довести ее до слезъ и возвратитъ на путь добродѣтели. Несмотря на то, что весь дворъ, по-прежнему, истолковывалъ поступокъ Амлета въ его пользу, король Фенго, узнавъ о смерти придворнаго, сталъ болѣе, чѣмъ когда-либо, опасаться принца и изобрѣтаетъ всевозможныя средства для того, чтобы отъ него избавиться. Не рѣшаясь его убить открыто или тайно, онъ придумалъ, наконецъ, отправить его въ Британію съ двумя довѣренными лицами, которымъ и вручилъ дощечку съ рунами, а въ тѣхъ рунахъ значилось, что Амлета, тотчасъ по его прибытіи въ Британію, слѣдуетъ умертвить. Не ожидая ничего добраго отъ своей поѣздки въ Британію, Амлетъ простился со всѣми, какъ бы навсегда разставаясь съ ними, и просилъ мать свою справить по немъ тризну въ случаѣ, если черезъ годъ онъ не вернется къ ней; а, между тѣмъ, плывя по морю къ берегамъ Британіи, воспользовался удобнымъ случаемъ: похитилъ у спящихъ спутниковъ своихъ дощечку съ рунами и, послѣ того какъ ему удалось искусно стереть все написанное на ней, онъ, въ свою очередь написалъ на ней, что король Британіи долженъ умертвить его спутниковъ, сообщниковъ Фенго, а за него, Амлета, въ награду за его необыкновенный умъ и смѣлливость, отдать свою дочь замужъ».

Вслѣдъ за этимъ Саксонъ Грамматикъ очень подробно описываетъ пребываніе Амлета въ Британіи и переплетаетъ рассказъ свой замѣчательнымъ количествомъ удивительно разнообразныхъ добавленій и чертъ, очевидно заимствованныхъ изъ обширнаго круга сѣверныхъ народныхъ сказокъ. Въ рассказѣ своемъ онъ, однакожь, приходитъ болѣе или менѣе къ тѣмъ же самымъ результатамъ, какіе извѣстны всѣмъ изъ содержанія Шекспировскаго «Гамлета»: спутники убиты, а онъ, изумивъ короля своимъ умомъ и проницательностью, получаетъ въ награду руку его дочери.

«Черезъ годъ послѣ того Амлетъ возвратился на родину, около самаго того времени, когда при дворѣ приготавливались справить по немъ тризну. Ко двору явился онъ въ прежнихъ своихъ грязныхъ лохмотьяхъ, прикидываясь, какъ и прежде, сумасшедшимъ. На пиру опоилъ онъ всѣхъ придворныхъ до того, что они заснули, а онъ — покрывъ ихъ сѣтями, которыя снялъ со стѣны, закрѣпивъ и перепутавъ эти сѣти посредствомъ тѣхъ кривыхъ палочекъ, которыхъ нѣкогда онъ такъ много заготовилъ — вышелъ самъ изъ залы пиршества и зажегъ ее съ четырехъ сторонъ. Послѣ того устремился онъ въ спальню своего дяди и, разбудивъ его грознымъ крикомъ, пронзилъ мечомъ; потомъ, между тѣмъ какъ измѣнникъ Фенго испускалъ послѣднее дыханіе, а

придворные его, опутанные двойными узами — сномъ опьяненія и сѣтью — погибали подъ горящими развалинами залы, самъ Амлетъ скрылся на время, чтобы увидѣть издали, какъ выскажется народъ въ отношеніи ко всему, что случилось. Когда, на другой день, народъ не высказалъ никакого сожалѣнія о гибели Фенго и его придворныхъ, Амлетъ собралъ своихъ друзей, объяснилъ народу въ длинной рѣчи причины, побудившія его поступить такъ жестоко съ дядей и его сообщниками, а потомъ, по желанію народа, сталъ имъ править и перевезъ изъ Британіи въ Ютландію свою молодую супругу».

Въ этой грубой и дикой сагѣ о Гамлетѣ есть только самыя общія и довольно блѣдныя черты сходства съ «Гамлетомъ» Шекспира. Такими общими чертами является притворное сумасшествіе принца и путешествіе его въ Англію, вмѣстѣ съ коварною поддѣлкой того письма, которое должно было его погубить. Все остальное, все лучшее внесено въ драму гениемъ Шекспира. Подъ сомнѣніемъ остается только одна сцена — именно сцена театра, которая, судя по тому, что актеры въ «Гамлетѣ» представляютъ передъ королемъ, королевой и придворными легко могла быть заимствована изъ какого-нибудь итальянскаго источника. Но, вообще говоря, едва ли когда бы то ни было приходилось поэту заимствовать содержаніе драматическаго произведенія изъ болѣе грубаго и плоше обработаннаго разсказа и создавать изъ него болѣе нѣжное, болѣе возвышенное въ нравственномъ отношеніи произведеніе.

О «Гамлетѣ» Шекспира было, вообще, уже такъ много писано, что трудно сказать о немъ что-нибудь новое, никѣмъ еще незамѣченное и невысказанное. Замѣчательно, однакоже, то, что онъ не былъ оцѣненъ на родной почвѣ.

142

Впервые понять былъ «Гамлетъ» такимъ гениемъ, который, быть-можетъ, одинъ имѣлъ до сихъ поръ право судить о Шекспирѣ, какъ одаренный почти равною съ Шекспиромъ силою творчества: Гёте, въ своемъ «Вильгельмѣ Мейстерѣ», первый разгадалъ ту великую загадку, которую Шекспиръ задалъ будущимъ поколѣніямъ въ своемъ «Гамлетѣ», при чемъ понялъ вполнѣ нравственную задачу труднѣйшей изъ Шекспировскихъ трагедій, хотя и не вполнѣ вѣрно очертилъ характеръ Гамлета, нѣсколько преувеличивъ его хорошія стороны. Гёте видитъ въ Гамлетѣ «прекрасное, благородное и высоконравственное существо, которому недостаетъ только той силы духа, какая бываетъ въ героѣ, почему онъ и склоняется подъ тягостью ноши, которую онъ не можетъ ни вынести, ни сбросить съ себя».

Мнѣніе Гёте о Гамлетѣ встрѣтило себѣ сильнѣйшее противорѣчіе въ оцѣнкѣ знаменитаго критика драматическихъ произведеній древняго и новаго мира — въ Августѣ Шлегелѣ, который въ своихъ «Лекціяхъ о драматическомъ искусствѣ и литературѣ» высказалъ совершенно противоположный взглядъ на Гамлета. Признавая нѣкоторыя достоинства этого типа, онъ въ то же время рѣшился укорить Гамлета и «въ слабости воли, и въ природенномъ влеченіи къ хитрости и притворству, и въ недостаткѣ рѣшимости, доходящемъ почти

до трусости». Въ этихъ двухъ мнѣнїяхъ о Гамлетѣ, высказанныхъ замѣчательнѣйшими дѣятелями конца XVIII и начала XIX столѣтїя, заключаются десятки тысячъ мнѣній, разборовъ и очерковъ Гамлетова типа, которыми такъ богата Шекспировская литература всѣхъ странъ и народовъ и отголоскомъ которыхъ была въ нашей литературѣ статья И. С. Тургенева «Донъ-Кихоть и Гамлетъ».

Не вдаваясь ни въ какія философскія опредѣленїя, замѣтимъ только, что Шекспиръ ни въ одной изъ своихъ драмъ не заглядывалъ такъ далеко въ глубь человѣческой души, а потому Гамлетъ и явился подѣ его перомъ *человѣкомъ по преимуществу*, тѣмъ слабѣмъ человѣкомъ, который и при всемъ желанїи не уживаться съ окружающимъ его зломъ, принужденъ бываетъ бороться съ собою и употреблять иногда отчаянныя усилїя для выполненїя того, что онъ признаетъ своимъ священнымъ долгомъ. Такое выполненїе долга тѣмъ болѣе является тяжелымъ для Гамлета, что ударъ судьбы, и ударъ непомѣрно тяжкїй, постигаетъ его врасплохъ, неожиданно, среди той ежедневной обстановки, надѣ которою мы привыкли не задумываться. Тотъ ударъ, который постигаетъ Гамлета въ самомъ началѣ драмы, разомъ выводитъ его изъ апатїи, къ которой онъ является способнымъ по своей склонности къ мечтамъ и размышленїю. — И вотъ онъ, обыкновенный и слабый смертный, чувствуетъ, какъ ему на сердце тяжелымъ камнемъ ложится обязанность страшной кровавой мести за убїйство отца. Будь онъ человѣкъ дюжинный, изъ числа тѣхъ, которые болѣе или менѣе равнодушны и къ добру, и къ злу, изъ тѣхъ, которые сторяча одинаково способны и на хорошїй, и на дурной поступокъ, ему бы, конечно, ничего не стоило рѣшиться на убїйство дяди. Но драматизмъ его положенїя именно въ томъ и состоитъ, что онъ, по природѣ своей, ни шагу не можетъ сдѣлать безъ разсужденїя, да, сверхъ того, и тѣ свѣдѣнїя, какія получаетъ онъ отъ тѣни своего отца, не служатъ, по его мнѣнїю, достаточными доказательствами совершеннаго дядею злодѣйства; слова тѣни являются только какъ-бы подтвержденїемъ подозрѣнїй, которыя сами собой, Богъ вѣсть откуда, закрались въ его душу еще и до явленїя тѣни, которыя его печалили, можетъ-быть, даже заставили упрекать себя въ томъ, что онъ слишкомъ черно смотритъ на людей. Проникнутый ужасомъ съ самой той минуты, когда тѣнь указала ему убїйцу, онъ посвящаетъ жизнь свою одной цѣли: онъ долженъ убѣдиться въ истинѣ того, что ему сообщила тѣнь, отыскать, во чтобы то ни стало, такія доказательства правоты для его словъ, которыя бы могли ему послужить законною причиною, оправдывающей всякое, самое ужасное, самое кровавое мщенїе. Онъ, наконецъ, убѣждается въ томъ, что тѣнь не обманула его; онъ находитъ, наконецъ, настоящаго виновника преступленїя; онъ уже заноситъ руку, чтобы поразить его, но мысль, что онъ тоже готовится *совершить убїйство*, останавливаетъ его руку, задерживаетъ его рѣшенїе и вынуждаетъ его придумывать разныя оправданїя, на основанїи которыхъ онъ бы могъ извинить свою, впрочемъ, совершенно естественную медленность. То ему кажется, что надо подождать болѣе удобнаго случая, который бы помогъ ему достойнымъ образомъ отмстить за страшное преступленїе, такъ отмстить, чтобы память объ его мести, о наказанїи преступника за преступленїе, сохранилась и въ сказанїяхъ

отдаленнаго потомства; то воображеніе его, настроенное тяжкимъ состояніемъ духа, рисуетъ ему такіе образы мести, которые ему нравятся, которые сулятъ ему даже минутное наслажденіе страданіями пораженнаго врага, возможностью продлить месть даже и за предѣлами жизни. И изъ этой тяжелой борьбы — борьбы, которая уже задолго до окончанія своего заставляетъ Гамлета смотрѣть на себя, какъ на человѣка мертваго, заставляетъ его закрывать глаза на то, что есть лучшаго въ жизни — изъ этой борьбы Гамлетъ выходитъ побѣдителемъ,

143

правда, при помощи случайностей, поставившихъ его въ безвыходное положеніе, но все же побѣдителемъ, потому что онъ выполняетъ долгъ мщенія съ полнымъ сознаніемъ всей великости совершаемаго имъ дѣла. И въ этомъ послѣднемъ шагѣ своей жизни, какъ и въ очень многихъ другихъ, Гамлетъ нимало не выказываетъ не только трусости, но даже и колебанія; онъ чувствуетъ, что уже настало время совершить ему давно задуманное, что онъ уже не можетъ уклониться отъ исполненія тяжкаго долга. Да, Гамлетъ вовсе не герой; онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ рыцарей *безъ страха и упрека*, которые ни во что ставили ни свою, ни чужую жизнь; но онъ можетъ, вообще, назваться *слабымъ только по отношенію къ великости и тягости того долга*, который прихотливая судьба вздумала на него возложить.

Прекрасно сѣумѣлъ Шекспиръ обставить Гамлета съ двухъ сторонъ характерами Лаэрта и Гораціо, совершенно различными, но одинаково хорошо отгнѣняющими Гамлета. Одинъ изъ нихъ прямо противоположенъ несчастному принцу: пылкій до ярости, Лаэртъ до нельзя способенъ увлекаться и, поддавшись увлеченію, не разбираетъ средствъ для достиженія того, что ему кажется цѣлью; онъ является у Шекспира образцомъ избалованной свѣтской молодежи, любящимъ удовольствія и шалости, однимъ изъ тѣхъ людей, которые живутъ широко и скоро, живутъ не задумываясь и не дорожатъ жизнью нисколько, потому что не понимаютъ ея цѣны. Это многимъ даетъ поводъ считать ихъ благородными и храбрыми; но и тѣмъ, и другимъ кажутся они скорѣе всего потому, что сердце у нихъ почти никогда не спрашивается головы.

Гораціо тоже молодъ, но кажется не молодымъ, потому что болѣе другихъ думаетъ и чувствуетъ, потому что привыкъ даже и въ обыкновенныя явленія жизни всматриваться глубже, чѣмъ другіе люди. Глубокая благородная и высоко-нравственная природа его еще болѣе успѣла развиться вслѣдствіе того, что онъ получилъ хорошее научное образованіе, которое значительно расширило и прояснило его взглядъ на вещи, дало возможность окончательно созрѣть чисто-философскому уму его. Гораціо не легко привязывается къ кому бы то ни было, потому что знаетъ людей и больше по теоріи вѣритъ въ людскую добродѣтель; за то ужъ, привязавшись къ человѣку, онъ способенъ остаться навѣки неизмѣнно вѣрнымъ ему другомъ; такъ

привязался онъ къ Гамлету, отъ котораго не могутъ отлучить его ни опасности, ни несчастія, съ которымъ ему бы хотѣлось лечь и въ могилу. И онъ уже готовъ выполнить это, когда умирающій другъ налагаетъ на него тяжкую и послѣднюю обязанность: жить и передать потомству грустную и правдивую повѣсть о несчастіяхъ Гамлета.

Оба вышеразобранные нами характера — Лаэртъ и Гораціо — созданы и внесены въ драму самимъ Шекспиромъ: въ основномъ сказаніи о Гамлетѣ у Саксона Грамматика этихъ двухъ лицъ нѣтъ; нѣтъ тамъ и третьяго лица — Офеліи, которая тоже создана Шекспиромъ, но не такъ удачно, какъ Лаэртъ и Гораціо, введена въ круговоротъ драматическаго дѣйствія. Ея отношенія къ Гамлету остаются загадкою; его любовь къ ней высказывается ясно только одной фразой надъ ея гробомъ и потому именно Офелія остается для всякаго очень милымъ существомъ, которое возбуждаетъ къ себѣ невольную жалость, но которое остается мало понятнымъ, и кажется при всей законченности своей, какъ-будто недочерченнымъ.

Ульрици старался доказать, что «Гамлетъ» заслуживаетъ названіе *первой* изъ Шекспировскихъ драмъ столько же по характеру своего главнаго героя, сколько и вообще по всей постройкѣ драмы. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться трудно: по сравненію съ другими драмами того же періода (особенно съ «Макбетомъ» и съ «Антоніемъ и Клеопатрой»), «Гамлетъ» все же является гораздо болѣе слабымъ по общей разработкѣ и постановкѣ драматическаго сюжета.

И все же ни одна изъ драмъ Шекспира не служитъ такимъ громаднымъ и могущественнымъ доказательствомъ той изумительной силы анализа, съ какою великій поэтъ умѣлъ отнестись къ характеру своего героя. Какъ ни грустно, какъ ни тяжело впечатлѣніе, оставляемое въ душѣ каждаго зрителя большею частью сценъ «Гамлета», начиная отъ первой сцены во дворцѣ и до знаменитаго разговора съ могильщиками, надо, однакоже, согласиться, что «Гамлетъ» ярче всѣхъ другихъ алмазовъ блеститъ въ томъ царственномъ вѣнцѣ, который Шекспиръ одинъ носитъ между всѣми драматическими поэтами!

Мы имѣемъ *пять* полныхъ переводовъ «Гамлета» на русскій языкъ и *два* передѣлки той же пьесы, *обработанныя* для *россійскаго театра* Сумароковымъ и Висковатовымъ. Всѣ переводы и передѣлки сдѣланы стихами. Вотъ ихъ полный титуль:

1) Гамлетъ. Трагедія Александра Сумарокова. Спб. Печатано при Императорской

Академіи Наукъ въ 1748 году. (въ 8-ую д. л., стр. 1-68.) Перепечатана въ «Россійскомъ Театрѣ» (1786, ч. I, стр. 239—306) и въ „*Полномъ Собраніи всѣхъ сочиненій Александра Сумарокова*» (1787, ч. III, стр. 59—119).

Сумароковъ, въ своей передѣлкѣ, воспользовался только сюжетомъ шекспировскаго «Гамлета», да и тотъ перекроилъ на свой ладъ. Напримѣръ ему показалось неприличнымъ выводить на сцену пришлецовъ изъ могилы — и онъ замѣнилъ явленіе тѣни отца Гамлета просто сномъ, привидѣвшимся герою. Изъ Полонія придворнаго льстеца, сдѣлалъ злодѣя, и такъ далѣе. Наконецъ, онъ совершенно переиначилъ окончаніе трагедіи: вмѣсто кровавой развязки, которою Шекспиръ заключаетъ своего «Гамлета», Сумароковъ оканчиваетъ свою передѣлку наказаніемъ порока и торжествомъ добродѣтели, то-есть смертью Полонія и соединеніемъ двухъ любящихъ сердець — Гамлета и Офеліи — законнымъ бракомъ, при чемъ Офелія, обращаясь къ своему возлюбленному, говоритъ:

Ступай, мой князь, во храмъ, яви себя въ народѣ,

А я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ!

2) Гамлетъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ для русскаго театра обработанная С. Висковатовымъ, членомъ ученаго комитета Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ и другихъ ученыхъ обществъ. Спб. Въ морской типографіи. 1811. (Въ 8-ую д. л., стр. 1—56).

То же. Новое изданіе. Спб. Печатано въ типографіи вдовы Плюшаръ. 1829. (Въ 8-ую д. л., стр. I—VI и 1—56).

У Шекспира заимствованъ одинъ сюжетъ — все остальное измѣнено и передѣлано, не исключая и самаго положенія дѣйствующихъ лицъ: такъ, напримѣръ, Гамлетъ сдѣланъ царствующимъ королемъ, всюду преслѣдуемымъ мечтою, то есть — тѣнью убитаго отца, Клавдіо — его родственникомъ и главою заговора, Офелія — его дочерью и т. д. Конечъ также измѣненъ: Клавдіо убиваетъ Гертруду, Гамлетъ закалываетъ Клавдіо, но самъ остается живъ, хотя и не женится на Офеліи.

3) Гамлетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шекспира. Перевелъ съ англійскаго М. В. (Вронченко). Спб. Въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. 1828. (Въ 8-ую д. л., стр. I—XXIV и 1—205).

Еще прежде появленія въ свѣтъ полнаго перевода Вронченко, два отрывка изъ этой трагедіи, именно — сцена III и IV третьяго дѣйствія и извѣстный монологъ Гамлета (Быть или не быть), были напечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1827, ч. 18, № 23, отд. I, стр. 95—108 и 1828, ч. 21, отд. I, стр. 68—69).

4) Гамлетъ, принцъ датскій. Драматическое представленіе. Сочиненіе Вилліама Шекспира. Переводъ съ англійскаго Николая Полевого. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1837. (Въ 8-ую д. л., стр. 1—207). Перепечатано, въ исправленномъ видѣ, въ «Репертуарѣ» (1840, № 3, стр. 1—46) и «Драматическихъ Сочиненіяхъ и Переводахъ Н. А. Полевого» (1843, ч. III, стр. 1—237). Переводъ приспособленъ къ сценѣ.

5) Гамлетъ, Трагедія В. Шекспира. Переводъ А. Кронеберга. Харьковъ. Въ Университетской типографіи 1844. (Въ 8-ую д. л., стр. 1—234).

То же. Изданіе второе. Москва. Въ типографіи Грачева и Комп. 1861. (Въ 8-ую д. л., стр. 1—234).

Отрывокъ изъ этого перевода (дѣйствіе III, сцены III и IV), подъ заглавіемъ: *Сцены изъ «Гамлета»*, былъ напечатанъ въ «Молодикъ» 1843, ч. I, стр. 210—226).

Вотъ отзывъ Бѣлинскаго о переводѣ Кронеберга:

«Переводъ его (Кронеберга) положительно хорошъ... Г. Кронебергъ владѣетъ богатыми средствами для того, чтобы съ успѣхомъ переводить Шекспира: онъ отъ отца своего наслѣдовалъ любовь къ этому поэту, изучилъ его подъ руководствомъ отца своего, посвятившаго изученію Шекспира всю жизнь свою и написавшаго о немъ нѣсколько сочиненій европейскаго достоинства; онъ прекрасно знаетъ англійскій языкъ (зная притомъ отлично языки нѣмецкій и французскій) и хорошо владѣетъ русскимъ стихомъ. При такихъ средствахъ, будь у насъ потребность узнать Шекспира какъ великаго поэта, а не какъ романтическаго мелодраматиста, сценическаго эффектера, — Кронебергъ, можетъ быть, обогатилъ бы русскую литературу замѣчательно хорошимъ переводомъ всего Шекспира.

«Для людей, которые въ литературѣ видятъ не забаву въ праздное время, а занятіе дѣльное, «Гамлетъ» въ переводѣ г. Кронеберга долженъ быть замѣчательнымъ литературнымъ приобрѣтеніемъ. Жаль, что только отъ такихъ, слишкомъ немногочисленныхъ судей, переводчикъ долженъ ожидать награды за свой безкорыстный, добросовѣстный и прекрасно выполненный трудъ!» («Сочиненія В. Бѣлинскаго», ч. 9, стр. 119).

6) *Гамлетъ, принцъ датскій. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ В. Шекспира. Переводъ съ англійскаго М. Загуляева.* («Русскій Міръ»,

145

1861, №№ 98, 100 и 102, приложение, стр. 1—41). Перепечатанъ въ «Драматическомъ Сборникѣ» (1862, кн. II, стр. 1—151).

7) *Гамлетъ, принцъ датскій. Трагедія Шекспира. Переводъ А. Л. Соколовскаго. Спб. въ типографіи Безобразова. 1883.* Также въ изданныхъ А. Л. Соколовскимъ, сдѣланныхъ имъ переводахъ всѣхъ сочиненій Шекспира.

Кромѣ названныхъ пяти полныхъ переводовъ и двухъ передѣлокъ «Гамлета», мы имѣемъ еще четыре отрывка изъ той же трагедіи. Вотъ они:

8) *Отрывокъ изъ «Гамлета, драмы Шекспира. Переводъ М. Строева.* («Московскій Наблюдатель», 1839, ч. II, отд. I, стр. 9—20). Дѣйствіе III, сцена III.

9) *Монологъ Гамлета въ концѣ второго дѣйствія. Переводъ Константина Званцова.* («Театральный и Музыкальный Вѣстникъ», 1859, № 1, стр. 7—8).

10) *Быть или не быть? Монологъ Гамлета. Переводъ П. Попова* («Ярославскія Губернскія Вѣдомости», 1860, № 27, стр. 205).

11) *Отрывокъ изъ VII сцены IV дѣйствія. Переводъ Ѳ. Устрялова.* («Сочиненія Генриха Гейне», 1864, т. III, стр. 223).

146

ГАМЛЕТЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КЛАВДІЙ - датскій король.

ГАМЛЕТЪ - сынъ покойнаго и племянникъ настоящаго короля.

ПОЛОНІЙ - оберкамергеръ.

ГОРАЦІЙ - другъ Гамлета.

ЛАЭРТЪ - сынъ Полонія.

ВОЛЬТИМАНДЪ }

КОРНЕЛІЙ }

РОЗЕНКРАНЦЪ } придворные.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ }

ОЗРИКЪ }

Придворный.

Священникъ.

МАРЦЕЛЛО } офицеры.

БЕРНАРДО }

ФРАНЦИСКО - солдатъ.

РЕЙНАЛЬДО - слуга Полонія.

Полковникъ.

Посоль.

Тѣнь отца Гамлета.

ФОРТИНБРАСЪ - принцъ норвежскій.

ГЕРТРУДА - королева датская и мать Гамлета.

ОФЕЛІЯ - дочь Полонія.

Придворные, офицеры, солдаты, актеры, могильщики, матросы, вѣстники, слуги и другіе.

Дѣйствіе происходитъ въ Эльзинорѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Эльзиноръ. Терраса передъ замкомъ.

ФРАНЦИСКО *на часахъ. Входитъ* БЕРНАРДО.

БЕРНАРДО.

Кто здѣсь?

ФРАНЦИСКО.

Самъ отвѣчай мнѣ - кто идетъ?

БЕРНАРДО.

Да здравствуетъ король?

ФРАНЦИСКО.

Бернардо?

БЕРНАРДО.

Онъ.

ФРАНЦИСКО.

Вы во-время приходите на смѣну.

БЕРНАРДО.

Ужъ за полночь: иди домой, Франциско.

ФРАНЦИСКО.

Благодарю за смѣну. Холодъ рѣзкій -
И мнѣ неловко было на душѣ.

БЕРНАРДО.

Что, все спокойно было?

ФРАНЦИСКО.

Какъ въ гробу.

БЕРНАРДО.

Прощай же, доброй ночи. Если встрѣтишь
Товарищей, Гораццо и Марцелло,
Такъ попроси ихъ поспѣшить.

Входятъ ГОРАЦЦО и МАРЦЕЛЛО.

ФРАНЦИСКО.

Да вотъ,
Мнѣ кажется, они. Стой! Кто идетъ?

ГОРАЦЦО.

Друзья отечества.

МАРЦЕЛЛО.

Вассалы короля.

ФРАНЦИСКО.

Прощайте, доброй ночи!

МАРЦЕЛЛО.

А, прощай,
Мой бравый другъ! А кто тебя смѣнилъ?

ФРАНЦИСКО.

Бернардо. Доброй ночи! (*Уходитъ.*)

МАРЦЕЛЛО.

Эй! Бернардо!

БЕРНАРДО.

Гораціо съ тобой?

ГОРАЦІО (*подавая руку*).

Отчасти.

147

БЕРНАРДО.

Здравствуй,
Гораціо! Здорово, другъ Марцелло!

ГОРАЦІО.

Ну что, являлось нынче привидѣнье?

БЕРНАРДО.

Я не видалъ.

МАРЦЕЛЛО.

Горацьо говоритъ,
Что это все игра воображенья,
И призраку, который мы два раза
Видали сами, вѣры не даетъ;
Я и просилъ его прійти сюда,
Чтобъ ночь безъ сна провести на нашей стражѣ
И, если духъ появится опять,
Чтобъ убѣдиться, что не обманули
Глаза насъ всѣхъ, и съ нимъ заговорить.

ГОРАЦІО.

Вздоръ, не придетъ онъ.

БЕРНАРДО.

Да, а между тѣмъ
Садись. Позволь атаковать еще разъ
Твой слухъ, такъ недоступный для разказа
О томъ, что намъ двѣ эти ночи сряду
Являлось на часахъ.

ГОРАЦИО.

Пожалуй, сядемъ.
Бернардо, повтори намъ твой рассказъ.

БЕРНАРДО.

Прошедшей ночью, въ дивный часъ, когда
Вонъ та звѣзда, отъ полюса на западъ,
Въ пути своемъ часть неба озаряла,
Гдѣ и теперь горитъ - я и Марцелло,
Мы видѣли, едва пробило часъ...

МАРЦЕЛЛО.

Постой! Смотри: опять оно идетъ!

Входитъ Тѣнь.

БЕРНАРДО.

Взгляни: точь-въ-точь покойный нашъ король!

МАРЦЕЛЛО.

Горацьо, ты ученъ: поговори съ нимъ.

БЕРНАРДО.

Что - не похожъ ли онъ на короля?
Взгляни, Горацьо.

ГОРАЦИО.

Да, совершенно.
Я трепещу отъ страха, изумленья.

БЕРНАРДО.

Онъ хочетъ, чтобы съ нимъ заговорили.

МАРЦЕЛЛО.

Горацьо, спроси - заговори съ нимъ.

ГОРАЦИО.

Кто ты, полночнымъ завладѣвшій часомъ
И образомъ воинственно прекраснымъ,
Въ которомъ здѣсь бродило на землѣ
Величество умершаго Гамлета?
Я заклинаю Небомъ - говори!

МАРЦЕЛЛО.

Онъ оскорбился.

БЕРНАРДО.

Онъ уходитъ.

ГОРАЦІО.

Стой

И говори - тебя я заклинаю!

(Тѣнь уходитъ).

МАРЦЕЛЛО.

Онъ удалился: отвѣчать не хочетъ.

БЕРНАРДО *(къ Гораціо).*

Ну что, мой другъ? Ты блѣдень? Ты дрожишь!
Что жъ, эта тѣнь не больше ль чѣмъ мечта?
Какъ думаешь?

ГОРАЦІО.

Клянусь моимъ Творцомъ,
Когда бъ глаза мнѣ не были порукой,
Я не повѣрилъ бы чужимъ словамъ.

МАРЦЕЛЛО.

Не правда ли, похожъ на короля?

ГОРАЦІО.

Какъ ты похожъ на самого себя.
Точь-въ-точь такой на немъ надѣтъ былъ панцырь,
Когда съ Норвежцемъ гордымъ онъ сразился,
И также грозно хмурилъ онъ чело,
Когда на ледъ, въ упорномъ поединкѣ,
Низвергнулъ Поляка. Непостижимо!

МАРЦЕЛЛО.

Такъ дважды онъ, въ глухой часъ полуночи,
Шагами Марса мимо насъ прошелъ.

ГОРАЦІО.

Что предвѣщаетъ намъ его явленье -
Я не могу сказать, но по всему
Мнѣ кажется, что Даніи грозитъ
Переворотъ ужасный.

МАРЦЕЛЛО.

Сядьте здѣсь -

И тотъ, кто знаетъ, пусть намъ объяснитъ,

Зачѣмъ такъ строго бдительная стража
Вассаловъ Даніи лишаетъ сна?
Зачѣмъ что день, то выливаютъ пушки,
Снаряды свозятъ изъ чужихъ земель,
Берутъ людей для корабельныхъ верфей,
Где нѣтъ имъ праздника, а только будни?
Зачѣмъ народъ, трудясь и день, и ночь
Въ поту лица, не смѣетъ отдохнуть?
Кто объяснить мнѣ?

ГОРАЦІО.

Я. По крайней мѣрѣ,
Такъ говорятъ: послѣдній нашъ король -
Его видѣніе насъ нынче посѣтило -
Изъ зависти былъ вызванъ Фортинбрасомъ,
Норвежскимъ королемъ, на бой. Нашъ храбрый,

148

Нашъ смѣлый Гамлетъ - онъ такимъ здѣсь признанъ
На этой брэнной половинѣ міра -
Убилъ врага - и Фортинбрасъ утратилъ
Съ своею жизнью всѣ свои владѣнья.
Таковъ былъ обоюдный договоръ,
Гербомъ и подписью скрѣпленный.
И нашъ король давалъ въ залогъ побѣды
Свои владѣнья: когда бъ онъ палъ,
Они бы всѣ достались Фортинбрасу,
Какъ Гамлету досталась вся страна,
Согласно заключенному условию.

И вотъ недавно юный Фортинбрасъ,
Съ огнемъ въ груди неукротимо-дикимъ,
Набралъ по всей Норвегіи угламъ
Толпу бродягъ, готовыхъ изъ-за хлѣба
Поддерживать любое предпріятіе;
А предпріятіе это, какъ извѣстно,
Есть возвращеніе злой рукой войны
Потерянныхъ отцомъ его владѣній.
Вотъ почему готовится война,
И пушки льютъ, и держатъ карауль,
И въ Даніи движеніе и работа.

БЕРНАРДО.

Я то же думаю: оно согласно

Съ видѣніемъ, въ dospѣхахъ боевыхъ
На стражу къ намъ пришедшимъ изъ могилы.
Причиною войны усопшій Гамлетъ,
А призракъ такъ съ нимъ схожъ!

ГОРАЦІО.

Да, это атомъ,
Исторпшій силу изъ очей души.
Когда какъ пальма цвѣлъ великій Римъ,
Не задолго до Цезаря кончины,
Покинувъ гробъ, со стопами и воплемъ
Блуждали мертвецы - и бѣлый саванъ
Носился вдоль по улицамъ столицы.
На небесахъ явились въ солнцѣ пятна,
Кометы съ огненнымъ хвостомъ и падалъ
Крoвавый дождь. Владычица морей,
Звѣзда Нептунова, померкла въ вышинѣ,
Какъ-будто бы пришла кончина міра.
И намъ земля и небо ниспослали
Такой же знакъ переворотовъ страшныхъ,
Предвѣстника грозящей намъ судьбы.

Тѣнь является опять.

ГОРАЦІО.

Постой! Смотри: опять явился онъ!
Пускай меня видѣнье уничтожить,
Но я, клянусь, его остановлю.
Видѣнье, стой! Когда людскою рѣчью
Владѣешь ты - заговори со мною.
Скажи: иль подвигомъ благимъ могу я
Тебѣ покой твой возвратить,
Или судьба грозитъ твоей отчизнѣ
И я могу ее предотвратить?
О, говори! Въ твоей минувшей жизни
Ты золото не предалъ ли землѣ,
За что, какъ говорятъ, вы, привидѣнья,
Осуждены скитаться по ночамъ?
О, дай отвѣтъ! Постой и говори!
(Плутухъ поетъ). Останови его, Марцелло!

МАРЦЕЛЛО.

Не нанести ль ударъ ему?

ГОРАЦІО.

Ударъ,

Когда остановиться онъ не хочетъ.

БЕРНАРДО.

Онъ здѣсь.

ГОРАЦІО.

Онъ здѣсь. (*Тѣнь исчезаетъ*).

МАРЦЕЛЛО.

Исчезъ. Мы оскорбили
Величественный королевскій призракъ;
Мы удержать его хотѣли силой,
А онъ мечу, какъ воздухъ, недоступень,
И нашъ ударъ - лишь злое оскорбленье.

БЕРНАРДО.

Ему пѣтухъ отвѣтить помѣшалъ.

ГОРАЦІО.

И вздрогнулъ онъ, какъ грѣшное творенье
При вопль ужаса. Я слышалъ, что пѣтухъ,
Трубачъ зари, своею звонкой пѣснью
Слоняетъ сонъ съ очей дневного бога,
И по его пронзительному крику
Изъ водъ, огня, ээира и земли
Стекаются блуждающіе духи
Въ свою страну - и истину повѣрья
Намъ доказалъ мертвецъ, насъ посѣтившій.

МАРЦЕЛЛО.

Онъ вдругъ исчезъ при крикѣ пѣтуха.
Вотъ, говорятъ, что въ ночь на Рождество,
Когда мы ждемъ Спасителя явленье,
Вплоть до зари поетъ предвѣстникъ утра.
Тогда блуждать не смѣютъ привидѣнья:
Та ночь чиста, созвѣздія безвредны;
И лѣшій спитъ, и вѣдьмы не колдуютъ:
Такъ эта ночь свята и благодатна.

ГОРАЦІО.

Да, слышалъ я, и вѣрится отчасти.
Но вотъ и Фебъ въ пурпуровой одеждѣ
Идетъ на холмъ по жемчугу росы.
Пора. Оставимъ постъ, идемъ, идемъ!
И мой совѣтъ - видѣнье этой ночи
Гамлету рассказать. Клянусь вамъ жизнью!

Духъ нѣмъ для насъ, но съ нимъ заговорить!
Согласны ль вы сказать объ этомъ принцу,
Какъ намъ велятъ и долгъ нашъ и любовь?

МАРЦЕЛЛО.

Конечно - да; я васъ прошу объ этомъ.
Я знаю, гдѣ его найти. (*Уходятъ*).

149

СЦЕНА II.

Торжественный залъ въ замкѣ.

Входятъ: КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТЪ, ПОЛОНИЙ, ЛАЭРТЪ,
ВОЛЬТИМАНДЪ, КОРНЕЛІЙ, *придворные и свита.*

КОРОЛЬ.

Хотя свѣжа еще въ насъ память смерти
Гамлета-короля, намъ дорогого брата;
Хотя въ душѣ должны бы мы скорбѣть
И Данія являла бы одинъ
Скорбящій ликъ, - но нашъ разумокъ свѣтлый
Природу побѣдилъ, и, вспоминая
Кончину брата съ мудрою тоской,
Мы вмѣстѣ съ тѣмъ себя не забываемъ.
Итакъ - сестру, теперь же королеву,
Наслѣдницу воинственной страны,
Мы нарекли возлюбленной супругой
Съ восторгомъ, такъ сказать, лишеннымъ силы,
Съ слезой въ очахъ и съ ясною улыбкой,
Веселый гимнъ запѣвъ при гробѣ брата,
За упокой при брачномъ алтарѣ
И на вѣсахъ души развѣсивъ ровно
Веселье и печаль. Мы поступили
Согласно вашей волѣ, одобрившей
Нашъ бракъ - и мы за все благодаримъ!
Теперь же мы къ другому перейдемъ.
Вы знаете, что юный Фортинбрасъ,
Предположивъ, что я лишенъ почтенья,
Иль, что со смертью дорогого намъ
Отъ дѣлъ земныхъ почившаго Гамлета,
Распались связь и сила королевства,

Въ пустыхъ мечтахъ какихъ-то мнимыхъ выгодъ
Не устаетъ послами насъ терзатъ
И требуетъ отдачи всѣхъ владѣній,
Утраченныхъ отцомъ его въ бою
Съ покойнымъ королемъ и братомъ нашимъ.
Теперь о насъ и нынѣшнемъ собраньи.
И дѣло вотъ въ чемъ: къ дядѣ Фортинбраса,
Который слабъ, не покидаетъ ложа
И замысловъ племянника не знаетъ,
Я написалъ, чтобъ ходъ такого дѣла
Онъ прекратилъ, тѣмъ болѣе, что деньги,
Наборъ солдатъ и содержанье войску
Берутъ съ его вассаловъ и земель.
Васъ, добрый Вольтимандъ, и васъ, Корнелій,
Избралъ я передать мое посланье
И мой поклонъ монарху-старикѣ.
Въ сношеньяхъ съ нимъ мы не даемъ вамъ власти
Переступить за точный смыслъ письма.
Прощайте же! Пусть ваша быстрота
Покажетъ намъ, какъ вы служить готовы.

КОРНЕЛІЙ И ВОЛЬТИМАНДЪ.

Теперь, какъ и всегда, мы наше рвенье
Готовы доказать.

КОРОЛЬ.

Не сомнѣваюсь.

Счастливымъ путь!

(Корнелій и Вольтимандъ уходятъ.)

Что скажешь ты, Лаэртъ?

Ты говорилъ намъ о какой-то просьбѣ -
Въ чемъ состоитъ она, Лаэртъ? Со мною,
Монархомъ Даніи, разумно говоря,
Словъ потерять никто не можетъ даромъ.
О чемъ просить ты можешь, чтобы Клавдій
Не даровалъ, еще не слышавъ просьбы?
Не столько голова родная сердцу,
Не такъ рука устамъ служить готова,
Какъ датскій тронъ Лаэртову отцу.
Чего желаешь ты, скажи?

ЛАЭРТЪ.

Опять

Увидѣть Францію, мой государь.
Ее покинулъ я, въ мою отчизну

Безъ ропота спѣшилъ, чтобы исполнить
Свой долгъ при торжествѣ коронованья.
Теперь, когда исполненъ онъ, опять
Во Францію летятъ мои желанья.

КОРОЛЬ.

Но - твой отецъ? Позволилъ онъ тебѣ?
Что говоритъ Полоній?

ПОЛОНІЙ.

Государь,
Онъ покорилъ мольбою неотступной
Моей души тяжелое согласье
И, наконецъ, къ его усиленной просьбѣ
Я приложилъ печать соизволенья.
Позвольте, государь, ему уѣхать.

КОРОЛЬ.

Такъ пользуйся, Лаэртъ, счастливымъ часомъ:
Располагай и наслаждайся имъ.
А ты, нашъ другъ и сынъ, любезный Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ (*тихо*).

Поближе сына, но подальше друга.

КОРОЛЬ.

Какъ, надъ тобой еще летаютъ тучи?

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ: мнѣ солнце слишкомъ ярко свѣтитъ.

КОРОЛЕВА.

Отбрось ночную тѣнь, мой добрый Гамлетъ:
Взгляни, какъ другъ, на Даніи монарха.
Зачѣмъ искать съ опущенной рѣсницей
Во прахъ благороднаго отца?
Ты знаешь: все живое умираетъ
И переходитъ въ вѣчность отъ земли.

ГАМЛЕТЪ.

Да, все умереть.

КОРОЛЕВА.

А если такъ, мой сынъ,
То что жъ тебѣ тутъ кажется такъ странно?

Нѣтъ, мнѣ не *кажется*, а точно *есть*;

И для меня что *кажется* - ничтожно.
 Нѣтъ, матушка, ни траурный мой плащъ,
 Ни черный цвѣтъ печальнаго наряда,
 Ни грустный видъ унылаго лица,
 Ни бурный вздохъ стѣсненнаго дыханья,
 Ни слезъ текущей изъ очей потокъ -
 Ничто, ничто изъ этихъ знаковъ скорби
 Не скажетъ истины; ихъ можно и сыграть,
 И это все *казаться* точно можетъ.
 Въ моей душѣ ношу я то, что *есть*,
 Что выше всѣхъ печали украшеній.

КОРОЛЬ.

Оно прекрасно и похвально, Гамлетъ,
 Отдать отцу прискорбный долгъ печали;
 Но вспомни же: отецъ и дѣдъ, и прадѣдъ
 Лишались всѣ своихъ отцовъ. Потомки
 Должны надѣть, изъ дѣтскаго почтенья,
 На время, въ память ихъ печальный трауръ,
 Но сохранять печаль съ такимъ упорствомъ -
 Есть недостойная мужчины скорбь,
 Знакъ воли, непокорной Провидѣнью,
 Души безсильной, слабаго ума.
 Когда насъ опытъ научилъ, что смертию
 Мы всѣ должны окончить нашу жизнь,
 И если смерть для насъ обыкновенна,
 Какъ самая простая изъ вещей,
 Зачѣмъ ее безъ должнаго смиренья
 Такъ къ сердцу принимать? О, это грѣхъ
 Передъ Творцомъ, усопшему обида,
 Проступокъ предъ умомъ, который вѣчно
 Намъ говорилъ о смерти нашихъ предковъ,
 И повторялъ надъ трупами людей
 Отъ прадѣдовъ до насъ: «такъ быть должно!»
 Прошу, покинь бесплодную тоску
 И вѣрь, что въ насъ ты вновь отца находишь.
 Пусть знаетъ міръ, что ты ближайшій къ трону
 И мной любимъ любовью благородной,
 Любовію нѣжнѣйшаго отца.

Что до твоей поѣздки въ Виттенбергъ,
Она съ моимъ желаньемъ не согласна,
И я прошу тебя - останься здѣсь,
Въ лучахъ моихъ тебя любящихъ взоровъ,
Какъ первый царедворецъ, другъ и сынъ.

КОРОЛЕВА.

Не заставляй и мать просить напрасно:
Останься здѣсь, не ѣзди въ Виттенбергъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я повинуюсь вамъ во всемъ.

КОРОЛЬ.

Прекрасно.

Вотъ добрый и привѣтливый отвѣтъ!
Будь въ нашей Даніи намъ равнымъ, Гамлетъ.
Идемъ! Согласье дружеское принца
Смѣется радостью въ моей душѣ.
Пусть въ честь ему раздастся громъ орудій:
Онъ къ облакамъ взнесетъ заздравный кубокъ,
И громъ небесъ на громъ земли отвѣтитъ,
Когда король наполнить свой бокаль.

(Всѣ, кромѣ Гамлета уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ.

О если бъ вы, души моей оковы,
Ты, крѣпко сплоченный составъ костей,
Ниспаль росой, туманомъ испарился;
Иль если бъ ты, Судья земли и неба,
Не запретилъ грѣха самоубійства!
О, Боже мой! О, Боже милосердный,
Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно
Въ глазахъ моихъ житье на этомъ свѣтѣ!
Презрѣнный міръ: - ты опустѣлый садъ,
Негодныхъ травъ пустое достоянье.
И до того должно было дойти!
Два мѣсяца: нѣтъ, даже и не два,
Какъ умеръ онъ - такой монархъ великій
Гиперіонъ въ сравненьи съ тѣмъ Сатиромъ,
Такъ пламенно мою любившій мать,
Что и небесъ неукротимымъ вѣтрамъ
Не позволялъ лица ея касаться!
Земля и Небо, долженъ ли я вспомнить?
Она ему была такъ предана;

Ея любовь, казалось намъ, росла
Со счастьемъ любви - и черезъ мѣсяць...
Покинь меня, воспоминанья сила!
Ничтожность, женщина, твое названье!
Одинъ короткій, быстротечный мѣсяць -
И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла, въ слезахъ, какъ Ниобея,
За бѣднымъ прахомъ моего отца...
О, Небо! Здѣсь, безъ разума, безъ слова,
Грустиль бы долѣе. Супруга дяди,
Супруга брата моего отца!
Но онъ похожъ на Гамлета-монарха,
Какъ я на Геркулеса. Черезъ мѣсяць!
Еще слѣды ея притворныхъ слезъ
Въ очахъ заплаканныхъ такъ ясно видны -
Она жена... О, гнусная поспѣшность!
Такъ быстро, пасть въ кровосмѣшенья ложе!
Тутъ нѣтъ добра и быть его не можетъ.
Скорби, душа: уста должны молчать!

Входятъ: ГОРАЦІО, БЕРНАРДО и МАРЦЕЛЛО.

ГОРАЦІО.

Мое почтенье, благородный принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

А, очень радъ, что вижу васъ здоровымъ,
Гораціо! Иль ошибаюсь я?

ГОРАЦІО.

Онъ самый, принцъ; всегда слуга вашъ бѣдный.

ГАМЛЕТЪ.

Мой добрый другъ, перемѣни названье.
Зачѣмъ изъ Виттенберга ты пріѣхалъ,
Гораціо? Марцелло - ты ли?

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Я очень радъ васъ видѣть. Добрый день!

(Къ Гораціо.)

Нѣтъ, не шутя, зачѣмъ же ты оставилъ
Свой Виттенбергъ?

ГОРАЦІО.

Изъ лѣни, добрый принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И отъ враговъ твоихъ я не желалъ бы
Услышать это, а тѣмъ больше ты
Мой слухъ не долженъ оскорблять словами
И клеветой на самого себя.
Ты не лѣнивъ - я это очень знаю.
Что жъ привело тебя къ намъ въ Ельзиноръ?
Пока ты здѣсь, тебя еще научатъ
Стаканы осушать.

ГОРАЦІО.

Я прибылъ, принцъ,
На погребенъе вашего отца.

ГАМЛЕТЪ.

Не смѣйся надо мной, товарищъ дѣтства:
На свадьбу матери ты поспѣшилъ.

ГОРАЦІО.

Да, правда, принцъ! ее не долго ждали.

ГАМЛЕТЪ.

Хозяйство, другъ Гораціо, хозяйство:
Отъ похоронныхъ пироговъ осталось
Холодное на свадебный обѣдъ.
Врага бы злого легче было встрѣтить
Мнѣ въ небесахъ, чѣмъ этотъ день увидѣть!
Отецъ мой... кажется, я его вижу.

ГОРАЦІО.

Гдѣ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ очахъ души моей, Горацъо.

ГОРАЦІО.

И я покойнаго когда-то видѣлъ:
Онъ благородный былъ монархъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, онъ
Былъ человекъ, во всемъ значеннн слова.
Мнѣ не найти подобнаго ему.

ГОРАЦІО.

Мнѣ кажется, мой принцъ, прошедшей ночью
Его я видѣлъ.

ГАМЛЕТЪ.

Видѣлъ ты! Кого?

ГОРАЦІО.

Принцъ, вашего отца и короля.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? моего отца и короля?

ГОРАЦІО.

Умѣрьте на минуту изумленье
И слушайте: я расскажу вамъ чудо -
И вотъ они вамъ подтвердятъ рассказъ.

ГАМЛЕТЪ.

О, говори, я заклинаю Небомъ!

ГОРАЦІО.

Двѣ ночи сряду, въ часъ ихъ караула,
Средь мертвой тишины глухой полночи,
Съ Марцелло и Бернардо было вотъ что:
Видѣніе, какъ вашъ отецъ покойный,
Въ доспѣхахъ бранныхъ съ ногъ до головы,
Подходитъ къ нимъ величественнымъ шагомъ;
Торжественно проходитъ три раза
Предъ ихъ окаменѣлыми глазами,
Жезломъ своимъ едва ихъ не касаясь.
Они, отъ ужаса лишившись слова,
Стоять и рѣчи не заводятъ съ нимъ.
И это все съ таинственностью робкой
Они открыли мнѣ. На третью ночь
Я съ ними былъ. Все оказалось правдой:
Въ тотъ самый часъ и въ томъ же самомъ видѣ,
Какъ рассказали мнѣ, приходитъ тѣнь.
Я помню вашего отца. Взгляните -
Вотъ двѣ руки: онѣ не больше схожи

Одна съ другой.

ГАМЛЕТЪ.

Но гдѣ же это было?

МАРЦЕЛЛО.

Гдѣ караулъ нашъ: на террасѣ замка.

ГАМЛЕТЪ.

Ты съ нимъ не говорилъ?

ГОРАЦІО.

Да, говорилъ,
Но онъ не отвѣчалъ; однажды только
Онъ голову, казалось намъ, возвысилъ,
Готовый говорить; но въ то жъ мгновенье
Запѣлъ пѣтухъ, и вмѣстѣ съ звонкимъ крикомъ
Тѣнь ускользнула и исчезла.

ГАМЛЕТЪ.

Странно!

ГОРАЦІО.

Клянусь вамъ жизнью, это правда, принцъ,
И мы сочли за долгъ сказать объ этомъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, господа, оно меня тревожить.
На эту ночь вы въ караулѣ?

ВСЪ.

Да.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ вооружень?

ВСЪ.

Вооружень.

ГАМЛЕТЪ.

Отъ головы до ногъ?

ВСЪ.

Отъ темени до пять.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы лица не видѣли его?

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, видѣли: налѣчникъ поднять былъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жъ, грозно онъ смотрѣлъ?

ГОРАЦІО.

Въ его лицѣ
Скорѣе скорбь, чѣмъ гнѣвъ изображался.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ багровъ или блѣдень?

ГОРАЦІО.

Страшно блѣдень.

ГАМЛЕТЪ.

И очи устремлялъ на васъ?

ГОРАЦІО.

Не отводя.

ГАМЛЕТЪ.

Жаль, очень жаль, что я не съ вами былъ.

ГОРАЦІО.

Вы ужаснулись бы.

ГАМЛЕТЪ.

Весьма, весьма возможно.

И долго пробылъ онъ?

ГОРАЦІО.

Покамѣстъ сотню
Успѣешь насчитать, считая тихо.

МАРЦЕЛЛО и БЕРНАРДО.

О, дольше, дольше!

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, при мнѣ не долше.

ГАМЛЕТЪ.

И цвѣтъ волосъ на бородѣ съдой?

ГОРАЦІО.

Да, черный съ просѣдью, какъ былъ при жизни.

ГАМЛЕТЪ.

Я эту ночь не сплю: случиться можетъ,
Что онъ опять придетъ.

ГОРАЦІО.

Навѣрно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И если вновь онъ приметъ видъ отца,
Я съ нимъ заговорю, хоть самый адъ,
Открывши зѣвъ, приказывай умолкнуть!
А васъ прошу: когда видѣнья тайну
Вы отъ другихъ скрывали до сихъ поръ,
Такъ сохраните же ее и долше.
Всему, что встрѣтится намъ въ эту ночь,
Всему давайте смыслъ, но только молча.
Я вамъ за дружбу отплачу. Прощайте.
Въ двѣнадцатомъ часу я на террасѣ
Увижу васъ.

В С ъ .

Къ услугамъ вашимъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я не услугъ прошу у васъ, а дружбы,
Какую самъ питаю къ вамъ. Прощайте

(Гораціо, Марцелло и Бернардо уходятъ.)

Родителя вооруженный духъ!
Неловко что-то здѣсь: я злыя козни
Подозрѣваю. О, скорѣй бы ночь!
До тѣхъ же поръ, душа моя, покойся!
Злодѣйство выступить на свѣтъ дневной,
Хоть цѣлой будъ засыпано землей. *(Уходитъ.)*

СЦЕНА III.

Комната въ домъ Полонія.

Входятъ ЛАЭРТЪ и ОФЕЛІЯ.

ЛАЭРТЪ.

Мои пожитки въ корабль. Прощай.
Да не забудь, сестра, когда случится
Попутный вѣтръ съ идущимъ кораблемъ,
Не спи и дай мнѣ о себѣ извѣстье.

ОФЕЛІЯ.

Ты сомнѣваешься?

ЛАЭРТЪ.

Что до Гамлета

И до его любовныхъ пустяковъ,
Смотри на нихъ, какъ просто на учтивость,
Какъ на игру въ его крови, фіалку,
Расцвѣтшую въ порѣ весеннихъ лѣтъ,
Но не надолго: сладкую на мигъ,
Красу и запахъ одного мгновенья -
Не больше.

ОФЕЛІЯ.

Только? и не больше?

ЛАЭРТЪ.

Нѣтъ.

Природа въ насъ растеть не только тѣломъ:
Чѣмъ выше храмъ, тѣмъ выше возникаетъ
Души и разума святая служба.
Онъ, можетъ-быть, теперь тебя и любитъ:
Обманъ и зло еще не запятнали
Въ немъ добродѣтели души; но бойся:
Какъ первый принцъ, онъ не имѣеть воли,
Онъ рабъ происхожденья своего;
Не можетъ онъ, какъ мы, простые люди,
Избрать подругу по сердцу себѣ:
Съ избраніемъ ея сопряжены
Упадокъ силъ иль счастье государства -
И потому души его желанья
Ограждены согласіемъ людей,
Которымъ онъ глава. И если снова
Онъ о любви съ тобой заговорить,
Умно ты сдѣлаешь, когда не больше
Повѣришь страстному его признанью,

Какъ сколько можетъ онъ осуществить
 Свои слова: не больше, чѣмъ позволить
 Всеобщій голось датскаго народа.
 Обдумай, сколько пострадаетъ честь,
 Когда твой слухъ къ его любовной пѣснѣ
 Довѣрчиво прильнетъ, когда ты сердце
 Ему отдашь - и бурное стремленье
 Похитить скромности твоей алмазь.
 Страшись, Офелія! страшись, сестра!
 Сдержи въ себѣ привязанность свою,
 Подальше отъ опаснаго желанья.
 Изъ дѣвъ чистѣйшая ужъ не скромна,
 Когда лунѣ ея открыта прелесть.
 Отъ клеветы и святость не уйдетъ.

Дѣтей весны нерѣдко истребляетъ
 Червякъ, когда еще покрыта почка;
 И въ юности, какъ утромъ при росѣ,
 Опаснѣй вѣетъ ядовитый вѣтеръ.
 Смотри жъ, сестра, остерегайся! Страхъ -
 Ограда отъ бѣды; а наша юность
 И безъ враговъ въ борьбѣ сама съ собой.

О Ф Е Л І Я .

Я сохраню прекрасный смыслъ урока:
 Онъ будетъ сторожемъ моей груди.
 Но, милый братъ, не поступай со мною,
 Какъ лицемѣръ въ священнической рясѣ;
 Не говори: вотъ путь тернистый къ небу,
 Когда ты самъ, какъ дерзкій сластолюбець,
 Пойдешь цвѣтистою тропой грѣха
 И свой урокъ съ усмѣшкой позабудешь.

Л А Э Р Т Ъ .

О, нѣтъ! Но я промедлилъ слишкомъ долго.
 Да вотъ и батюшка.

Входитъ П О Л О Н І Я .

Л А Э Р Т Ъ .

Благословите дважды -
 И благость дважды на меня сойдетъ.
 Судьба опять свела насъ на прощанье.

Полоній.

Ты здѣсь еще, Лаэртъ? На бортъ, на бортъ,
Попутный вѣтеръ паруса наполнилъ;
Тебя тамъ ждутъ.

(Кладетъ ему на голову руки.)

Мое благословенье

Да будетъ надъ тобою навсегда!
И эти правила запечатлѣй
Въ твоей душѣ; не говори - что мыслишь,
И мысль незрѣлую не исполняй;
Будь ласковъ, но не будь пріятель общій;
Друзей, которыхъ испыталъ, желѣзомъ
Прикуй къ душѣ, но не марай руки,
Со всякимъ встрѣчнымъ заключая братство;
Остерегись, чтобъ не попасться въ ссору:
Попаль - такъ чтобы врагъ остерегался;
Всѣхъ слушай, но не всѣмъ давай свой голосъ;
Совѣты принимай отъ всѣхъ дающихъ,
Но собственное мнѣнье береги;
Смотря по средствамъ, одѣвайся пышно,
Но не смѣшно, богато - не пестро.
Одежда говоритъ о человѣкѣ,
А высшій кругъ одѣтъ въ Парижѣ съ тонкимъ,
Разборчивымъ и благороднымъ вкусомъ.
Не занимай и не давай займы:
Заемъ нерѣдко исчезаетъ съ дружбой,
А долгъ есть ядъ въ хозяйственномъ расчетѣ.
Но главное: будь вѣренъ самъ себѣ,
И, слѣдственно, какъ дважды два - четыре,
Ни передъ кѣмъ не будешь ты фальшивъ.
Прощай, Лаэртъ. Небесъ благословенье
Да подкрѣпитъ въ тебѣ мои совѣты.

ЛАЭРТЪ.

Прощайте, батюшка.

Полоній.

Пора, пора!

Ступай, тебя твоя прислуга ждетъ.

ЛАЭРТЪ.

Прощай, Офелія, и не забудь
Мои слова.

ОФЕЛІЯ.

Я крѣпко ихъ замкнула
Въ моей груди, а ключъ возьми съ собой.

ЛАЭРТЪ.

Прощай. *(Уходитъ.)*

ПОЛОНІЙ.

О чемъ, Офелія, онъ говорилъ?

ОФЕЛІЯ.

О принцѣ Гамлетѣ.

ПОЛОНІЙ.

Ахъ, кстати, да!

Мнѣ говорятъ, что съ нѣкоторыхъ поръ
Съ тобою дѣлится онъ уединенье;
Что Гамлету всегда сама ты рада.
А если это такъ - по крайней мѣрѣ
Такъ говорили мнѣ, остерегая -
Я принуждёнъ, Офелія, замѣтить,
Что дочери моей бы не мѣшало
Смотрѣть яснѣй, для собственной же чести,
На эту связь. Скажи-ка мнѣ всю правду:
Что за союзъ у васъ?

ОФЕЛІЯ.

Онъ признавался
Мнѣ въ склонности своей.

ПОЛОНІЙ.

Да, склонность!

Ты говоришь, какъ малое дитя,
Опасности такой не постигая.
Что жъ, ты повѣрила его признанью?

ОФЕЛІЯ.

Не знаю, право, что и думать мнѣ.

ПОЛОНІЙ.

Такъ я скажу тебѣ, что надо думать:
Ты, дурочка, за чистую монету
Почла его пустыя восклицанья.

ОФЕЛІЯ.

Отецъ, онъ мнѣ въ любви своей открылся
Почтительно и скромно.

ПОЛОНІЙ.

Да! пожалуй,
Все можно скромностью назвать - поди!

ОФЕЛІЯ.

Онъ клятвой подкрѣпилъ свои слова.

ПОЛОНІЙ.

Свистки для перепелокъ. Знаю, знаю,
Когда кипитъ въ насъ кровь, куда какъ щедро
Душа ссужаетъ клятвами языкъ.
Но это блескъ, свѣтящій безъ тепла;
Не почитай его огнемъ: онъ гаснетъ

154

Со звукомъ словъ. Скупись впередъ побольше
Своимъ сообществомъ; не будь всегда
Готовою къ бесѣдѣ по приказу.
А Гамлету ты можешь вѣрить вотъ какъ:
Онъ молодъ, онъ въ своихъ поступкахъ воленъ,
Какъ ты не можешь быть вольна... и, словомъ,
Не вѣрь его словамъ: они обманутъ;
Они не то, чѣмъ кажутся снаружи,
Ходатаи преступныхъ наслажденій.
Они звучатъ, какъ набожныхъ обѣты,
Чтобъ легче обольстить. И коротко, и ясно,
Однажды навсегда: ты не должна
Часы свободны убивать на то,
Чтобъ съ Гамлетомъ пускаться въ разговоры.
Смотри же, помни, дочь! Ступай.

ОФЕЛІЯ.

Я повинуюся. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА IV.

Терраса.

Входятъ: ГАМЛЕТЪ, ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛО.

ГАМЛЕТЪ.

Морозъ ужасный, - вѣтеръ такъ и рѣжетъ.

ГОРАЦІО.

Да, холодъ проникаетъ до костей.

ГАМЛЕТЪ.

Который часъ?

ГОРАЦІО.

Двѣнадцатый въ исходѣ.

МАРЦЕЛЛО.

Нѣтъ, полночь ужъ пробило.

ГОРАЦІО.

Въ самомъ дѣлѣ?

Я не слыхалъ. Такъ, значить, ближе время,
Когда блуждаетъ духъ обыкновенно.

(Звукъ трубъ и пушечные выстрѣлы за сценой.)

Что это значить, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Король всю ночь гуляетъ на-пролетъ,
Шумить и пѣть, и мчится въ быстромъ вальсѣ.
Едва осушить онъ стаканъ рейнвейна,
Какъ слышенъ громъ и пушекъ, и литавръ,
Гремящихъ въ честь побѣды надъ виномъ,

ГОРАЦІО.

Обычай это?

ГАМЛЕТЪ.

Да, конечно, такъ -
И я къ нему, какъ здѣшній уроженецъ,
Хоть и привыкъ, однако же по мнѣ
Забыть его гораздо благороднѣй,
Чѣмъ сохранять. Похмелье и пирушки.
Мараютъ насъ въ понятіи народа:
За нихъ зовутъ насъ Бахуса жрецами -
И съ нашимъ именемъ соединяютъ
Прозванье черное. Сказать по правдѣ,
Всю славу дѣлъ великихъ и прекрасныхъ
Смываетъ съ насъ вино. Таковую участь
Несетъ и честный человѣкъ: его,
Когда онъ заклеименъ пятномъ природы,

Какъ, напримѣръ, не въ мѣру пылкой кровью,
Берущей верхъ надъ силою ума -
Въ чемъ и невиненъ онъ: его рожденье
Есть случай безъ разумной воли -
Или привычкою, которая, какъ ржа,
Съѣдаетъ блескъ поступковъ благородныхъ,
Его, я говорю, людское мнѣнье
Лишить достоинства; его осудятъ
За то, что въ немъ одно пятно порока,
Хоть будь оно клеймо слѣпой природы
И самъ онъ будь такъ чистъ, какъ добродѣтель,
Съ безмѣрно благородною душой.
Пылинка зла уничтожаетъ благо.

Входитъ Тѣнь.

ГОРАЦІО.

Смотрите, принцъ: онъ снова къ намъ идетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Спасите насъ, о неба серафимы!
Блаженный духъ иль демонъ проклятой,
Облекся ль ты въ благоуханье неба,
Иль въ ада дымъ, со зломъ или съ любовью
Приходишь ты? Твой образъ такъ заманчивъ!
Я говорю съ тобой: тебя зову я
Гамлетомъ, королемъ, отцомъ, монархомъ!
Не дай въ незнаніи погибнуть мнѣ!
Скажи, зачѣмъ твои святые кости
Расторгли саванъ твой? Зачѣмъ гробница,
Куда тебя мы съ миромъ опустили,
Разверзла мраморный, тяжелый зѣвъ
И вновь извергнула тебя? Зачѣмъ
Ты, мертвый трупъ, въ воинственныхъ доспѣхахъ
Опять идешь въ сіяніи луны,
Во тьму ночей вселяя грозный ужасъ,
И насъ, слѣпцовъ среди природы, мучишь
Для нашихъ душъ недостижимой мыслью -
Скажи, зачѣмъ? зачѣмъ? Что дѣлать намъ?

(Тѣнь манитъ Гамлета.)

ГОРАЦІО.

Онъ манитъ васъ, чтобъ вы пошли за нимъ,
Какъ-будто хочетъ сообщить вамъ что-то
Наединѣ.

МАРЦЕЛЛО.

Вот посмотрите, принцъ,
Съ какою ласковой улыбкой онъ
Зоветъ васъ за собой въ другое мѣсто.
Но не ходите съ нимъ.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, ни за что!

ГАМЛЕТЪ.

Но онъ молчитъ: такъ я за нимъ иду.

155

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, не ходите, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чего бояться?

Мнѣ жизнь моя ничтожнѣе булавки!
Моей душѣ что можетъ сдѣлать онъ!
Моей душѣ, безсмертной, какъ онъ самъ?
Онъ манитъ вновь - я слѣдую за нимъ!

ГОРАЦІО.

Что, если васъ онъ къ морю заманитъ,
Иль на скалы бесплодную вершину,
Что тамъ, склонясь, глядится въ океанъ?
Что, если тамъ, принявъ ужасный образъ,
Онъ васъ лишитъ владычества разсудка?
Подумайте! Одна пустынность мѣста,
Сама собой, готова привести
Къ отчаянью, когда посмотришь въ бездну
И слышишь въ ней далекій плескъ волны.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ все манитъ. Иди - я за тобою!

МАРЦЕЛЛО.

Вы не должны итти, мой принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Прочь руки!

ГОРАЦІО.

Послушайтесь и не ходите, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, я иду: судьба меня зоветъ!
Въ малѣйшій нервъ она вдохнула крѣпость
Льва африканскаго. Онъ все манитъ -
Пустите, или - я клянусь вамъ Небомъ -
Тотъ будетъ самъ видѣнъемъ, кто посмѣеть
Держать меня! Впередъ! Я за тобою!

(Тѣнь и Гамлетъ уходятъ.)

ГОРАЦИО.

Онъ внѣ себя - увы, онъ помѣшался!

МАРЦЕЛЛО.

За нимъ: мы не должны повиноваться.

ГОРАЦИО.

Пойдемъ, пойдемъ! Чѣмъ кончится все это?

МАРЦЕЛЛО.

Нечисто что-то въ датскомъ королевствѣ.

ГОРАЦИО.

Друзья, Господь устроитъ все.

МАРЦЕЛЛО.

Идемъ. *(Уходятъ.)*

СЦЕНА V.

Другая часть террасы.

Входятъ Тѣнь и Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Куда ведешь? Я далѣе неиду.

Тѣнь.

Внимай!

ГАМЛЕТЪ.

Я слушаю.

Тѣнь.

Ужъ близокъ часъ,
Когда я долженъ возвратиться въ нѣдра
Мучительнаго сѣрнаго огня.

ГАМЛЕТЪ.

О, бѣдный духъ!

ТѢНЬ.

Не сожалѣй, но слушай
Внимательно, что я тебѣ скажу.

ГАМЛЕТЪ.

О, говори! Мой долгъ тебѣ внимать.

ТѢНЬ.

И отомстить, когда услышишь.

ГАМЛЕТЪ.

Что?

ТѢНЬ.

Я твоего отца безсмертный духъ,
Во тьмѣ ночей скитаться осужденный,
А днемъ въ огнѣ обязанный страдать,
Пока мои земныя прегрѣшенья
Не выгорятъ среди моихъ страданій.
Когда бъ мнѣ не было запрещено
Открыть тебѣ моей темницы тайну,
Я началъ бы разсказъ, который душу
Твою легчайшимъ раздавилъ бы словомъ,
Охолодилъ бы молодую кровь,
Глаза изъ сферъ ихъ вырвалъ бы, какъ звѣзды,
И каждый волосъ вьющихся кудрей
Поставилъ бы на головѣ отдѣльно,
Какъ иглы на сердитомъ дикобразѣ.
Но слухъ изъ крови и костей не можетъ
Постигнуть откровенья вѣчныхъ тайнъ.
Внимай, внимай, внимай, когда любилъ
Ты своего отца, мой сынъ!

ГАМЛЕТЪ.

О, Небо!

ТѢНЬ.

Отмсти, отмсти за гнусное убійство!

ГАМЛЕТЪ.

Убийство?

ТѢНЬ.

Подлое, какъ всѣ убійства.

Но твой отецъ убить безчеловѣчно,
Неслыханно.

ГАМЛЕТЪ.

Скажи скорѣй! На крыльяхъ,
Какъ мысль любви, какъ вдохновенье быстрыхъ,
Я полечу къ отмщенью.

ТѢНЬ.

Ты готовъ;

Но будь ты вяль, какъ сонная трава,
Что мирно спитъ на Леты берегахъ,
Проснуться ты при этой долженъ вѣсти!
Внимай же, Гамлетъ: говорятъ, что я

156

Уснулъ въ саду и былъ змѣей ужалень.
Народа слухъ безстыдно обманули
Такою выдумкой моей кончины;
Но знай, мой благородный Гамлетъ: змѣй,
Смертельный ядъ въ мое излившій тѣло,
Теперь въ моемъ красуется вѣнцѣ.

ГАМЛЕТЪ.

О, ты, пророчество моей души!
Мой дядя?

ТѢНЬ.

Да. Онъ, звѣрь-кровосмѣситель,
Очарованьемъ словъ и даромъ лжи -
Презрѣнный даръ, способный обольщать -
Успѣлъ склонить къ грѣховнымъ наслажденьямъ
Лжедобродѣтельной Гертруды волю.
Что за измѣна то была, о Гамлетъ!
Меня, съ моей любовью неизмѣнной,
Какъ клятва, данная при алтарѣ,
Меня забыть и пасть въ его объятъя,
Его, который - прахъ передо мною!

Какъ добродѣтели не обольститъ
Развратъ, хоть будь онъ въ одѣяньи неба,
Такъ точно страсть и съ ангеломъ въ союзѣ
Наскучить, наконецъ, небеснымъ ложемъ -
И жаждетъ недостойнаго. Пстой!
Я утренній почуялъ вѣтерокъ:
Я сокращу рассказъ. Когда въ саду
Я спалъ по окончаніи обѣда,
Подкрался дядя твой со склянкой сока
Злой бѣлены и ядъ мнѣ въ ухо влилъ,
Людской природѣ столько ненавистный,
Что онъ какъ ртуть бѣжитъ въ каналахъ тѣла,
Внезапной силой растворяя кровь.
И этотъ ядъ покрылъ меня мгновенно,
Какъ Лазаря, корой нечистыхъ струпьевъ.
Такъ я во снѣ убить рукою брата,
Убить въ веснѣ грѣховъ, безъ покаянья,
Безъ исповѣди и безъ тайнъ святыхъ.
Не кончивъ счетъ, я былъ на судъ отозванъ
Со всею тяжестью земныхъ грѣховъ.
Ужасно! о ужасно! о ужасно!
Не потерпи, когда въ тебѣ природа есть, -
Не потерпи, чтобъ Даніи престолъ
Кроватью былъ для гнуснаго разврата.
Но какъ бы ты ни вздумалъ отомстить,
Не запятнай души: да не коснется
Отмщенья мысль до матери твоей!
Оставь ее Творцу и острымъ тернамъ,
Въ ея груди уже пустившимъ корни.
Прощай! прощай! Свѣтящійся червякъ
Мнѣ говоритъ, что близко утро:
Безсильный свѣтъ его уже блѣднѣетъ.
Прощай, прощай и помни обо мнѣ!

(Уходитъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Господь земли и неба! Что еще?
Не вызвать ли и адъ! Нѣтъ, тише, тише,
Моя душа! О, не старѣйте, нервы!
Держите персть возвышенно и прямо!
Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ,
Пока есть память въ черепѣ моемъ.
Мнѣ помнить? Да, съ страницъ воспоминанья
Всѣ пошлые рассказы я сотру,
Всѣ изреченья книгъ, все впечатлѣнья,

Минувшаго слѣды, плоды разсудка
И наблюденій юности моеи.
Твои слова, родитель мой, одни
Пусть въ книгѣ сердца моего живутъ
Безъ примѣси другихъ, ничтожныхъ словъ.
Клянуся въ томъ благими небесами!
О, женщина преступная! Злодѣй,
Злодѣй, смѣющійся, проклятый извергъ!
Гдѣ мой бумажникъ? Запишу, что можно
Съ улыбкой вѣчною злодѣемъ быть,
По крайней мѣрѣ въ Даніи возможно.

(Пишетъ.)

Здѣсь дядюшка. Теперь пароль и отзывъ:
«Прощай, прощай и помни обо мнѣ!»
Я поклялся.

ГОРАЦІО (за сценой).

Принцъ! принцъ!

МАРЦЕЛЛО (за сценой).

Принцъ Гамлетъ!

ГОРАЦІО (за сценой).

Богъ да защититъ васъ!

ГАМЛЕТЪ.

Аминь!

МАРЦЕЛЛО (за сценой).

Эй, гдѣ вы, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Сюда, мой соколъ!

Входятъ ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛО.

МАРЦЕЛЛО.

Что съ вами, принцъ?

ГОРАЦІО.

Ну, что узнали вы?

ГАМЛЕТЪ.

О, удивительно!

ГОРАЦІО.

Скажите, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, вы расскажете.

ГОРАЦІО.

Я - нѣтъ, мой принцъ!

Клянусь вамъ Небомъ.

МАРЦЕЛЛО.

Я не расскажу.

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ видите... И кто бы могъ подумать!

Но, чуръ, молчать.

ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛО.

Клянусь вамъ Небомъ, принцъ!

157

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ въ Даніи ни одного злодѣя,
Который не былъ бы негоднымъ плутомъ.

ГОРАЦІО.

Чтобъ это намъ сказать, не стоить
Вставать изъ гроба мертвецу.

ГАМЛЕТЪ.

Вы правы -
И потому, безъ дальнихъ объясненій,
Я думаю - простимся и пойдемъ.
Вы - по дѣламъ или желаньямъ вашимъ:
У всѣхъ свои желанья и дѣла,
А бѣдный Гамлетъ - онъ пойдетъ молиться.

ГОРАЦІО.

Да это, принцъ, безсвязныя слова.

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ очень жаль, что вамъ они обидны;
Душевно жаль.

ГОРАЦИО.

Тутъ нѣтъ обиды, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Горацъ, есть: клянусь святымъ Патрикомъ,
Обида страшная! Что до видѣнья -
Онъ честный духъ, повѣрьте мнѣ, друзья;
Желанье жъ знать, что было между нами,
Одолѣвай, какъ можетъ кто. Теперь,
Когда вы мнѣ товарищи, друзья,
Когда солдаты вы, прошу исполнить,
О чемъ я попрошу.

ГОРАЦИО.

Охотно. Что же?

ГАМЛЕТЪ.

Не говорить, что видѣли вы ночью.

ГОРАЦИО. и МАРЦЕЛЛО.

Не скажемъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Однакожь, поклянитесь.

ГОРАЦИО.

Клянусь вамъ честью, принцъ, не разглашать.

МАРЦЕЛЛО.

Я также.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! клянитесь на мечѣ!

МАРЦЕЛЛО.

Мы поклялись уже.

ГАМЛЕТЪ.

На мечъ, на мечъ мой!

Тѣнь (*подъ землею*).

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

А! ты здѣсь, товарищъ вѣрный?

Что жъ, господа, вы слышите - прїатель
Не спить въ гробу: угодно вамъ поклясться.

ГОРАЦІО.

Скажите: въ чемъ?

ГАМЛЕТЪ.

Чтобъ никогда до смерти
О томъ, что видѣли, не говорить ни слова.
Клянитесь на моемъ мечѣ!

ТѢНЬ (*подъ землею*).

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Nic et ubique: перемѣнимъ мѣсто -
Сюда, друзья. Сложите снова руки
На мечъ мой и клянитесь: никогда
О томъ, что видѣли, не говорить ни слова.

ТѢНЬ (*подъ землею*).

Клянитесь на мечѣ!

ГАМЛЕТЪ.

А, браво, кротъ!
Какъ роешься ты быстро подъ землей!
Отличный рудокопъ! Еще разъ дальше.

ГОРАЦІО.

Непостижимо, странно!

ГАМЛЕТЪ.

Эту странность,
Какъ странника, укрой въ своемъ жилищѣ.
Есть многое на небѣ и землѣ,
Что и во снѣ, Гораціо, не снилось
Твоей учености. Однако, дальше!
Здѣсь, какъ и тамъ, клянитесь мнѣ блаженствомъ,
Что какъ бы странно я себя ни велъ -
Я, можетъ быть, сочту необходимымъ
Явиться чудакомъ - что вы тогда
Не станете руками дѣлать знаковъ,
Ни головой качать, ни говорить
Двусмысленно, какъ напрімѣръ: «да, знаемъ»,
Или: «могли бы мы, когда хотѣли»,
Или: «когда бы смѣли мы сказать»,

Иль: «люди есть, которые могли бы...»
Или другимъ неясственнымъ намекомъ
Не скажете, что дѣло вамъ извѣстно.
Вотъ въ чемъ клянитесь мнѣ, клянитесь Богомъ
И въ смертный часъ Его святой защитой.

ТѢНЬ (*подъ землею*).

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Успокойся, успокойся
Ты, страдающая тѣнь! Ну, господа,
Прошу любить и жаловать меня -
И сколько бѣдный человѣкъ, какъ Гамлетъ,
Вамъ можетъ оказать любви и дружбы,
Онъ вамъ окажетъ ихъ, Богъ дастъ. Идемъ!
Ни слова болѣ: пала связь временъ?
Зачѣмъ же я связать ее рождень!
Итакъ, пойдете вмѣстѣ, господа.

(*Уходятъ.*)

158

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Полоній и Рейнальдо.

Полоній.

Отдай ему, Рейнальдо, эти деньги
И письма.

Рейнальдо.

Слушаю.

Полоній.

Куда умно,
Рейнальдо добрый мой, было бь сначала
Узнать о томъ, какъ онъ себя ведетъ,

А тамъ и посѣтить.

РЕЙНАЛЬДО.

Я такъ и думаль.

ПОЛОНІЙ.

Прекрасно сказано, прекрасно! Видишь:
Сперва спроси, кто изъ датчанъ въ Парижѣ,
И гдѣ, и какъ, и почему живутъ,
Съ кѣмъ знаются и сколько проживаютъ.
Потомъ, когда окольною дорогою
Твоихъ распросовъ ты дойдешь до цѣли,
Замѣтишь, что они Лаэрта знаютъ -
И ближе приступи. Спроси о немъ,
Какъ будто вы издалека знакомы;
Скажи, что знаешь ты его отца,
Пріятелей, отчасти и его.
Что, понялъ ли, Рейнальдо?

РЕЙНАЛЬДО.

Понимаю.

ПОЛОНІЙ.

«Отчасти и его, но, впрочемъ, мало;
И если это тотъ, такъ онъ буянь
И водится за нимъ и то, и се» -
А тамъ налги, что хочешь на Лаэрта,
Лишь чести не затрогивай его -
Отъ этого остерегись, а этакъ
Про разныя веселыя проказы,
Извѣстные сопутники свободы
И юности.

РЕЙНАЛЬДО.

Какъ, напимѣрь, игра?

ПОЛОНІЙ.

Да, или пьянство, клятвы, поединки,
Развратъ; но дальше ужъ нейди.

РЕЙНАЛЬДО.

Но это запятнаетъ честь.

ПОЛОНІЙ.

Нисколько,

Когда съумѣешь къ дѣлу подойти.

Его не долженъ ты давать въ добычу,
Какъ невожднаго, злословію людей.
Я разумѣлъ не то! Его проступки
Старайся освѣтить пристойнымъ свѣтомъ:
Пусть кажутся они пятномъ свободы,
Огнемъ и вспышкой пламенной души,
Волненіемъ неукротимой крови -
Удѣломъ всѣхъ.

РЕЙНАЛЬДО.

Однако...

ПОЛОНІЙ.

Ты хотѣлъ бы
Узнать, зачѣмъ все это надо дѣлать?

РЕЙНАЛЬДО.

Да, мнѣ хотѣлось бы.

ПОЛОНІЙ.

Ну, вотъ мой планъ -
И, кажется, ловушка недурна.
Когда его слегка ты запятнаешь,
Какъ будто онъ въ дѣлахъ своихъ нечистъ,
Замѣть - и тотъ, съ которымъ говоришь ты,
Видалъ когда-нибудь, что молодецъ
Виновень былъ въ означенныхъ порокахъ,
Повѣрь, что такъ начнетъ онъ говорить:
«Любезный другъ», «почтеннѣйшій», иль «сударь»,
Какъ водится привѣтствовать людей
У нихъ въ землѣ.

РЕЙНАЛЬДО.

Я слушаю - что дальше?

ПОЛОНІЙ. Потомъ - онъ вотъ что сдѣлаеть: онъ... Да что, бишь, я хотѣлъ
сказать? Ей-богу, я что-то хотѣлъ сказать! На чемъ я остановился?

РЕЙНАЛЬДО.

На томъ, что «такъ начнетъ онъ говорить...»

ПОЛОНІЙ.

Что такъ начнетъ онъ говорить: «Да, точно»,
Онъ скажетъ: «я, вѣдь, молодца-то знаю;
На-дняхъ, или вчера, или тогда-то
Его я видѣлъ съ тѣмъ или другимъ;

И – точно - онъ, какъ говорите вы,
Вель страшную игру; тогда былъ пьянь,
Тогда поссорился за карточнымъ столомъ...»
Иль даже: «я видалъ, какъ заходилъ онъ
Въ публичный домъ» - и прочее такое.
И примѣчай, какъ на приманку лжи
Ты рыбку истины поймашь. Такъ
Мы, люди съ толкомъ и умомъ, умѣемъ
Обходами за скрытымъ переулкомъ
Проселками пройти въ село. Итакъ,
Ты можешь, слѣдуя моимъ совѣтамъ,
Лаэрта испытать. Меня ты поняль -
Не правда ль?

РЕЙНАЛЬДО.

Да.

ПОЛОНІЙ.

Ну, Богъ съ тобой!

РЕЙНАЛЬДО.

Прощайте.

159

ПОЛОНІЙ.

Самъ наблюдай его поступки.

РЕЙНАЛЬДО.

Слышу.

ПОЛОНІЙ.

Да музыку чтобъ онъ не покидалъ.

РЕЙНАЛЬДО.

Исполню все.

(Уходитъ.)

Входитъ ОФЕЛІЯ.

ПОЛОНІЙ.

Прощай. Ну что, Офелія, что скажешь?

ОФЕЛІЯ.

Ахъ, какъ я испугалась, о мой Боже!

Полоній.

Чего же, Богъ съ тобой? Что тамъ случилось?

Офелія.

Я шила въ комнатѣ моей, какъ вдругъ
Вбѣгаетъ Гамлетъ; плащъ на немъ разорванъ,
На головѣ нѣтъ шляпы, а чулки
Разорваны и спущены до пятокъ;
Онъ блѣденъ, какъ стѣна; колѣни гнутся;
Глаза блестятъ какимъ-то жалкимъ свѣтомъ,
Какъ-будто онъ былъ посланъ преисподней,
Чтобъ рассказать объ ужасахъ ея.
Таковъ онъ былъ.

Полоній.

Безумный отъ любви?

Офелія.

Не знаю, но боюсь, что это такъ.

Полоній.

О чемъ же онъ съ тобою говорилъ?

Офелія.

Онъ крѣпко за руку меня схватилъ
О, отступивъ потомъ на всю длину
Руки своей, другою осѣнилъ онъ
Глаза и пристально смотрѣлъ въ лицо мнѣ,
Какъ-будто бы хотѣлъ его писать.
Такъ долго онъ стоялъ; потомъ, слегка
Пожавши руку мнѣ, онъ покачалъ
Три раза головой и такъ глубоко,
Такъ жалобно вздохнулъ, какъ-будто тѣло
На части распадется съ этимъ вздохомъ
И жизнь изъ груди улетитъ. Вздохнувши,
Онъ отпустилъ меня; черезъ плечо
Закинувъ голову, казалось, путь свой
Онъ видѣлъ безъ очей: безъ ихъ участя,
Онъ вышелъ за порогъ и до конца
Меня ихъ свѣтомъ озарялъ.

Полоній.

Пойдемъ,

Пойдемъ со мной - я короля сыщу.

Вотъ истинно безуміе любви:
Оно свирѣпствуетъ противъ себя
И насъ влечетъ къ отчаяннымъ дѣламъ
Не рѣже, чѣмъ любая изъ страстей,
Терзающихъ насъ подъ луною. Жаль!
Ты съ нимъ не говорила ль слишкомъ грубо?

О Ф Е Л І Я .

Нѣтъ,

Я только не брала его посланій
И самого къ себѣ не принимала,
Какъ вы вчера, отецъ, мнѣ приказали.

П о л о н і й .

Онъ отъ того и помѣшался. Жаль,
Что раньше я объ этомъ не подумалъ;
Но я боялся, что Гамлетъ шалить
И только хочетъ погубить тебя.
Будь проклято такое подозрѣнье!
Мы, старики, мнѣ кажется, готовы
Во мнѣніяхъ переступить за цѣль,
Какъ юноша нерѣдко забываетъ
Предусмотрительность. Идемъ же къ королю:
Онъ долженъ все узнать. Гораздо хуже
Скрыть эту страсть отъ короля,
Чѣмъ тайну Гамлета разоблачить.
Пойдемъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ и свита.

Король.

Добро пожаловать, мой Розенкранцъ
И Гильденштернъ! Желанье васъ увидѣть
И вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ вашей службѣ
Заставили призвать васъ такъ поспѣшно.
Вы слышали уже о томъ, что Гамлетъ
Преобразился вдругъ. Такъ говорю я
Затѣмъ, что онъ ни тѣломъ, ни душою
Не тотъ, что былъ. И я не понимаю,
Что - если не родителя кончина -

Могла такъ глубоко его разстроить.
Обоихъ васъ прошу я, господа -
Вы съ нимъ воспитаны, вы такъ знакомы
Съ его душой - останьтесь здѣсь на время
Въ моемъ дворцѣ. Старайтесь заманить
Его въ веселости, игру, въ забавы,
И - сколько вамъ на слѣдъ напасть удастся -
Узнайте, чѣмъ онъ сильно такъ разстроень.
Быть-можетъ, мы, найдя тому причину,
Найдемъ и средство излѣчить болѣзнь.

КОРОЛЕВА.

Онъ очень часто вспоминалъ о васъ,
И я увѣрена, что нѣтъ другихъ,
Къ кому бы онъ привязанъ былъ такъ сильно.
Когда вы такъ добры, что захотите
Намъ времени немного посвятить,
Мы васъ по-королевски наградимъ.

160

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Вы властью царскою облечены:
Къ чему просить? - вамъ стоитъ повелѣть.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы повинуемся. Къ стопамъ монаршимъ,
По мѣрѣ силъ, готовы нашу службу
Повергнуть мы. Повелѣвайте нами.

КОРОЛЬ.

Благодаримъ васъ, вѣрный Розенкранцъ
И добрый Гильденштернъ.

КОРОЛЕВА.

Благодаримъ
Васъ, Гильденштернъ и добрый Розенкранцъ.
Прошу сейчасъ отправиться къ Гамлету.
Какъ измѣнился онъ, мое дитя!
Пусть кто-нибудь изъ свиты васъ проводить.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Господь благослови - ему на радость

И благоденствіе - старанья наши.

КОРОЛЕВА.

Аминь. (*Розенкранцъ, Гильденистернъ и нѣкоторые изъ свиты уходятъ.*)

Входитъ ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Корнелій, посланный къ норвежскому двору,
И Вольтимандъ счастливо воротились
Съ отвѣтомъ радостнымъ, мой государь.

КОРОЛЬ.

Ты былъ всегда отцомъ вѣстей счастливыхъ.

ПОЛОНІЙ.

Я былъ имъ, да? О, смѣю васъ увѣрить,
Что долгъ мой, государь, люблю я такъ же,
Какъ жизнь мою, а короля - какъ Бога.
И я вполнѣ, мнѣ кажется, успѣлъ -
Иль этотъ мозгъ по хитрости-дорогѣ
Летитъ не такъ ужъ мѣтко, какъ бывало -
Мнѣ кажется, что я успѣлъ открыть,
Что собственно ума лишило принца.

КОРОЛЬ.

О, говори! я жажду это слышать.

ПОЛОНІЙ.

Сперва послушайте пословъ; мое же
Извѣстье будетъ за столомъ десертомъ.

КОРОЛЬ.

Такъ сдѣлай же имъ честь, введи ихъ самъ.

(*Полоній уходитъ.*)

Онъ говоритъ, любезная Гертруда,
Что онъ открылъ причину и источникъ
Разстройства сына твоего.

КОРОЛЕВА.

Причина

Одна, боюсь я: смерть его отца
И скорый бракъ нашъ.

КОРОЛЬ.

Хорошо, узнаемъ.

Полоній *возвращается съ* Корнелиемъ и Вольтимандомъ.

Король.

Добро пожаловать! что ты привезъ
Отъ славнаго норвежскаго монарха,
Мой добрый Вольтимандъ?

Вольтимандъ.

Желанье счастья,
Поклонъ за дружелюбный ваш поклонъ.
Едва успѣли мы промолвить слово,
Какъ онъ велѣлъ наборъ остановить.
Онъ полагалъ, что цѣль вооруженья -
Походъ на поляковъ; но, вникнувъ въ дѣло,
Нашель, что вамъ готовится ударъ.
Обиженный, что такъ легко играютъ
Его болѣзнию, саномъ и лѣтами,
Арестовать велить онъ Фортинбраса.
Принцъ повинуется; изъ устъ монарха
Онъ строго осужденъ и, наконецъ,
Даегъ предъ дядею обѣтъ вовѣки
Оружія на насъ не подымать.
Старикъ, въ восторгѣ, подарилъ ему
Пять тысячъ кронъ доходовъ ежегодныхъ
И полномочіе вѣсти солдатъ,
Имъ набранныхъ, на поляковъ. Онъ просить...
Все это здѣсь изложено подробно.

(Подаетъ бумагу.)

Чтобы вы благоволили разрѣшить
Войскамъ походъ чрезъ датскія владѣнья
На тѣхъ условіяхъ о платежѣ
И безопасности, какія здѣсь
Означены въ письмѣ, мной вамъ врученномъ.

Король.

Мы на досугѣ разберемъ письмо,
Дадимъ отвѣтъ и дѣло все обсудимъ,
А между тѣмъ благодаримъ за трудъ.
Теперь идите отдохнуть, а ночью
Мы попируемъ вмѣстѣ. Очень рады
Васъ видѣть здѣсь!

(Вольтимандъ и Корнелий уходятъ.)

Полоній.

Благополучно дѣло

Окончено. Пресвѣтлый государь
И государыня, распространяться,
Что значить преданность, что власть монарха,
Зачѣмъ день - день, ночь - ночь и время – время,
Все значило бы это расточать
И день, и ночь, и время попустому.
И такъ какъ краткость есть душа ума,
А многословіе - его прикраса,
Я буду кратокъ. Сынъ помѣшанъ вашъ.
Такъ называю я его затѣмъ,
Что въ чемъ иномъ и состоитъ безумство,
Когда не въ томъ, что человѣкъ безуменъ?
Но не о томъ...

161

КОРОЛЕВА.

Поменѣ искусства,
Но дѣла больше!

ПОЛОНІЙ.

Честью вамъ клянусь,
Въ моихъ словахъ нисколько нѣтъ искусства.
Что онъ безуменъ - это правда; правда,
Что жаль его, и жаль, что это правда.
Метафора глупа, такъ прочь ее!
Я безъ искусства къ дѣлу приступаю.
Мы приняли, что онъ сошелъ съ ума -
Что остается намъ? Открыть причину
Сего эффекта - правильнѣй: дефекта
Затѣмъ, что дефективный сей эффектъ
На чемъ-нибудь основанъ. Вотъ въ чемъ дѣло!
Подумайте объ этомъ, королева.
Я дочь имѣю, ибо эта дочь
Моя; изъ должнаго повиновенья
Она мнѣ вотъ что отдала. Теперь
Прошу отгадывать и заключать.

(Читаетъ.)

«Небесной, идолу души моей, прелестнѣйшей Офеліи». Дурное выраженіе, истертое. «Прелестнѣйшая» истертое выраженіе. Но слушайте только. «Ея милой, снѣжной груди» - и прочее.

КОРОЛЕВА.

И это Гамлетъ къ ней писалъ?

Полоній.

Позвольте:

Я все вамъ расскажу. *(Читаетъ.)*

«Не вѣрь, что есть огонь въ звѣздахъ,

Что солнце ходитъ въ небесахъ

И согрѣваетъ грудь твою;

Но вѣрь, что я тебя люблю.

«О, милая Офелія, стихи мнѣ не даются: я не владѣю искусствомъ размѣрять свои вздохи, но вѣрь мнѣ, что я тебя глубоко люблю, моя милая! Прощай. Твой навсегда, пока живетъ еще это тѣло.

Гамлетъ».

Вотъ что мнѣ дочь послушная вручила

И все подробно рассказала мнѣ:

Когда и какъ въ любви онъ признавался.

Король.

Какъ приняла она его любовь?

Полоній.

Какого мнѣнія вы обо мнѣ?

Король.

Ты - честный, благородный человѣкъ.

Полоній.

И это я желалъ бы доказать.

Но что подумали бы вы, узнавши,

Что видѣлъ я, какъ вспыхнула любовь?

А должно знать, что я ее замѣтилъ,

Когда мнѣ дочь еще не говорила.

Что обо мнѣ подумали бы вы,

Иль государыня, супруга ваша,

Играй я роль кармана для записокъ,

Иль писчаго стола? Смотри я праздно

На ихъ любовь, что думали бы вы?

Но нѣтъ, я прямо къ дѣлу приступилъ;

Моей красавицѣ сказалъ я вотъ что:

«Вѣдь Гамлетъ - принцъ; онъ не тебѣ чета, -

И этому не быть». Я приказалъ ей

Предъ Гамлетомъ замкнуть покрѣпче дверь,

Не принимать любви его залоговъ

И посланныхъ его не допускать.

Она вкусила плодъ моихъ совѣтовъ,

А онъ, отверженный, - чтобъ сократить рассказъ -
Предался грусти, вслѣдъ за тѣмъ - посту,
Потомъ безсонницѣ, потомъ впалъ въ слабость,
Потомъ въ разсѣянность и, шагъ за шагомъ,
Дошелъ къ безумію, а насъ повергъ въ печаль.

КОРОЛЬ.

Ты думаешь, что такъ?

КОРОЛЕВА.

Оно весьма возможно.

ПОЛОНІЙ.

Желательно бы знать, когда случилось,
Чтобъ положительно сказалъ я: это такъ,
А вышло иначе?

КОРОЛЬ.

Я не припомню.

ПОЛОНІЙ.

Такъ съ плечъ мнѣ голову снимите,
Когда оно не такъ. Ужъ если я
Попалъ на слѣдъ, такъ истину сыщу,
Хоть будь она сокрыта въ самомъ центрѣ.

КОРОЛЬ.

Но какъ бы намъ развѣдать все поближе?

ПОЛОНІЙ.

Вы знаете, онъ въ этой галлерей
Часа четыре иногда гуляетъ.

КОРОЛЕВА.

Да, правда.

ПОЛОНІЙ.

И въ такой-то часъ пошлю я
Къ нему Офелію. Мы съ вами станемъ
Здѣсь за ковромъ. Замѣтьте ихъ свиданье,
И если онъ не отъ любви безуменъ,
Такъ пусть впередъ не буду я придворнымъ,
А конюхомъ, крестьяниномъ простымъ.

КОРОЛЬ.

Увидимъ.

Входитъ ГАМЛЕТЪ, читая.

КОРОЛЕВА.

Посмотри, какъ грустно, бѣдный,
Идетъ онъ и читаетъ.

ПОЛОНІЙ.

Прочь, прошу васъ!

162

Идите оба прочь! Я съ нимъ займусь.
Позвольте!

(Король, королева и придворные уходятъ.)

Какъ поживаете, принцъ Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ. Слава Богу, хорошо.

ПОЛОНІЙ. Знаете вы меня, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Совершенно. Ты - рыбацкъ.

ПОЛОНІЙ. Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Такъ я желалъ бы, чтобы ты былъ такъ же честенъ.

ПОЛОНІЙ. Честенъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Да, сударь, быть честнымъ - значить, какъ ведется на этомъ свѣтѣ, быть избраннымъ изъ десяти тысячъ.

ПОЛОНІЙ. Сущяя правда, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Потому что если солнце, божество, зарождаетъ червей, касаясь мертваго тѣла... Есть у тебя дочь?

ПОЛОНІЙ. Есть, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Не пускай ее на солнце. Плодородіе благодатно; но если такая благодать достанется въ удѣлъ твоей дочери – берегись, дружокъ!

ПОЛОНІЙ. Что вы хотите этимъ сказать? *(Тихо.)* Все на мою дочь сворачиваетъ. А, сначала онъ меня не узналъ; сказалъ, что я рыбацкъ! Далекое, далеко зашелъ онъ! А, право, въ молодости и я страдалъ отъ любви не мало, почти такъ же, какъ и онъ. Заговорю съ нимъ опять. *(Громко.)* Что вы читаете, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Слова, слова, слова.

ПОЛОНІЙ. Но о чемъ они говорятъ?

ГАМЛЕТЪ. Съ кѣмъ?

ПОЛОНІЙ. Я разумѣю, что написано въ книгѣ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Клевета. Этотъ мерзавецъ сатирикъ утверждаетъ, что у стариковъ сѣдые волосы, что лица ихъ въ морщинахъ, что съ рѣсницъ течетъ амбра и вишневый клей, что у нихъ излишній недостатокъ остроумія и слабыя ноги. Хотя я свято и крѣпко во все это вѣрую, но, мнѣ кажется, не годится все

писать. Вы сами, сударь, сдѣлались бы такъ же стары, какъ я, если бы могли ползти, какъ ракъ, назадъ.

ПОЛОНІЙ *(тихо)*. Это хотя и безуміе, однако систематическое. *(Громко)*. Не угодно ли вамъ укрыться отъ вѣтра, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Въ могилѣ?

ПОЛОНІЙ. Да, это точно значило бы укрыться отъ вѣтра. *(Тихо)*. Какъ мѣтки иногда его отвѣты! И это часто удается безумію, а уму и здравому разсудку – не такъ-то. Оставлю его и постараюсь устроить свиданіе его съ моею дочерью. *(Громко)*. Позвольте, принцъ, засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и попросить васъ дать мнѣ отпущкъ.

ГАМЛЕТЪ. Я ничего не дамъ вамъ охотнѣе, исключая моей жизни, моей жизни, моей жизни.

ПОЛОНІЙ. Прощайте, принцъ.

ГАМЛЕТЪ *(тихо)*. Несносные старые дураки!

Входятъ РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

ПОЛОНІЙ. Вы ищете принца Гамлета? Онъ тамъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Благодарю васъ. *(Полоній уходитъ.)*

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Ваше высочество!

РОЗЕНКРАНЦЪ. Глубокоуважаемый принцъ!

ГАМЛЕТЪ. Дорогие друзья мои! Что ты подѣлываешь, Гильденштернъ? А, Розенкранцъ! Каково поживаете?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Какъ всѣ ничтожные сыны персти.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Мы счастливы, потому что не слишкомъ счастливы; мы не маковка на шляпѣ Фортуны.

ГАМЛЕТЪ. Но и не подошва ея башмаковъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ. И то нѣтъ.

ГАМЛЕТЪ. Стало-быть, вы живете около ея пояса, въ средоточіи ея милостей?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Да, правда, мы съ нею близки.

ГАМЛЕТЪ. Какъ! оба? Правда - она женщина легкаго поведенія... Что новаго?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Ничего, принцъ; развѣ, что свѣтъ сталъ честнымъ.

ГАМЛЕТЪ. Значить, близокъ день страшнаго суда. Но ваша новость несправедлива! Позвольте поразспросить васъ подробнѣе. Въ чемъ провинились вы, друзья, передъ Фортуною, что она посылаетъ васъ сюда въ тюрьму?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Въ тюрьму, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Данія - тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Такъ и весь свѣтъ тюрьма.

ГАМЛЕТЪ. Превосходная. Въ ней много ямъ, каморокъ и конурокъ. Данія одна изъ худшихъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Мы другого мнѣнія, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Такъ для васъ она и не тюрьма. Само по-себѣ ничто не дурно, ни хорошо; мысль дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ. Для меня Данія - тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Ваша любовь къ славѣ дѣлаетъ ее тюрьмою; она слишкомъ тѣсна для вашего духа.

ГАМЛЕТЪ. О, Боже! Я могъ бы заключиться въ орѣховую скорлупу и считать себя

королемъ необъятнаго пространства, если бы не злые сны мои.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Эти сны - честолюбіе. Истинная сущность честолюбія есть только тѣнь сновидѣнія.

ГАМЛЕТЪ. Сновидѣніе само есть только тѣнь.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Конечно, и мнѣ кажется, что честолюбіе такъ воздушно и туманно, что оно только тѣнь тѣни.

ГАМЛЕТЪ. И такъ, наши нищіе - тѣла, а короли и великолѣпные герои - тѣни нищихъ. Не пойти ли ко двору? Я, право, не мастеръ разсуждать.

РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Мы къ вашимъ услугамъ.

ГАМЛЕТЪ. Ни слова объ этомъ. Я не хочу считать васъ заодно съ прочими моими покорнѣйшими слугами; должно отдать имъ справедливость, они мнѣ ужасно прислуживаютъ. Будемъ же говорить, какъ друзья: зачѣмъ вы въ Эльзинорѣ?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Мы желали посѣтить васъ - и только.

ГАМЛЕТЪ. Нищій, я бѣденъ и благодарностью; но благодарю васъ, друзья, и, повѣрьте мое спасибо еще полушкою дороже. За вами не посылали? Вы сами вздумали пріѣхать? добровольно? Ну, руку на сердце и говорите прямо.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Что же сказать намъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Что угодно - только дѣло. За вами посылали и въ вашихъ взорахъ есть что-то въ родѣ признанія: ваша скромность не довольно хитро его скрываетъ. Я знаю, добрый король и королева посылали за вами.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Зачѣмъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Это вы должны мнѣ сказать! Заклинаю васъ правами нашего товарищества, союзомъ юности, всегда вѣрною любовью, всѣмъ еще болѣе дорогимъ, чѣмъ тронулъ бы вашу душу лучшій ораторъ - скажите прямо: посылали за вами или нѣтъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ (*Гильденштерну*). Что ты на это скажешь?

ГАМЛЕТЪ (*тихо*). Довольно: понимаю. (*Громко*.) Не скрываютъ ничего, если вы меня любите.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Принцъ, за нами посылали.

ГАМЛЕТЪ. Я скажу вамъ, зачѣмъ; моя догадка предупредить ваше признаніе и вы не нарушите тайны короля и королевы. Съ недавнихъ поръ, не знаю отчего, утратилъ я всю мою веселость, оставилъ обычныя занятія, и точно - въ душѣ моей такъ худо, что это прекрасное созданіе, земля, кажется мнѣ бесплодною скалою; этотъ чудесный небосклонъ, эта величественная кровля, сверкающая золотымъ огнемъ - что жъ, мнѣ она кажется только

смѣшеніемъ ядовитыхъ паровъ. Какое образцовое созданіе человѣкъ! Какъ благородень разумомъ! какъ безграниченъ способностями! какъ значителень и чудесень въ образѣ и движеніяхъ! Въ дѣлахъ какъ подобень ангелу, въ понятіи - Богу! Краса міра! вѣнецъ всего живого! И что жъ, для меня это эссенція праха? Мнѣ мужчины скучны, а женщины - тоже, хотя твоя улыбка и несогласна, кажется, съ этимъ

РОЗЕНКРАНЦЪ. У меня и въ мысляхъ этого не было, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Чего же ты смѣялся, когда я сказалъ, что мужчины мнѣ скучны?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Я думалъ, какъ постно угостите вы актеровъ, если это такъ. Мы съѣхались съ ними дорогой; они ѣдутъ сюда предложить вамъ свои услуги.

ГАМЛЕТЪ. Играющій королей - добро пожаловать. Я заплачу дань его величеству. Странствующій рыцарь найдетъ дѣло мечу и копью; любовникъ не будетъ вздыхать даромъ; весельчакъ спокойно дотянетъ роль свою; дуракъ разсмѣшитъ смѣшливыхъ, и героиня свободно выскажетъ свои мысли, если онѣ не споткнутся о стихи. Что это за актеры?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Тѣ самые, которые вамъ такъ нравились: городскіе трагики.

ГАМЛЕТЪ. Зачѣмъ же они странствуютъ? Постоянное жилище выгоднѣе для славы и доходовъ ихъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Я думаю, что причиной кой-какія нововведенія.

ГАМЛЕТЪ. Что, пользуются они тѣмъ же уваженіемъ, какъ и прежде, когда я былъ въ городѣ? Попрежнему ихъ посѣщаютъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Нѣтъ, уже не столько.

ГАМЛЕТЪ. Отчего? Позаржавѣли они?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Нѣтъ, они трудятся, какъ и прежде. Но нашлось гнѣздо дѣтей, маленькихъ птенцовъ, которые вѣчно пищать громче смысла и имъ безчеловѣчно за то аплодируютъ. Теперь они въ модѣ и шумятъ на народныхъ театрахъ - какъ называютъ они ихъ - до того, что многіе со шпагою въ рукѣ боятся гусиного пера и не смѣютъ туда войти.

ГАМЛЕТЪ. Какъ? они дѣти? Кто же содержитъ ихъ? какъ имъ платятъ? И покинутъ ли они свое искусство, когда потеряютъ голосъ? Выросши до обыкновенныхъ актеровъ - что очень вѣроятно, если они лишены лучшихъ средствъ - не обвинятъ ли они въ несправедливости своихъ авторовъ, заставлявшихъ

ихъ декламировать противъ собственной будущности?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Право, съ обѣихъ сторонъ довольно было дѣла, и народъ не совѣстился раздражать ихъ другъ противъ друга. Нѣсколько времени нельзя было выручить ни копѣйки за пьесу, если авторъ и актеры не бранились въ ней съ своими противниками.

ГАМЛЕТЪ. Возможно ли!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. И головамъ доставалось.

ГАМЛЕТЪ. И дѣти побѣдили.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Безъ сомнѣнія, принцъ, и самого Геркулеса.

ГАМЛЕТЪ. Неудивительно, потому что мой дядя сталъ королемъ Даніи, и тѣ, которые дѣлали ему рожи при жизни отца моего, даютъ теперъ 20, 40, 50, даже 100 червонцевъ за миниатюрный портретъ его. Чортъ возьми! тутъ оказалось бы нѣчто сверхъестественное, если бы философіи удалось доискаться истины! (*Трубы за сценой.*)

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Вотъ и актеры.

ГАМЛЕТЪ. Друзья, я радъ видѣть васъ въ Эльзинорѣ. Дайте ваши руки. Гостей всегда принимаютъ съ комплиментами и церемоніями: позвольте же и васъ принять на тотъ же манеръ, затѣмъ что, иначе, мое обращеніе съ актерами, которое, увѣряю васъ, наружно будетъ очень хорошо, покажется лучше, нежели съ вами. Добро пожаловать! Но мой дядя-отецъ и тетка-мать ошибаются...

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Въ чемъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Я безуменъ только при норд-вестѣ; если же вѣтеръ съ юга, я еще могу отличить сокола отъ цапли.

Входитъ Полоній.

ПОЛОНІЙ. Здравствуйте, господа.

ГАМЛЕТЪ. Послушай, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ - на каждое ухо по слушателю: это большое дитя еще не вышло изъ пеленокъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Можетъ-быть, онъ снова попалъ въ нихъ. Говорятъ же, что старые люди дѣлаются дѣтьми.

ГАМЛЕТЪ. Я предсказываю, что онъ пришелъ извѣстить объ актеряхъ. Замѣчайте! Да, точно, это было въ понедѣльникъ утромъ.

ПОЛОНІЙ. У меня есть новости, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. И у меня есть новости: когда Росцій былъ въ Римѣ актеромъ...

ПОЛОНІЙ. Актеры пріѣхали, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Быть не можетъ!

ПОЛОНІЙ. Увѣряю васъ честью.

ГАМЛЕТЪ.

И каждый ѣхалъ на ослѣ...

ПОЛОНІЙ. Лучшіе актеры въ свѣтѣ! Лучшіе для трагедій, комедій, пастушескихъ драмъ, пастушеско-комическихъ, историко-пастушескихъ, трагико-историческихъ, траги-комико-историко-пастушескихъ, для нераздѣльнаго дѣйствія и безграничныхъ поэмъ. Сенека для нихъ не слишкомъ печаленъ, Плавтъ - не слишкомъ веселъ. Нѣтъ равныхъ имъ ни въ заученномъ, ни въ импровизаціи.

ГАМЛЕТЪ. О, Іевѳай, судья Израиля! какимъ сокровищемъ обладалъ ты!

ПОЛОНІЙ. Какимъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Какимъ?

Онъ красавицу-дочь
Всей душою любилъ.

Полоній (*тихо*). Все о моей дочери!

Гамлетъ. Не правъ ли я, старый Левѳай?

Полоній. Если вы называете меня Левѳаемъ, принцъ, такъ у меня есть дочь, которую я горячо люблю.

Гамлетъ. Нѳтъ, этого вовсе не слѳдуетъ.

Полоній. Что же слѳдуетъ, принцъ?

Гамлетъ. Что?

Что придетъ все къ концу,
Какъ угодно Творцу.

А потомъ - ты самъ знаешь:

И случилось съ ней то,
Что намъ всѳмъ суждено.

Остальное ты можешь дочитать въ святочной пѳснѳ. Рѳчь мою прерываютъ новыя лица.

Входятъ Актеры.

Гамлетъ. Добро пожаловать, пріятели! Здравствуйте! Радъ видѳть тебя здоровымъ! Здорово, друзья! А, старый другъ, какъ же обросло лицо твое съ тѳхъ поръ, какъ я видѳлъ тебя въ послѳдній разъ! Надѳюсь, ты не будешь шептать себѳ въ бороду? А, красавица моя! Ты поднялась къ небу на цѳлый каблукъ. Дай Богъ, чтобы твой голосъ не потерялъ свою звонкость, какъ истертая монета. Добро пожаловать, господа! Бросимся же, какъ французскіе соколиные охотники, на первое, что ни встрѳтится. Сейчасъ что-нибудь представить! Покажите ваше искусство. Ну, патетическій монологъ!

1-ый Актеръ. Что прикажете, принцъ?

Гамлетъ. Я слышалъ когда-то, какъ ты декламировалъ монологъ - но его никогда не произносили на сценѳ, или не больше одного раза: я помню, пьеса не понравилась

толпѳ; это былъ апельсинъ для извѳстнаго рода животныхъ. Но я и другіе, которыхъ мнѳніе въ этихъ вещахъ гораздо основательнѳе моего, почитали ее превосходной пьесой; сцены были расположены искусно и обработаны съ умомъ и простотою. Я помню, кто-то сказалъ, что въ стихахъ нѳтъ соли и перцу для приправы смысла, а въ выраженіяхъ нѳтъ мыслей, которыя обличали бы въ авторѳ чувство; но онъ назвалъ эту пьесу простою, здоровою и пріятною, и гораздо больше прекрасною, чѳмъ украшенною. Одинъ отрывокъ нравился мнѳ особенно: рассказъ Энея Дидонѳ, особенно въ томъ мѳстѳ, гдѳ

онъ говоритъ объ убійствѣ Пріама. Если помнишь, начни съ этого стиха...
Постой... постой... «Суровый Пирръ, какъ африканскій левъ...»

Нѣтъ, я ошибаюсь; но начинается Пирромъ...
«Суровый Пирръ, котораго доспѣхи,
Какъ черный замыселъ, подобны были тьмѣ
Той полночи, когда лежалъ онъ въ чревѣ
Бѣдой грозившаго коня - теперь
Перемѣнилъ на образъ ужасномъ
Ужасный цвѣтъ: отъ головы до пятъ
Онъ весь багровъ; обрызганъ алой кровью
Родителей, сыновъ и дочерей:
Весь закаленъ огнемъ горящихъ улицъ,
Предательски свѣтящихъ на пути
Къ цареубійству. Распаленный гнѣвомъ,
Въ крови, засохшей на его доспѣхахъ,
Съ огнемъ въ очахъ, свирѣпый ищетъ Пирръ
Отца Пріама...»

Продолжай!

Полоній. Ей-богу, принцъ; вы прекрасно декламируете: съ хорошимъ
выраженіемъ и благородно.

1-ый АКТЕРЬ.

«Онъ его находитъ:
Пріама мечъ не достигаетъ грековъ;
Не повинуется ему клинокъ -
Лежитъ, гдѣ палъ, не внемля повелѣнью.
Въ неравный бой вступаетъ Пирръ съ Пріаомомъ;
Во гнѣвѣ мечъ занесъ онъ далеко,
Но старецъ палъ, не выждавши удара,
Отъ свиста лезвея. Казалось, Троя
Полмертвая воскресла отъ удара,
Главою пламенной поникла въ прахъ
И Пирра слухъ сковала страшнымъ трескомъ.
Его клинокъ, уже летящій долу
На снѣжную главу Пріама-старца,
Казалось въ воздухѣ повисъ -
Такъ Пирръ стоялъ, какъ статуя тирана,
И будто бы безъ силы и безъ воли
Не дѣлалъ ничего. Но такъ же,
Какъ часто мы предъ бурей замѣчаемъ,
Притихъ зефиръ, безмолвны облака,
Улегся вѣтръ, земля, какъ смерть, недвижна -
И вдругъ пространство разсѣкаетъ громъ:
Такъ, послѣ тихаго мгновенья, Пирръ
Опять возсталъ для яростнаго мщенья -

И никогда циклоповъ тяжкій молотъ
Не падалъ такъ на Марсову броню,
Какъ Пирра мечъ палъ на царя Пріама.
Погибни же, измѣнница Фортуна!
Владычества ее лишите, боги!
Переломайте спицы колеса
И въ нѣдра тартара скатите ободъ
Съ высотъ небесныхъ!»

Полоній.

Это слишкомъ длинно.

Гамлетъ. Какъ твоя борода. Не худо бы и то, и другое обрить.
Пожалуйста продолжай. Онъ спитъ, когда не слышитъ пошлостей или
непристойностей. Продолжай о Гекубѣ.

1-ый Актеръ.

«Но кто - увы, кто въ скорбномъ одѣяньи Царицу зрѣль?»

Гамлетъ. Царицу въ скорбномъ одѣяньи?

Полоній. Это хорошо. Царица въ скорбномъ одѣяньи – хорошо!

1-ый Актеръ.

«Какъ босоногая она блуждала,
Грозя огонь залить рѣкою слезъ;
Лоскутъ на головѣ, гдѣ такъ недавно
Сіялъ вѣнецъ; на мѣсто царской мантии,
Наброшено въ испугѣ, покрывало
На плечи исхудавшія отъ горя.
Кто это видѣлъ, ядовитой бранью
Тотъ обезчестилъ бы богиню счастья!
И если бы ее узрѣли боги,
Когда она увидѣла, какъ Пирръ
Супруга трупъ надменно разсѣкалъ -
Взрывъ вопля ихъ, когда они не чужды
Чувствъ смертнаго, заставилъ бы рыдать
Небесъ огнистые глаза и пробудилъ бы
Въ сердцахъ боговъ безсмертныхъ состраданье!»

Полоній. Смотрите: онъ измѣнился въ лицѣ, онъ плачетъ. Ради Бога,
перестань!

Гамлетъ. Довольно. Остальное доскажешь въ другой разъ. Не угодно ли
вамъ позаботиться объ угощеніи актеровъ? Слышите! Чтобъ ихъ хорошо
приняли. Они зеркало и краткая лѣтопись своего времени. Плохая эпитафія
повредитъ тебѣ послѣ смерти меньше, чѣмъ злая эпитаграмма изъ устъ ихъ,
пока ты живъ.

Полоній. Принцъ, я приму ихъ по заслугамъ.

ГАМЛЕТЪ. Нѣтъ, прими ихъ лучше. Если обращаться съ каждымъ по заслугамъ, кто же избежится отъ пощечины? Прими ихъ

166

согласно съ твоею честью и твоимъ саномъ: чѣмъ меньше они стоятъ, тѣмъ выше будетъ твое снисхожденіе. Возьми ихъ съ собою!

ПОЛОНІЙ. Пойдемте, господа.

ГАМЛЕТЪ. Идите за нимъ, друзья. Завтра вы сыграете пьесу. (*Полоній и всѣ актеры, кромѣ 1-го, уходятъ.*) Послушай, старый пріятель, можете вы сыграть убійство Гонзаго?

1-ЫЙ АКТЕРЪ. Можно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Такъ представьте же его завтра ввечеру. Въ случаѣ нужды, вѣдь, можно выучить строчекъ двѣнадцать, которыя мнѣ хочется сочинить и вставить въ пьесу - не правда ли?

1-ЫЙ АКТЕРЪ. Можно, ваше высочество.

ГАМЛЕТЪ. Прекрасно! Ступайте за нимъ, только не смѣйтесь надъ нимъ. (*1-ый актеръ уходитъ.*) Друзья мои, прощайте до вечера. Очень радъ видѣть васъ въ Эльзинорѣ.

РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Слушаемъ, принцъ. (*Уходятъ.*)

ГАМЛЕТЪ.

Богъ съ вами! Я одинъ теперь.
Какой злодѣй, какой я рабъ презрѣнный!
Не дивно ли: актеръ, при тѣни страсти,
При вымыслѣ пустомъ, былъ въ состоянн
Своимъ мечтамъ всю душу покорить;
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ;
Въ глазахъ слеза дрожить, и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужась,
И весь составъ его покорень мысли.
И все изъ ничего – изъ-за Гекубы!
Что онъ Гекубѣ? что она ему?
Что плачетъ онъ о ней? О, если бъ онъ,
Какъ я, владѣлъ призывомъ къ страсти,
Что бъ сдѣлалъ онъ? Онъ потопилъ бы сцену
Въ своихъ слезахъ и страшными словами
Народный слухъ бы поразилъ, преступныхъ
Въ безумство бы повергъ, невинныхъ въ ужась,
Незнающихъ привелъ бы онъ въ смятенье,
Исторгъ бы силу изъ очей и слуха.
А я, презрѣнный, малодушный рабъ,
Я дѣла чуждъ, въ мечтаніяхъ бесплодныхъ
Боюсь за короля промолвить слово,

Надъ чымъ вѣнцомъ и жизнью драгоцѣнной
Совершенно проклятое злодѣйство.
Я трусь? Кто назоветъ меня негоднымъ?
Кто черепъ раскроить? Кто прикоснется
До моего лица? Кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
Кто оскорбитъ меня рукой иль словомъ?
А я обиду перенесъ бы. Да!
Я голубъ мужествомъ; во мнѣ нѣтъ желчи,
И мнѣ обида не горька; иначе,
Уже давно раба гніющимъ трупомъ
Я вороновъ окрестныхъ угостилъ бы.
Кровавый сластолюбецъ, лицемѣръ!
Безчувственный, продажный, подлый извергъ!
Глупецъ, глупецъ! Куда какъ я отважень!
Сынъ милаго, убитаго отца,
На мщенье вызванный и небесами,
И тартаромъ, я расточаю сердце
Въ пустыхъ словахъ, какъ красота за деньги;
Какъ женщина, весь изливаюсь въ клятвахъ.
Нѣтъ, стыдно, стыдно! Къ дѣлу, голова!
Гмъ! Слышалъ я, не разъ преступныхъ душу
Такъ глубоко искусство поражало,
Когда они глядѣли на актеровъ,
Что признавалися они въ злодѣйствахъ.
Убійство нѣмо, но оно порою
Таинственно, но внятно говорить.
Пусть кое-что предъ дядею представятъ
Подобное отцовскому убійству:
Я буду взоръ его слѣдить, я испытаю
Всю глубину его душевной раны.
Смутится онъ - тогда свой путь я знаю.
Духъ могъ быть сатана; лукавый властенъ
Принять заманчивый, прекрасный образъ.
Я слабъ и преданъ грусти; можетъ статья,
Онъ, сильный надъ скорбящею душой,
Влечетъ меня на вѣчную погибель.
Мнѣ нужно основаніе потверже.
Злодѣю зеркаломъ пусть будетъ представленье -
И совѣсть скажется и выдастъ преступленье.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входятъ: КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ,
РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

И вамъ никакъ не удалось дознаться,
Зачѣмъ онъ роль безумнаго играетъ?
Зачѣмъ покой его такъ дико нарушаетъ
Безумія опасный ураганъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ говоритъ, что умъ его разстроень,
Но чѣмъ - про то, увы, не говоритъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Онъ испытать себя не допустилъ:
Онъ насъ хитро безумствомъ отдалялъ,
Когда мы у него старались вырвать
Признание въ истинѣ.

КОРОЛЕВА.

А какъ

Онъ принялъ васъ?

167

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Какъ свѣтскій человѣкъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Но въ обращеніи былъ онъ очень связанъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скупъ на вопросы, на отвѣты щедръ.

КОРОЛЕВА.

Къ забавамъ вы его не приглашали?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Нечаянно мы встрѣтили актеровъ,
Идя къ нему. Сказали это принцу -
И онъ какъ-будто съ радостью насъ слушалъ.
Они здѣсь, при дворѣ, и въ этотъ вечеръ
Онъ приказалъ имъ, кажется, играть.

ПОЛОНІЙ.

Да, правда; мнѣ онъ поручилъ просить васъ
Послушать и взглянуть на представленье.

КОРОЛЬ.

Отъ всей души. Я очень радъ, что Гамлетъ
Склонился къ этому - и я прошу васъ
Еще сильнѣй возвысить и возжечь въ немъ
Желаніе такихъ увеселеній.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Мы постараемся.

(Розенкранцъ и Гильденштернь уходятъ.)

КОРОЛЬ.

Оставь и ты насъ, милая Гертруда:
Мы тайно Гамлета сюда призвали,
Чтобъ здѣсь онъ встрѣтился, какъ бы случайно,
Съ Офеліей. Ея отецъ и я,
Мы станемъ здѣсь - законные шпионы,
Невидимо увидимъ ихъ свиданье
И изъ поступковъ заключимъ,
Тоской любви онъ боленъ, или нѣтъ.

КОРОЛЕВА.

Я удалюсь. Что до меня, такъ я желаю,
Офелія, чтобъ ваша красота
Была одна счастливою причиною
Безумства Гамлета: тогда могу я
Надѣяться, что ваша добродѣтель
Его на путь обычный возвратитъ.

ОФЕЛІЯ.

Я то же, государыня, желаю.

(Королева уходитъ.)

ПОЛОНІЙ.

Офелія, будь здѣсь. Мы, государь,
Займемъ мѣста свои.

(Офелии.) Вотъ книга, дочь!

Читай для вида: этимъ ты прикроешь
Уединеніе. Насъ должно порицать
За то, что мы - случается частенько -
Святымъ лицомъ и маскою смиренной
И чорта проведемъ.

КОРОЛЬ (*тихо*).

О, слишком правда!

Какъ тяжело упали мнѣ на совѣсть
Его слова! Лицо красы продажной
Не отвратительнѣй въ сравненіи съ краской,
Его покрывшею поддѣльной красотой,
Чѣмъ грѣхъ мой тяжкій съ лживыми словами!
О, бремя тяжкое!

ПОЛОНІЙ.

Я слышу - онъ идетъ.
Укроемся. (*Полоній и король уходятъ.*)

Входитъ ГАМЛЕТЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Быть, или не быть? вотъ въ чемъ вопросъ!
Что благороднѣе: сносить ли громъ и стрѣлы
Враждующей судьбы, или возстать
На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?
Окончить жизнь – уснуть,
Не болѣе! И знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть и тысячи ударовъ -
Удѣлъ живыхъ. Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ. Умереть, уснуть!
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь!
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!
Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилы правъ, тирановъ притѣсненіе,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни,
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
Да, только страхъ чего-то послѣ смерти -
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ, смущаетъ волю -
И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ.
Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ,
Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы размышлять: слабѣетъ
Живой полетъ отважныхъ предпріятій

И робкій путь склоняеть прочь отъ цѣли.
Офелія! о нимфа! помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

О Ф Е Л І Я .

Какъ провели вы эти дни, мой принцъ?
Здоровы ль вы?

Г А М Л Е Т Ъ .

Благодарю покорно.

О Ф Е Л І Я .

Уже давно желала я отдать вамъ
Кой-что, мой принцъ, что вы мнѣ въ память дали.
Возьмите же теперь.

Г А М Л Е Т Ъ .

Я не возьму:

Я никогда и ничего вамъ не дарилъ.

168

О Ф Е Л І Я .

Любезный принцъ вамъ, слишкомъ хорошо
Извѣстно, что дарили вы съ словами,
Которыхъ смыслъ цѣну вещей удвоилъ.
Букетъ исчезъ - возьмите жъ ихъ назадъ.
Для сердца благороднаго не дорогъ
Подарокъ отъ того, кто насъ не любитъ.
Возьмите, принцъ!

Г А М Л Е Т Ъ . А-а! Ты честная дѣвушка?

О Ф Е Л І Я . Принцъ!

Г А М Л Е Т Ъ . И хороша собой?

О Ф Е Л І Я . Что вы хотите сказать, принцъ?

Г А М Л Е Т Ъ . То, что если ты добродѣтельна и хороша, такъ добродѣтель
твоя не должна имѣть дѣла съ красотою.

О Ф Е Л І Я . Можно ли красоту сыскать собесѣдницу лучше добродѣтели?

Г А М Л Е Т Ъ . Да, конечно, красота скорѣе превратитъ добродѣтель въ
распутство, чѣмъ добродѣтель сдѣлаетъ красоту себѣ подобною. Прежде это
былъ парадоксъ; теперь это аксіома. Я любилъ когда-то.

О Ф Е Л І Я . Да, принцъ - и вы заставили меня этому вѣрить.

Г А М Л Е Т Ъ . А не должно было вѣрить. Добродѣтель не привьешь къ намъ
такъ, чтобы въ насъ не осталось и слѣда старыхъ грѣховъ. Я не любилъ тебя.

ОФЕЛІЯ. Тѣмъ болѣе я была обманута.

ГАМЛЕТЪ. Ступай въ монастырь. Зачѣмъ рождать на свѣтъ грѣшниковъ? Я самъ, пополамъ съ грѣхомъ, человѣкъ добродѣтельный, однако могу обвинить себя въ такихъ вещахъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться. Я гордъ, я мстителенъ, честолюбивъ. Къ моимъ услугамъ столько грѣховъ, что я не могу и умѣстить ихъ въ умъ, не могу дать имъ образа въ воображеніи, не имѣю времени ихъ исполнить. Къ чему такимъ тварямъ, какъ я, ползать между небомъ и землею? Мы обманщики всѣ до одного! Не вѣрь никому изъ насъ. Иди лучше въ монастырь. Гдѣ твой отецъ?

ОФЕЛІЯ. Дома, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Замкни же за нимъ дверь, чтобъ онъ игралъ роль шута только у себя дома. Прощай.

ОФЕЛІЯ. Милосердый Боже, помоги ему!

ГАМЛЕТЪ. Когда ты выйдешь замужъ, вотъ тебѣ въ приданое мое проклятіе; будь чиста, какъ ледъ, бѣла, какъ снѣгъ - ты все-таки не уйдешь отъ клеветы. Ступай въ монастырь. Прощай! Или, если ты хочешь непременно выйти замужъ, выбери дурака: умные люди знаютъ слишкомъ хорошо, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Въ монастырь - и скорѣе! Прощай.

ОФЕЛІЯ. Исцѣлите его, силы небесныя!

ГАМЛЕТЪ. Слышалъ я и о вашей живописи, слышалъ довольно. Богъ даетъ вамъ лицо, вы дѣлаете другое. Вы таскаетесь, пляшете и поете; созданіямъ Божиимъ даете имена въ насмѣшку; притворяетесь, будто все это отъ незнанія, а оно просто, легкомысленность. Подите! Ни слова! Это свело меня съ ума. Я говорю - у насъ не будетъ больше браковъ. Которые уже женились - пусть живутъ всѣ, кромѣ одного; остальные останутся тѣмъ, что они теперь. Въ монастырь! (*Уходитъ.*)

ОФЕЛІЯ.

Какой высокій омрачился духъ!
Языкъ ученаго, глазъ царедворца,
Героя мечъ, цвѣтъ и надежда царства,
Ума и нравовъ образецъ - все, все погибло!
А мнѣ, ничтожнѣйшей, мнѣ суждено,
Весь нектаръ клятвъ его вкусивши, видѣть,
Какъ пала мощь высокаго ума,
Какъ свѣжей юности краса погибла,
Цвѣтокъ весны подъ бурей увядшій.
О, горе мнѣ! Что видѣла я прежде,
И что теперь я вижу предъ собой!

Входятъ Король и Полоній.

КОРОЛЬ.

Любовь? О, нѣтъ: онъ не любовью боленъ!
Его слова хотя немного дики,
Но не безумны. У него на сердце
Запало сѣмя: грусть его взраститъ,

Оно взойдетъ - и плодъ опасень будетъ.
Затѣмъ я вотъ что наскоро рѣшилъ:
Онъ въ Англію немедленно поѣдетъ
Потребовать уплаты должной дани.
Быть-можетъ, море, новая страна
Отгонять отъ души его тотъ призракъ,
Вокругъ котораго такъ постоянно
Летаетъ мысль его, что онъ лишился
Почти сознанья самого себя.

Полоній.

Да, это будетъ для него полезно;
Но я еще увѣренъ, что источникъ
Его тоски - несчастная любовь.
Ну, что Офелія? тебѣ не нужно
Разсказывать, что Гамлетъ говорилъ:
Мы все подслушали. Распорядитесь,
Какъ вашему величеству угодно;
Но если вы сочтете сообразнымъ,
Пусть государыня, по окончаньи пьесы,
Попроситъ Гамлета наединѣ
Открыть ей грусть свою. Пусть откровенно
Съ нимъ говорить; а я, когда угодно,
Здѣсь стану такъ, чтобъ слышать разговоръ.
Когда и ей онъ сердца не откроетъ,
Пусть ѣдетъ въ Англію, иль пусть простится
Съ своей свободою, когда тюрьму
За лучшее сочтете вы лекарство.

169

Король.

Быть такъ: безумству знатнаго не должно
Блуждать безъ стражи. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ ГАМЛЕТЪ и АКТЕРЫ.

ГАМЛЕТЪ. Пожалуйста, произнеси, эту рѣчь, какъ я показаль тебѣ: легко и развязно. Если ты будешь кричать, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, такъ это будетъ мнѣ такъ же пріятно, какъ если бы стихи мои распѣваль разносчикъ. Не пили слишкомъ усердно воздуха руками – такъ: будь умѣреннѣе. Среди потопа, бури и, такъ сказать, водоворота твоей страсти долженъ ты сохранить умѣренность, которая смягчитъ ихъ рѣзкость. О, мнѣ всегда ужасно досадно, если какой-нибудь дюжій длинноволосый молодець разрываетъ страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ ушахъ райка, который не смыслитъ ничего, кромѣ неизъяснимой нѣмой пантомимы и крика. Такого актера я въ состояніи бы высѣчь за его крикъ и натяжку. Пожалуйста, избѣгай этого.

1-ый АКТЕРЪ. Ваше высочество, можете на нихъ положиться.

ГАМЛЕТЪ. Не будь, однакоже, и слишкомъ вяль. Твоимъ учителемъ пусть будетъ собственное сужденіе. Мимика и слова должны соотвѣтствовать другъ другу; особенно обращай вниманіе на то, чтобы не переступить за границу естественнаго. Все, что изысканно, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ - отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Если представить ихъ слишкомъ сильно или слишкомъ слабо, конечно, профана заставишь иногда смѣяться, но знатоку будетъ досадно; а для васъ сужденіе знатока должно перевѣшивать мнѣніе всѣхъ остальныхъ. Я видѣль актеровъ, которыхъ превозносили до небесъ - и что же? Въ словахъ и походкѣ они не походили ни на христіанъ, ни на жидовъ, ни вообще на людей; выступали и орали такъ, что я подумаль: должно-быть какой-нибудь поденьщикъ природы надѣлаль людей, да неудачно - такъ ужасно подражали они человѣчеству.

1-ый АКТЕРЪ. У насъ это рѣдко встрѣтится, надѣюсь.

ГАМЛЕТЪ. Уничтожьте вовсе. Да и шуты пусть не говорятъ, чего не написано въ роли: чтобы заставить смѣяться толпу глупцовъ, они хохочуть иногда сами въ то время, когда зрителямъ должно обдумать важный моментъ пьесы: это стыдно и доказываетъ жалкое честолюбіе шута. Идите, приготовьтесь!

(Актеры уходятъ.)

Входятъ: Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

ГАМЛЕТЪ. Ну, что? угодно ли королю послушать эту пьесу?

ПОЛОНІЙ. Да - и королевѣ тоже, и притомъ сейчасъ же.

ГАМЛЕТЪ. Велите актерамъ поспѣшить. *(Полоній уходитъ.)* Не угодно ли вамъ обоимъ помочь имъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Охотно, принцъ. *(Уходятъ.)*

ГАМЛЕТЪ. Эй, Гораціо!

Входитъ ГОРАЦІО.

ГОРАЦІО.

Я здѣсь, любезный принцъ, къ услугамъ вашимъ.

ГАМЛЕТЪ.

Гораціо, ты - лучшій изъ людей,
Съ которыми случалось мнѣ сдружиться.

ГОРАЦИО.

Принцъ...

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, повѣрь мнѣ, я тебѣ не льщу.
Чего мнѣ ждать отъ бѣдняка, какъ ты?
Твой свѣтлый умъ - вотъ все твое богатство:
Ты имъ питаешься и имъ одѣтъ.
Зачѣмъ же льстить тебѣ? Языкъ медовый
Пусть лижетъ прахъ съ презрѣннаго богатства,
И пусть колѣнъ покорные суставы
Сгибаются, гдѣ ихъ награда ждетъ.
Послушай: съ той поры, какъ это сердце
Властителемъ своихъ избраній стало
И научилось различать людей,
Оно тебя избрало передъ всѣми.
Страдая, ты, казалось, не страдалъ;
Ты бралъ удары и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое.
И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь,
По прихоти его, различныхъ звуковъ.
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не сдѣлала рабомъ - и я укрою
Его въ души моей святѣйшихъ нѣдрахъ,
Какъ я укрылъ тебя. Довольно - къ дѣлу!
Предъ королемъ сыграють нынче пьесу:
Одна изъ сценъ похожа на кончину
Отца, какъ я рассказывалъ тебѣ.
Прошу, когда дойдетъ до этой сцены,

170

Всею силою души смотри на дядю,
И если скрытый грѣхъ при этой сценѣ
Не скажется, то духъ, что намъ являлся,
Былъ не отецъ, а навожденъ ада,
И подозрѣнія мои чернѣе
Брони вулкановой. Смотри жъ на дядю,
Слѣди за нимъ, а я вопьюсь глазами

Ему въ лицо; потомъ свои сужденья
Сравнимъ - и выводъ будетъ вѣренъ.

ГОРАЦІО.

Извольте, принцъ: когда во время пьесы,
Укравши что-нибудь, онъ ускользнетъ,
Такъ я плачу за воровство.

ГАМЛЕТЪ.

Идутъ.

Я долженъ празднымъ быть. Ступай на мѣсто.

*Датскій маршъ. Входятъ: КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ,
РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ и другіе.*

КОРОЛЬ. Какъ поживаешь, другъ нашъ Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ. О, превосходно! Живу пиццею хамелеона: ѣмъ воздухъ,
нашпигованный обѣщаніями. Каплуна вы этимъ не откормите.

КОРОЛЬ. Я не понимаю твоего отвѣта, Гамлетъ. Это не мои слова.

ГАМЛЕТЪ. И не мои уже. (*Полонію.*) Вы играли когда-то въ университетѣ,
говорили вы?

ПОЛОНІЙ. Игралъ, ваше высочество, и слылъ за хорошаго актера.

ГАМЛЕТЪ. Кого же вы играли?

ПОЛОНІЙ. Юлія Цезаря. Меня убили въ Капитоліѣ и убійцей былъ -
Брутъ.

ГАМЛЕТЪ. Онъ поступилъ, какъ шутъ, убивши капитолійскаго гуся. Что,
актеры готовы?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Готовы, принцъ. Ждутъ вашего приказа.

КОРОЛЕВА. Поди сюда, любезный Гамлетъ; сядь подлѣ меня.

ГАМЛЕТЪ. Нѣтъ, матушка, здѣсь есть магнитъ посильнѣе.

ПОЛОНІЙ (*королю*). Ого! слышите?

ГАМЛЕТЪ. Позволено мнѣ прилечь къ вамъ? (*Садится у ногъ Офеліи.*)

ОФЕЛІЯ. Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Я хотѣлъ сказать: приклонить голову къ вашимъ колѣнямъ.

ОФЕЛІЯ. Да, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. А вы вообразили, что я, Богъ знаетъ, что, задумалъ?

ОФЕЛІЯ. Я ничего не думала.

ГАМЛЕТЪ. Прекрасная мысль лежать у ногъ дѣвушки.

ОФЕЛІЯ. Что такое, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Ничего.

ОФЕЛІЯ. Вы веселы.

ГАМЛЕТЪ. Кто? я?

ОФЕЛІЯ. Да, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Я готовъ всегда быть вашимъ шуткомъ. Что намъ и дѣлать, если
не веселиться? Посмотрите, какъ весело смотреть матушка, а вѣдь, и двухъ
часовъ нѣтъ, какъ скончался отецъ мой.

ОФЕЛІЯ. Нѣтъ, принцъ, уже четыре мѣсяца.

ГАМЛЕТЪ. Такъ давно уже? Такъ пусть же самъ Сатана ходитъ въ трауръ; я же надѣну соболью мантію. Боже, уже два мѣсяца, какъ умеръ и еще не забытъ! Такъ можно надѣяться, что память великаго человѣка переживетъ его цѣлымъ полугодомъ. Но, клянусь, онъ долженъ строить церкви, если не хочетъ, чтобы его забыли, какъ прошлогодній снѣгъ.

(Звуки трубъ. Начинается пантомима. Входятъ Король и Королева. Они обнимаются, изъявляя знаки любви. Она становится на колѣни, дѣлаетъ знаки увѣренія; онъ подымаетъ ее, склонивъ голову на ея грудь, потомъ ложится на скамью изъ цвѣтотъ и засыпаетъ. Королева его оставляетъ. Тотчасъ послѣ того входитъ человѣкъ, снимаетъ съ него корону, цѣлуетъ ее, вливаетъ ядъ въ ухо короля и уходитъ. Королева возвращается, видитъ короля мертвымъ и дѣлаетъ патетическіе жесты. Отравитель возвращается съ двумя или тремя нѣмыми и какъ-будто огорченъ вмѣстѣ съ нею. Трупъ уносятъ. Отравитель предлагаетъ королевы свою руку и подарки. Сначала она кажется недовольною и несогласною, но, наконецъ, принимаетъ ихъ. Они уходятъ.)

ОФЕЛІЯ. Что это значитъ принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Здѣсь скрывается преступленіе?

ОФЕЛІЯ. Вѣроятно, эта пантомима показываетъ содержаніе пьесы?

Входитъ Прологъ.

ГАМЛЕТЪ. А вотъ мы узнаемъ отъ этого молодца. Актеры ничего не могутъ сохранить втайнѣ - все выболтаютъ.

ОФЕЛІЯ. Скажетъ онъ намъ, что значитъ это представленіе?

ГАМЛЕТЪ. Да, какъ и всякое представленіе, которое вы ему представите. Не постыдитесь только представить, а онъ не постыдится сказать вамъ, что это значитъ.

ОФЕЛІЯ. Нехорошо, принцъ, плохо. Я лучше буду слушать пьесу.

171

Прологъ.

Для насъ и представленья,
Въ покорномъ униженьи,
Мы просимъ снисхожденья. *(Уходитъ.)*

ГАМЛЕТЪ. И только? Что жъ это: прологъ или надпись кольца?

ОФЕЛІЯ. Оно кратко.

ГАМЛЕТЪ. Какъ любовь женщины.

На сцену входятъ Король и Королева.

Король (на театръ).

Ужъ тридцать разъ промчались кони Феба
Вкругъ моря и земли по тверди неба,
И тридцать лѣтъ заемный блескъ луны

То меркнулъ, то свѣтилъ съ небесной вышины,
Съ тѣхъ поръ, какъ сердце въ насъ Амуръ воспламенилъ
И руки гименей на бракъ соединилъ.

КОРОЛЕВА *(на театрѣ)*.

Пусть солнце и луна свершаютъ снова
Свой горній путь; еще свѣжо и ново
Пылаетъ въ насъ любовь. Но ты забылъ
Веселье прошлое; ты такъ унылъ,
Что страшно мнѣ. Спокойся, милый другъ,
Не раздѣляй души моей недугъ.
Любовь и страхъ жены неизмѣримы:
Они ничто, иль нѣтъ предѣловъ имъ.
Ты знаешь, другъ, какъ мною ты любимъ!
Любовь и страхъ во мнѣ неукротимы:
Любовь великую страшитъ все глубоко;
Ея величіе и въ маломъ велико.

КОРОЛЬ *(на театрѣ)*.

Насъ скоро, милая разлучитъ время:
Я старъ, мнѣ не по силамъ жизни бремя.
Ты будешь жить, мой незабвенный другъ,
Средь міра свѣтлаго; другой супругъ,
Быть можетъ...

КОРОЛЕВА *(на театрѣ)*.

О, молчи! Измѣна злая -
А не любовь - была бъ любовь такая.
Супругой вновь быть можетъ только та,
Кто кровью перваго обагрена.

ГАМЛЕТЪ *(въ сторону)*. Пилюля хороша.

КОРОЛЕВА *(на театрѣ)*.

Что новый бракъ? и что къ нему ведетъ?
Не пылъ любви, а выгоды расчетъ.
И вновь упасть въ объятія другого
Не все ль равно, что свестъ въ могилу снова
Того, кто умеръ уже разъ?

КОРОЛЬ *(на театрѣ)*.

Ты мнѣ отъ сердца говоришь - я вѣрю.
Но какъ легко намѣренье забыть!
Оно всегда есть рабъ воспоминанья,
Родится сильнымъ и слабѣетъ вдругъ:
Такъ крѣпко держится зеленый плодъ,
Когда жъ созрѣетъ - съ дерева падетъ.

Естественно, что всякій забываетъ
О томъ, что долженъ самому себѣ.
На что рѣшились мы въ минуту страсти,
Со страстью и умереть. Порывъ восторга
Или тоски умчить съ собою замысль.
Гдѣ громко изливается восторгъ,
Тамъ и тоска льетъ слезы не въ тиши,
Груститъ восторгъ, и радуется горе.
Измѣнчивъ свѣтъ; не мудрено, что въ немъ
За счастиемъ летаетъ и любовь.
Не разрѣшенъ вопросъ: любовь ли счастье,
Иль счастье ведетъ съ собою любовь?
Падетъ великій человѣкъ - любимцы
Его бѣгутъ, разбогатѣетъ бѣдный -
Его враги вдругъ сдѣлались друзьями.
Такъ, кажется, любовь бѣжитъ за счастьемъ.
Когда друзья не нужны - много ихъ;
А обратись къ кому-нибудь въ нуждѣ -
Онъ во врага тотчасъ преобразится.
Окончу тѣмъ, съ чего началъ: судьба
И воля въ насъ всегда съ собою въ ссорѣ,
Всѣ замыслы уничтожаетъ жребій;
Мы думаемъ, а исполняетъ онъ.
Ты не желаешь быть женой другого,
Но эта мысль умереть со мною вмѣстѣ.

КОРОЛЕВА *(на театрѣ)*.

О, не питай меня земля, и свѣтъ небесный
Мнѣ не свѣти; ночь, не давай покоя,
И день – утѣхъ; пусть всѣ мои надежды
Умчитъ порывъ отчаянья, а цѣпи
И постъ пусть будутъ жребіемъ моимъ!
Пусть все, что потемняетъ въ сердцѣ радость,
Изсушитъ цвѣтъ любимѣйшихъ желаній!
И здѣсь, и тамъ со мною будь страданье,
Когда, вдова, я стану вновь невѣстой!

ГАМЛЕТЪ *(Офелии)*. Что жъ, если она нарушитъ клятву?

КОРОЛЬ *(на театрѣ)*.

Довольно клятвъ! оставь меня теперь!
Я утомленъ и отдохнуть желаю:
Пусть сонъ отгонитъ отъ меня заботы.

(Онъ засыпаетъ.)

КОРОЛЕВА *(на театрѣ)*.

Спи, милый друг! Благословенье мира
Да ниспошлетъ на насъ Господь. (*Уходитъ.*)

ГАМЛЕТЪ. Какъ вамъ нравится пьеса, матушка?

КОРОЛЕВА. Мнѣ кажется, королева наобѣщала слишкомъ много.

ГАМЛЕТЪ. О, да, вѣдь, она сдержитъ слово!

КОРОЛЬ. Ты знаешь содержаніе? Нѣтъ ли чего-нибудь
непозволительнаго?

ГАМЛЕТЪ. Нѣтъ, нѣтъ они только шутятъ: отравляютъ шутя. Ничего
непозволительнаго.

КОРОЛЬ. А какъ называется пьеса?

ГАМЛЕТЪ. Мышеловка. Какъ это? Метафорически. Это представленіе
убійства,

172

совершеннаго въ Вѣнѣ. Гонзаго имя герцога, жена его Баптиста. Вы сейчасъ
увидите: это злодѣйское дѣло. Но что до того? До вашего величества и до насъ
оно не касается. Совѣсть у насъ чиста, а шапка горитъ только на ворѣ.

На сцену входитъ ЛУЦІАНЪ.

ГАМЛЕТЪ. Это Луціанъ, племянникъ короля.

ОФЕЛІЯ. Вы берете на себя обязанность хора, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. И могъ бы быть посредникомъ между вами и вашимъ
любовникомъ, если бы вамъ вздумалось сыграть такую комедію.

ОФЕЛІЯ. Вы остры, принцъ, вы остры.

ГАМЛЕТЪ. Да, вамъ пришлось бы постонать, пока притупится моя
острота.

ОФЕЛІЯ. Чась отъ часу хуже.

ГАМЛЕТЪ. Такъ же, какъ вы выбираете себѣ мужей. Начинай убійца!
Оставь свою негодную мимику и начинай!

И воронъ, каркая, ко мщенію зоветъ!

ЛУЦІАНЪ (на театрѣ).

Мой ядъ готовъ, рука вѣрна - и мысли черны!

Безлюдно здѣсь - и часъ благопріятень.

Ты, острый сокъ полуночной травы,

Проклятіемъ Гекаты утонченный,

Пусть силою твоихъ волшебныхъ чаръ

Мгновенно въ немъ исчезнетъ жизни даръ.

(Онъ вливаетъ ядъ въ ухо спящаго.)

ГАМЛЕТЪ. Онъ отравляетъ его въ саду, чтобы завладѣть его царствомъ.
Имя его Гонзаго. Исторія на-лицо: она превосходно описана по-итальянски.
Вы сейчасъ увидите, какъ убійца вкрадется въ любовь супруги Гонзаго.

ОФЕЛІЯ. Король встаетъ.

ГАМЛЕТЪ. Какъ? испуганъ ложною тревогой?
КОРОЛЕВА. Что съ тобою, другъ мой?
ПОЛОНІЙ. Прекратите представленіе.
КОРОЛЬ. Посвѣтите мнѣ! Идемъ!
ПОЛОНІЙ. Огня! огня! огня!

(Встѣ, кромѣ Гамлета и Гораціо, уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ.

А, раненый олень лежитъ,
А лань здоровая смѣется.
Одинъ заснулъ, другой не спитъ -
И такъ на свѣтѣ все ведется!

Что? развѣ эта штука, съ лѣсомъ перьевъ на головѣ и парой бантовъ на башмакахъ, не доставила бы мнѣ мѣста въ труппѣ актеровъ, если бы остальное счастье мое меня и покинуло?

ГОРАЦІО. Да, на половинномъ жалованьи.

ГАМЛЕТЪ. Нѣтъ, на полномъ.

Ты знаешь, милый мой Дамонъ:
Юпитеръ украшалъ престолъ -
И кто жъ теперь возсѣлъ на тронъ?
Всесовершеннѣйшій... попугай.

ГОРАЦІО. Вы могли бы поставить риѐму.

ГАМЛЕТЪ. О, любезный Гораціо, я тысячи прозакладую за слова духа.
Замѣтилъ ты?

ГОРАЦІО. И очень хорошо.

ГАМЛЕТЪ. Когда говорили объ отравленіи?

ГОРАЦІО. Я пристально наблюдалъ за нимъ.

ГАМЛЕТЪ. Ха-ха-ха! Музыку! Эй, флейтчики!

О, если нашъ театръ не нравится ему,
Такъ, значитъ, онъ не нравится ему.
Музыку!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Принцъ, позвольте сказать вамъ пару словъ.

ГАМЛЕТЪ. Цѣлую исторію.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Его величество...

ГАМЛЕТЪ. Ну, что съ нимъ?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Онъ удалился въ свою комнату и очень нездоровъ.

ГАМЛЕТЪ. Отъ вина?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Нѣтъ, отъ желчи.

ГАМЛЕТЪ. Вамъ слѣдовало бы показать больше здраваго смысла и извѣстить объ этомъ доктора, потому что если я пропишу ему лѣкарство, такъ желчь его разольется, можетъ-быть, еще больше.

Гильденштернъ. Принцъ, приведите въ порядокъ ваши рѣчи и не отдаляйтесь такъ отъ предмета моего порученія.

Гамлетъ. Я сталъ ручнымъ - говорите.

Гильденштернъ. Королева, матушка ваша въ глубочайшей скорби сердца, послала меня къ вамъ.

Гамлетъ. Добро пожаловать.

Гильденштернъ. Нѣтъ, принцъ, эта вѣжливость не у мѣста. Если вамъ угодно дать мнѣ здравый отвѣтъ, я исполню приказаніе вашей матушки, если же нѣтъ, такъ извините: я удалюсь - и дѣло мое кончено.

Гамлетъ. Я не могу.

Гильденштернъ. Что, принцъ?

Гамлетъ. Дать вамъ здравый отвѣтъ: мой умъ боленъ. Отвѣтъ, какой въ моей власти - къ вашимъ услугамъ или, лучше сказать, къ услугамъ матушки. Итакъ, безъ околичностей, къ дѣлу. Матушка, говорите вы...

Розенкранцъ. Говоритъ вотъ что: ваше поведеніе удивило, изумило ее.

Гамлетъ. О, дивный сынъ, который можетъ изумлять такъ мать свою. Но развѣ за этимъ родительскимъ изумленіемъ ничего не слѣдуетъ? Говорите.

Розенкранцъ. Она желаетъ поговорить

173

съ вами въ своей комнатѣ, прежде чѣмъ вы ляжете спать.

Гамлетъ. Я повинуюсь, хоть будь она десять разъ моею матерью. Есть у васъ до меня еще какое-нибудь дѣло?

Розенкранцъ. Когда-то вы меня любили, принцъ.

Гамлетъ. И теперь еще, клянусь этой парой воровскихъ крючковъ!

Розенкранцъ. Принцъ, что причиною вашего разстройства? Поистинѣ, вы налагаете цѣпи на вашу свободу, скрывая грусть свою отъ друга.

Гамлетъ. Мнѣ нельзя возвыситься.

Розенкранцъ. Какъ можетъ это быть, когда самъ король назначилъ васъ наслѣдникомъ датскаго престола?

Гамлетъ. Да; однако же «покуда травка подростетъ...» Впрочемъ пословица эта устарѣла.

Входятъ Флейтщики.

Гамлетъ. А, флейты! Подайте мнѣ одну изъ нихъ. *(Беретъ флейту. Гильденштерну.)* На пару слов! *(Отводитъ Гильденштерна въ сторону.)* Зачѣмъ ухаживаете вы за мною, какъ-будто хотите заманить меня въ сѣти?

Гильденштернъ. О, принцъ, если преданность моя слишкомъ смѣла, это значить, что я люблю васъ слишкомъ глубоко.

Гамлетъ. Я плохо васъ понимаю. Не угодно ли сыграть что-нибудь на флейтѣ?

Гильденштернъ. Я не умѣю, принцъ.

Гамлетъ. Прощу васъ.

Гильденштернъ. Повѣрьте, я не умѣю.

ГАМЛЕТЪ. Сдѣлайте одолженіе.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Но я не знаю, какъ взяться за нее, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Это такъ же легко, какъ лгать. Пусть пальцы и клапаны управляютъ отверстіями; дайте инструменту дыханіе изъ вашихъ устъ - и онъ заговоритъ краснорѣчивѣйшею музыкою. Смотрите, вотъ какъ надо это дѣлать.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Я не владѣю искусствомъ извлекать гармонію.

ГАМЛЕТЪ. Видишь ли, какую ничтожную вещь ты изъ меня дѣлаешь? Ты хочешь играть на мнѣ, ты хочешь проникнуть въ тайны моего сердца, ты хочешь испытать меня отъ низшей до высочайшей ноты. Вотъ въ этомъ маленькомъ инструментѣ много гармоніи, прекрасный голосъ - и ты не можешь заставить говорить его. Чортъ возьми, думаешь ты, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Назови меня, какимъ угодно, инструментомъ - ты можешь меня разстроить, но не играть на мнѣ.

Входитъ Полоній.

ГАМЛЕТЪ. Здравствуйте.

ПОЛОНІЙ. Королева желаетъ говорить съ вами, принцъ, и притомъ - сейчасъ.

ГАМЛЕТЪ. Видите это облако? точно верблюдъ.

ПОЛОНІЙ. Клянусь святой обѣдней, совершенный верблюдъ.

ГАМЛЕТЪ. Мнѣ кажется, оно похоже на хорька.

ПОЛОНІЙ. Спина точь-въ-точь какъ у хорька.

ГАМЛЕТЪ. Или какъ у кита?

ПОЛОНІЙ. Совершенный китъ.

ГАМЛЕТЪ. Такъ я иду къ матушкѣ сію минуту. *(Тихо.)* Они дурачатъ меня такъ, что мое терпѣніе лопається. *(Полонію.)* Иду сію минуту.

ПОЛОНІЙ. Я сейчасъ доложу. *(Уходитъ.)*

ГАМЛЕТЪ. Легко сказать: сію минуту! Оставьте меня, друзья.

(Розенкранцъ, Гильденштернъ, Гораціо и другіе уходятъ.)

Вотъ часъ духовъ! Гроба стоятъ отверсты,
И самый адъ на міръ заразой дышитъ.
Теперь отвѣдать бы горячей крови,
Теперь ударъ бы нанести, чтобъ дрогнулъ
Веселый день... Но къ матери пора!
О, сердце, не забудь твою природу!
Пусть въ эту грудь не вступитъ духъ Нерона!
Будь человѣчески жестокъ, о Гамлетъ!
Кинжалы на словахъ, но не на дѣлѣ!
Полицемѣрьте же, языкъ и сердце!
Какъ ни язвили бы мои слова,
Исполнить ихъ, душа, не соглашайся.

(Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Комната королевы.

Входят: КОРОЛЬ, РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

Я дольше не могу его терпѣть:
Его безуміе грозитъ бѣдою.
Готовьтесь въ путь: вамъ выдадутъ сейчасъ же
Приказъ въ Британію уѣхать съ принцемъ.
Я, какъ монархъ, не долженъ допускать
Бѣду такъ близко, а она грозитъ
Въ его безуміи ежеминутно.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы изготовимся. То страхъ священный,
Благоразумный - сохранить для жизни
Такъ много, много душъ, живущихъ вами.

174

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Простой и честный человекъ обязанъ
Стоять за жизнь всей силою души;
Тѣмъ больше тотъ, отъ сохраненья силъ
Котораго зависитъ счастье многихъ.
Монархъ не можетъ умереть одинъ:
Въ свое паденье увлекаетъ онъ
Все близкое, какъ горный водопадъ.
Онъ - колесо гигантскаго размѣра,
Стоящее на высотѣ горы;
И тысячи вещей прикрѣплены
Къ его огромнымъ и могучимъ спицамъ;
Падеть оно - ужасное паденье
Раздѣлятъ съ нимъ всѣ вещи мелочныя.
Еще монархъ ни разу не вздыхалъ,
Чтобы народъ съ нимъ вмѣстѣ не страдалъ.

КОРОЛЬ.

Прошу, готовьтесь въ путь. На этотъ страхъ
Должны мы наложить оковы.
Его свобода слишкомъ велика.

Мы поспѣшимъ. (*Уходятъ.*)

Входитъ Полоній.

Полоній.

Онъ къ матери идетъ, мой государь.
Я стану за ковромъ, чтобы услышать
Ихъ разговоръ. Повѣрьте, королева
Его порядкомъ побранить; но должно,
Какъ вы сказали - а сказали вы умно -
Чтобъ кто-нибудь, свидѣтель посторонній,
Ихъ разговоръ подслушалъ тихомолкомъ
Затѣмъ, что мать пристрастна отъ природы.
Прощайте, государь. Я къ вамъ зайду
И расскажу, что удалось узнать.

Король.

Благодарю, мой дорогой Полоній.

(*Полоній уходитъ.*)

Смрадъ моего грѣха доходитъ къ небу;
На мнѣ лежитъ древнѣйшее проклятье -
Убийство брата. Не могу молиться,
Хотя влечетъ меня къ молитвѣ воля.
Сильнѣйшій грѣхъ сражаетъ силу слова,
И я, какъ человѣкъ съ двоякимъ долгомъ,
Стою въ сомнѣніи – съ чего начать?
А дѣло позабылъ. Будь кровью брата
Насквозь проникнута моя рука,
Что жъ? развѣ нѣтъ дождя на небесахъ,
Чтобъ убѣлить ее, какъ снѣгъ весенній?
Зачѣмъ же есть святое милосердье,
Какъ не затѣмъ, чтобы прощать грѣхи?
И развѣ нѣтъ двойной въ молитвѣ силы -
Паденье грѣшника остановить
И падшимъ милость испросить? Взгляну горѣ:
Мой грѣхъ свершенъ. Но какъ молиться мнѣ?
«Прости мнѣ гнусное убійство?» Нѣтъ,
Тому не быть! Я все еще владѣю
Всѣмъ, что меня къ убійству повлекло:
Короной, честолюбіемъ, женой.
Простятъ ли тамъ, гдѣ грѣхъ еще живетъ?
Въ испорченномъ житѣ на этомъ свѣтѣ
Горсть золота въ преступника рукъ
Искупить казнь; постыдною цѣною

Закона власть нерѣдко подкупали.
Но тамъ не такъ! Обманъ тамъ не поможетъ;
Дѣянья тамъ въ ихъ настоящемъ видѣ,
И сами мы должны разоблачать
Своихъ грѣховъ преступную природу.
Итакъ, что остается мнѣ? Подумать,
Раскаянье, что можетъ совершить?
Что невозможно для него? Но если
Нѣтъ силъ къ раскаянью - оно безсильно.
О, горе мнѣ! О, грудь, чернѣе смерти!
Душа, въ борьбѣ за свѣтлую свободу,
Еще тѣснѣй закована въ цѣпяхъ.
Спасите, ангелы! Колѣни, гнитесь!
Стальная грудь, смягчись, какъ грудь ребенка!
Быть можетъ, вновь все будетъ хорошо!

(Становится на колѣни.)

Входитъ ГАМЛЕТЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Теперь легко я могъ бы совершить:
Онъ молится. Теперь я совершу -
И духъ его пойдетъ на небеса,
И я отмщенъ? Что жъ это будетъ значить:
Злодѣй убилъ родителя, а я,
Я, сынъ его, единственный на свѣтѣ,
На небеса злодѣя отправляю!
Нѣтъ, то была бъ награда, а не мѣсть.
Въ безпечномъ снѣ отца онъ умертвилъ,
Въ веснѣ грѣховъ цвѣтущаго, какъ май.
Что случилось съ нимъ, то вѣдаетъ Создатель;
Но думаю, судьба его тяжка.
Отмщу ли я, убивъ его въ молитвѣ,
Готоваго въ далекую дорогу?
Нѣтъ, мечъ въ ножны! ты будешь обнаженъ
Ужаснѣе: когда онъ будетъ пьянъ,
Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ сладострастныхъ,
Съ ругательствомъ въ устахъ, среди занятій,
Въ которыхъ нѣтъ святыни и слѣда -
Тогда рази, чтобы пятами къ небу
Онъ въ тартаръ полетѣлъ съ душою черной
И проклятой, какъ адъ. Мать ждетъ меня.
Живи еще, но ты уже мертвецъ. *(Уходитъ.)*

КОРОЛЬ *(встаетъ)*.

Слова летятъ, но мысль моя лежитъ;

Безъ мысли слово къ небу не взлетитъ.

(Уходитъ.)

175

СЦЕНА IV.

Комната королевы.

Входятъ КОРОЛЕВА и ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Сейчасъ придетъ. Вы будьте съ нимъ построже;
Скажите, что его поступковъ дерзость
Нельзя терпѣть, что вашимъ заступленьемъ
Утишень гнѣвъ обиженнаго дяди.
Я спрячусь здѣсь. Прошу васъ, не щадите.

КОРОЛЕВА.

Ручаюсь вамъ; о мнѣ не беспокойтесь.
Я слышу онъ идетъ - уйдите.

(Полоній прячется за коверъ.)

Входитъ ГАМЛЕТЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, матушка, скажите, что угодно?

КОРОЛЕВА.

Отецъ твой, Гамлетъ, оскорбленъ тобою.

ГАМЛЕТЪ.

Увы, отецъ мой вами оскорбленъ.

КОРОЛЕВА.

Ну, полно, сынъ, ты отвѣчаешь дерзко.

ГАМЛЕТЪ.

И, полно, матушка: вы говорите зло.

КОРОЛЕВА.

Что это значить, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что такое?

КОРОЛЕВА.

Иль ты забылъ меня?

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ, клянусь вамъ Богомъ!
Царица вы, вы - деверя супруга,
И - если бы не такъ - моя вы мать.

КОРОЛЕВА.

Такъ пусть съ тобой другіе говорятъ.

ГАМЛЕТЪ.

Постой, садись: ты съ мѣста не сойдешь,
Пока я зеркала тебѣ не покажу,
Въ которомъ ты свою увидишь душу.

КОРОЛЕВА.

Что хочешь дѣлать ты? Убить меня?
Эй, помогите!

ПОЛОНІЙ *(за ковромъ)*.

Помогите! эй!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ! мышь? *(Обнажаетъ шпагу.)*

Мертва, мертва, держу червонецъ!

(Прокалываетъ шпагою коверъ.)

ПОЛОНІЙ *(за ковромъ)*.

О, я убить! *(Падаетъ и умираетъ.)*

КОРОЛЕВА.

О, горе! Что ты сдѣлалъ?

ГАМЛЕТЪ.

Не знаю. Что? король?

(Вытаскиваетъ Полонія изъ-за ковра.)

КОРОЛЕВА.

Какой кровавый, необдуманный поступокъ!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавый? Да, почти такой же гнусный,
Какъ короля-супруга умертвить
И вслѣдъ за тѣмъ съ его вѣнчаться братомъ.

КОРОЛЕВА.

Какъ короля убить?

ГАМЛЕТЪ.

Да, такъ сказалъ я.

(Полонію.)

Ты, жалкій, суетливый шутъ, прощай.
Тебя я высшимъ счель: возьми свой жребій!
Ты видишь, поспѣвать вездѣ - опасно.

(Королеву.)

Да не ломай такъ рукъ, потише! Сядь!
Пусть лучше я твое сломаю сердце.
А я сломаю его, когда оно не вовсе
Преступнымъ навыкомъ закалено,
Когда для чувствъ оно еще доступно.

КОРОЛЕВА.

Въ чемъ проступилась я, что ты дерзаешь
Такъ грозно порицать?

ГАМЛЕТЪ.

Ты запятнала

Стыдливый цвѣтъ душевной чистоты:
Ты назвала измѣной добродѣтель;
Съ чела любви ты розы сорвала,
И, вмѣсто ихъ невинной красоты,
Цвѣтетъ болѣзнь; въ твоихъ устахъ, о мать,
Обѣтъ при брачномъ алтарѣ сталъ ложенъ,
Какъ клятва игрока! О, твой поступокъ
Исторгъ весь духъ изъ брачнаго обряда,
Въ пустыхъ словахъ излилъ всю сладость вѣры!
Горитъ чело небесъ, земли твердыня
При мрачной думѣ о твоихъ дѣлахъ
Грустна, какъ въ день передъ судомъ послѣднимъ.

КОРОЛЕВА.

О, горе мнѣ! Какой поступокъ, Гамлетъ,
Такъ громко говорить, гремитъ такъ грозно?

ГАМЛЕТЪ.

Взгляни сюда: вотъ два изображенья,
Портреты двухъ родныхъ по тѣлу братьевъ.
Взгляни на этотъ - что за красота!
Чело Юпитера и кудри Аполлона,
И Марса взоръ, на страхъ врагамъ горящій:
Въ немъ гордый видъ посланника боговъ,
Когда на горъ заоблачныя выси
Слетаетъ онъ съ небесъ; въ его чертахъ
Видна печаль всѣхъ жителей Олимпа,
Чтобъ міръ призналъ, что онъ былъ человѣкъ:
То былъ твой мужъ. Теперь взгляни сюда!

176

Вотъ твой супругъ: онъ, какъ сожженный колось,
Похитилъ жизнь у брата своего.
Есть очи у тебя? Могла ты бросить
Прекрасный лугъ нагорной вышины,
Чтобы гнилымъ питать себя болотомъ?
Есть очи у тебя? Нѣтъ, ты не можешь
Назвать любовь: въ твои лѣта не пышетъ
Огонь въ крови, она уже покорно
Ждетъ выводовъ ума. Но чей разумъ
Могъ привести отъ этого къ тому?
Ты чувствъ не лишена; иначе, какъ
Могла бы страсть въ твое закрасться тѣло?
Но это чувственность - она больна!
Тутъ не ошибся бы и сумасшедшій.
Безумство чувственности не подавить
Такъ глубоко, чтобъ въ ней не оставалась
Хоть капля выбора: довольно капли,
Чтобъ здѣсь избрать. Какой же черный демонъ
Толкнулъ тебя, играя въ эти жмурки?
Глаза безъ рукъ, рука безъ глазъ и слуха,
Здоровыхъ чувствъ малѣйшая частица
Не промахнулась бы такъ жестоко!
Гдѣ жъ твой румянецъ, стыдъ? Когда ты можешь,
Лукавый адъ, горѣть въ костяхъ матроны,
Такъ пусть, какъ воскъ, растопится стыдливость
Горячей юности въ твоемъ огнѣ!
Не восклицай: «о, стыдъ!» когда разыграетъ
Младая кровь: и самый снѣгъ холодный
Горитъ, а разумъ волю соблазняетъ.

КОРОЛЕВА.

Умолкни, Гамлетъ! Въ глубь моей души
Ты обратилъ мой взоръ: я вижу пятна, -
Ихъ черный цвѣтъ впитался такъ глубоко,
Что ихъ не смыть водами океана.

ГАМЛЕТЪ.

Ужель возможно жить на гнусномъ ложѣ,
Дыша грѣхомъ, сгнивать въ его объятяхъ,
Любить и льстить въ гнѣздѣ кровосмѣшенья?

КОРОЛЕВА.

О, замолчи! Слова твои, какъ ножъ,
Мнѣ рѣжутъ слухъ. Умолкни, милый Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Убійца и злодѣй! рабъ, недостойный
И сотой части прежняго супруга!
Король-паяцъ, укравшій діадему
И тайно спрятавшій ее въ карманъ!

КОРОЛЕВА.

Остановись!

ГАМЛЕТЪ.

Король изъ тряпокъ и доскутьевъ...

Входитъ Тѣнь.

Спаси меня, закрой меня крылами,
Сонмъ небожителей святыхъ!
Чего ты хочешь, образъ благородный?

КОРОЛЕВА.

О, горе мнѣ! Что съ нимъ? Онъ обезумѣлъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ты не съ укоромъ ли явился къ сыну,
За то, что онъ не внялъ минутъ страсти
И грознаго велѣнья не свершилъ?
Скажи!

ТѢНЬ.

Не позабудь! Мое явленье
Угасшій замыселъ должно воспламенить.
Взгляни: надъ матерью витаетъ ужасъ.
Стань между ней и тяжкою борьбою
Ея души: воображенье въ слабыхъ

Всего сильнѣй. Заговори съ ней, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Что съ вами, матушка!

КОРОЛЕВА.

О, что съ тобою,

Что ты глаза вонзилъ въ пустое мѣсто
И говоришь съ пространствомъ безтѣлеснымъ?
Въ твоихъ очахъ душа сверкаетъ дико;
Какъ спящій стань на звукъ тревоги бранной,
Встаютъ власы на головѣ твоей!
О, милый сынъ, залей огонь недуга
Росой терпѣнія! Куда глядишь ты?

ГАМЛЕТЪ.

На него.

Смотри, какъ тускло взоръ его горитъ!
И камни поняли бы горькій смыслъ
Его лица, его обиды тяжелой.
О, не гляди! Твой жалкій, грустный образъ
Смягчитъ мое суровое рѣшенье -
И я его не совершу. Быть можетъ,
Слеза, не кровь, мою местию будетъ.

КОРОЛЕВА.

Скажи, кому ты это говоришь?

ГАМЛЕТЪ.

Ты ничего не видишь тамъ, скажи?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, ничего: но все, что тамъ, я вижу.

ГАМЛЕТЪ.

И ничего не слышала?

КОРОЛЕВА.

Ни слова!

ГАМЛЕТЪ.

Взгляни, смотри, какъ тихо онъ уходитъ!
Отецъ мой, точно какъ живой. Смотри:
Вонъ, вонъ идетъ онъ; вотъ выходитъ въ дверь.

(Тѣнь уходитъ.)

КОРОЛЕВА .

То лишь мечта фантазіи твоей.
Душа сильна въ созданьяхъ безтѣлесныхъ,
Когда разумокъ горемъ омраченъ.

ГАМЛЕТЪ .

Ты говоришь: «разумокъ омраченъ».

177

Мой пульсъ, какъ твой, играетъ въ стройномъ тактѣ;
Его мелодія здорова, какъ въ твоемъ;
Мои слова не бредъ души безумной.
Угодно ли - я повторю ихъ снова;
Безуміе жъ отпрянуло бы прочь.
Спасеніемъ души я заклинаю:
Не умягчай душевныхъ ранъ, о мать,
Бальзамомъ лести - будто говоритъ
Мое безумство, а не твой проступокъ.
Ты лишь слегка покроешь злую язву,
А ядъ невидимо вопьется внутрь.
Повѣдай Господу твои грѣхи;
Покайся въ томъ, что совершила ты,
И отврати грядущее молитвой:
Не удобряй негодную траву,
Чтобъ не росла она въ избыткѣ силы;
А мнѣ - прости мою ты добродѣтель!
Въ нашъ злой, развратный вѣкъ и добродѣтель
Должна просить прощенья у порока -
Да, ползать и молить, чтобъ онъ позволилъ ей
Творить ему добро.

КОРОЛЕВА .

О, Гамлетъ, Гамлетъ,
Ты надвое мнѣ сердце растерзалъ!

ГАМЛЕТЪ .

Отбрось его худую половину,
Живи чиста съ его чистѣйшей частью.
Прощай - усни, но не на ложѣ дяди!
Пусть нѣтъ въ тебѣ добра, - по крайней мѣрѣ,
Набрось личину добрыхъ дѣлъ. Привычка -
Чудовище: она, какъ черный дьяволъ,
Познанье зла въ душѣ уничтожаетъ;

Но здѣсь она есть ангелъ благодатный:
Свершенью добрыхъ, благородныхъ дѣлъ
Она даетъ удобную одежду,
Которую носить совсѣмъ легко.
Будь въ эту ночь воздержною; потомъ
Воздержность будетъ для тебя все легче,
Привычка можетъ измѣнить природу
И чудной силой навсегда смирить
Иль истребить врага. Прощай еще разъ.
И если ты благословенья жаждешь,
Благослови меня!

(Полонію.) Тебя, старикъ,
Тебя мнѣ жаль! Судьбѣ угодно было,
Чтобъ я тобой, а ты былъ мной наказанъ:
Она меня бичомъ твоимъ избрала.
За эту смерть отвѣтъ я дать сумѣю.
Я приберу его. Покойной ночи.
Я былъ жестокъ, но это отъ любви.
Зло сдѣлано - но худшее насъ ждетъ.
Еще два слова.

КОРОЛЕВА.

Что должна я дѣлать?

ГАМЛЕТЪ.

Отнюдь не то, что я тебѣ сказалъ.
Пусть этотъ царь тебя на ложе нѣги
Заманитъ вновь, зоветъ своею милой
И треплетъ по щекѣ. За поцѣлуй нечистый,
За ласку проклятой руки - ты скажешь,
Что я притворю, что я не сумасшедшій.
Да, расскажи: оно не помѣшаетъ.
Тебѣ ль, прекрасной непорочной, умной,
Такія вещи скрыть отъ крокодила,
Отъ жабы, отъ змѣя? И кто ихъ скрылъ бы?
Нѣтъ, нѣтъ! Уму и тайнѣ вопреки,
Открой силокъ - пусть птицы разлетятся,
А ты сама, какъ обезьяна въ баснѣ,
Попробуй испытать его устройство -
Онъ голову тебѣ свернетъ.

КОРОЛЕВА.

Повѣрь, когда слова - дыханье жизни,
То я мертва и нѣтъ во мнѣ дыханья,
Чтобъ тайну рассказать твою.

ГАМЛЕТЪ.

Я долженъ
Уѣхать въ Англію: извѣстно вамъ?

КОРОЛЕВА.

Я позабыла. Да - такъ рѣшено.

ГАМЛЕТЪ.

Приказъ готовъ, подписанъ, запечатанъ
И школьнымъ порученъ моимъ друзьямъ.
Я довѣряю имъ какъ двумъ ехиднамъ.
Они должны дорогу мнѣ очистить,
Герольдами вести меня къ измѣнѣ -
Такъ пусть ведутъ. Забавно будетъ видѣть,
Какъ инженеръ взлетитъ съ своимъ снарядомъ.
Подъ ихъ подкопъ, когда я не обчелся,
Я подведу другой, аршиномъ глубже,
И онъ взорветъ ихъ до луны. О, какъ отрадно
Столкнуть всѣ силы на одномъ пути!
Теперь пора съ собой взять эту ношу:
Я въ ближній отнесу его покой.
Прощайте, матушка, покойной ночи.
Какъ сталъ онъ важенъ, молчаливъ и тихъ,
Глупецъ, всю жизнь болтавшій безъ умолку!
Пойдемъ, вѣдь, надобно жъ съ тобой покончить.
Покойной ночи, матушка - прощайте!

(Уходятъ въ разныя стороны, при чемъ Гамлетъ уноситъ тѣло Полонія.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входятъ: Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король *(королеву)*.

Въ твоихъ глубокихъ вздохахъ,
Сокрыть какой-то смыслъ; намъ не мѣшаетъ
Узнать его - такъ объяснись. Гдѣ сынъ твой?

Оставьте насъ.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Что видѣла я ночью!

КОРОЛЬ.

Какъ? что, жена? Что дѣлаетъ Гамлетъ?

КОРОЛЕВА.

Свирѣпствуетъ, какъ ураганъ на морѣ:
Въ безумной ярости онъ вдругъ услышалъ
Какой-то шорохъ за ковромъ - мгновенно
Онъ шпагу выхватилъ и, съ крикомъ «мышь»,
Не видя, старика убилъ.

КОРОЛЬ.

Ужасно!

То было бѣ и со мною - будь я тамъ.
Его свобода угрожаетъ всѣмъ:
Тебѣ и мнѣ, и всякому другому.
Кто дастъ отвѣтъ въ такомъ кровавомъ дѣлѣ?
На насъ падетъ упрекъ, что мы безумца
Отъ общества людей не удалили.
Но насъ любовь къ Гамлету ослѣпила:
Я не хотѣлъ понять, что намъ полезно;
Я скрылъ его, какъ гнусную болѣзнь,
Отъ взоровъ всѣхъ - и ядъ впитался въ тѣло
И отравилъ всю кровь. Куда пошелъ онъ?

КОРОЛЕВА.

Понесъ убитаго. На этотъ разъ
Его безумство оказалось чистымъ,
Какъ искра золота въ простой рудѣ.
Онъ слезы льетъ о томъ, что совершилъ.

КОРОЛЬ.

Пойдемъ Гертруда.
Какъ скоро солнце горы озаритъ,
Онъ сядетъ на корабль. Мы всѣмъ искусствомъ
И всѣмъ могуществомъ должны покрыть
И извинить поступокъ гнусный.
Эй Гильденштернъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.)

Друзья, возьмите въ помощь
Себѣ кого-нибудь и поспѣшите...

Въ припадкѣ бѣшенства, Гамлетъ убилъ
Полонія и утащилъ съ собою
Изъ комнатъ матери. Сыщите принца,
Поговорите съ нимъ словами ласки,
А трупъ велите отнести въ часовню.
Прошу скорѣй!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Пойдемъ, пойдемъ, Гертруда.
Мы созовемъ умнѣйшихъ изъ друзей,
Откроемъ имъ, что сдѣлать мы готовы,
И что, къ несчастію, совершено.
Такъ, можетъ-быть, шипѣніе злословья,
Какъ выстрѣлъ пушечный, до вѣрной цѣли,
Несущее изъ края въ край земли
Свой острый ядъ, промчится мимо насъ
И ранитъ лишь нераздѣлимый воздухъ.
Пойдемъ, пойдемъ! Моя душа
Борьбы и ужаса полна.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Другая комната въ замкѣ.

Входитъ ГАМЛЕТЪ.

ГАМЛЕТЪ. Надежно запрятанъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ *(за сценой)*. Гамлетъ! принцъ Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ. Тс! Что за шумъ? Кто зоветъ Гамлета? А, вотъ они!

Входятъ: РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Что вы сдѣлали съ трупомъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Приобщилъ его къ праху, которому онъ сродни.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скажите, гдѣ, чтобъ мы могли въ часовню
Его отнести.

ГАМЛЕТЪ.

Онѣтъ, не вѣрьте!

РОЗЕНКРАНЦЪ. Чему не вѣрить?

ГАМЛЕТЪ. Чтобы я умѣлъ беречь вашу тайну, а свою онѣтъ. И кромѣ того -
отвѣчать на вопросы губки. Что отвѣчать на это сыну короля?

РОЗЕНКРАНЦЪ. Вы меня принимаете за губку, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Да, за губку, которая всасываетъ выраженіе лица, повелѣнія и милости короля. И такіе-то люди оказываютъ подѣ-конецъ королю самую лучшую услугу: онъ держитъ ихъ, какъ обезьяна лакомый кусочекъ, за щекою; прежде всѣхъ возьметъ ихъ въ ротъ и послѣ всѣхъ съѣстъ. Когда ему понадобится то, что ты всосалъ, ему стоитъ только подавить тебя - и ты опять сухая губка.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Я не понимаю васъ.

ГАМЛЕТЪ. Очень радъ: острое слово спитъ въ ушахъ глупца.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Принцъ, вы должны сказать намъ, гдѣ трупъ, и итти съ нами къ его величеству.

ГАМЛЕТЪ. Трупъ у короля, однакоже короля нѣтъ при трупѣ. Король есть нѣчто...

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ. Нѣчто?

ГАМЛЕТЪ. Или ничто. Пойдемъ къ нему. (*Уходятъ.*)

179

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входитъ КОРОЛЬ *со свитою.*

КОРОЛЬ.

Я трупъ и принца отыскать велѣлъ.
О, какъ опасно, что его свобода
Не ограничена! Но я не смѣю
Съ нимъ поступить по строгости законовъ:
Онъ такъ любимъ безмысленной толпой,
Любящей взорами, а не разсудкомъ.
А если любятъ *такъ* - передъ глазами
Одно страданіе, а не вина.
Чтобъ сгладить все, внезапная поѣздка
Должна плодомъ разчета показаться.
Одно отчаянное средство можетъ
Болѣзнь отчаянную излѣчить.

Входитъ РОЗЕНКРАНЦЪ.

КОРОЛЬ.

Ну, что?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Куда онъ мертвѣго запряталъ,
Никакъ не удалось намъ допытаться.

КОРОЛЬ.

А гдѣ онъ самъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Недалеко отсюда,
Со стражею, ждетъ вашихъ приказаній.

КОРОЛЬ. Приведите его сюда.

РОЗЕНКРАНЦЪ. Гильденштернъ, введите принца.

Входитъ ГАМЛЕТЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ. Ну, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

ГАМЛЕТЪ. За ужиномъ.

КОРОЛЬ. За ужиномъ?

ГАМЛЕТЪ. Только не онъ кушаетъ, а его кушаютъ! Конгрессъ политическихъ червей только-что за него принялся. А что касается съѣстного, такъ этакой червячишка единственный монархъ. Мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя - для червей. Жирный король и тощій бѣднякъ - только различныя кушанья, два блюда для одного стола. Этимъ все кончается.

КОРОЛЬ. Увы!

ГАМЛЕТЪ. Дѣло возможное удить червякомъ, который ѣлъ короля, и скушать потомъ рыбу, проглотившую червяка.

КОРОЛЬ. Что ты хочешь этимъ сказать?

ГАМЛЕТЪ. Я хочу только показать вамъ, какъ король можетъ прогуляться по пищеварительнымъ органамъ нищаго.

КОРОЛЬ. Гдѣ Полоній?

ГАМЛЕТЪ. На небесахъ. Пошлите справиться: если же вашъ посланный не найдетъ его тамъ, ищите сами въ другомъ мѣстѣ. Однакоже увѣряю васъ, если вы не отыщете его въ продолженіе мѣсяца, такъ онъ самъ скажется вашему носу на лѣстницѣ, что ведетъ въ галлерею.

КОРОЛЬ (*свитѣ*). Ступайте, ищите его тамъ!

ГАМЛЕТЪ. Онъ васъ подождетъ.

(Нѣкоторые изъ свиты уходятъ.)

КОРОЛЬ.

О безопасности твоей, мой Гамлетъ,
Я столько жъ беспокоюсь, какъ жалѣю
О томъ, что сдѣлалъ ты: ты долженъ быстро,
Какъ молнія, отсюда удалиться.
Готовься въ путь! корабль уже готовъ,
Матросы ждуть, попутный вѣтеръ вѣетъ:
Все въ Англію бѣжать тебѣ велить.

ГАМЛЕТЪ.

Что – въ Англию?

КОРОЛЬ.

Да, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо.

КОРОЛЬ.

Да, точно такъ, когда бы могъ ты видѣть
Мои намѣренья.

ГАМЛЕТЪ.

Я вижу херувима,

Который видитъ ихъ.

Однако, идемъ? Въ Англию! Счастливо оставаться, любезнѣйшая матушка.

КОРОЛЬ. Твой любящій отецъ, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ. Моя мать. Отецъ и мать - мужъ и жена; мужъ и жена - одно
тѣло, слѣдовательно - счастливо оставаться, матушка. Идемъ въ Англию!
(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

Ступайте по пятамъ за нимъ; скорѣе
Старайтесь заманить его на бортъ.
Не медлите: онъ ночью долженъ въ путь
Отправиться. Что нужно для дороги,
Все сдѣлано. Прошу васъ, поспѣшите!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

О, Англія, когда ты дорожишь
Моей любовью (власть моя научить
Тебя цѣнить ее: еще свѣжа
Мечомъ датчанъ нанесенная рана,
И ты покорствуешь безпрекословно),
Ты не посмѣешь пренебречь указомъ
Властителя: ты умертвишь Гамлета
Немедленно. О, умертви его!
Онъ, словно ядъ, свирѣпствуетъ во мнѣ.
Ты исцѣлишь меня! Пока онъ живъ,
И въ самомъ счастіи лишенъ я наслажденья.

(Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

Равнина въ Даніи.

Входятъ ФОРТИНБРАСЪ, КАПИТАНЪ и войско.

ФОРТИНБРАСЪ.

Поклонъ мой передайте, капитанъ,
Монарху Даніи и доложите,
Что Фортинбрасъ желаетъ получить
Проводниковъ для перехода войска
Черезъ владѣнія датчанъ.
Вы знаете, гдѣ насъ найти. Когда угодно
Его величеству со мной поговорить,
Я лично выполню мой долгъ. Скажите такъ.

КАПИТАНЪ.

Исполню, принцъ.

ФОРТИНБРАСЪ.

Впередъ! Не торопиться!

(Фортинбрасъ и войско уходятъ.)

Входятъ: ГАМЛЕТЪ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ и другіе.

ГАМЛЕТЪ.

Мой другъ, что это за войска?

КАПИТАНЪ.

Норвежцы.

ГАМЛЕТЪ.

Куда назначены?

КАПИТАНЪ.

На поляковъ.

ГАМЛЕТЪ.

А кто ведетъ ихъ?

КАПИТАНЪ.

Фортинбрасъ, племянникъ

Маститаго норвежскаго монарха.

ГАМЛЕТЪ.

Вся Польша вашего похода цѣль,
Или одно изъ пограничныхъ мѣсть?

КАПИТАНЪ.

Сказать вамъ истину безъ прибавленья,
Такъ мы идемъ завоевать мѣстечко,
Которое не дастъ намъ ничего,
За исключеньемъ своего названья.
Я за него не далъ бы трехъ червонцевъ,
Да больше и не дастъ оно дохода
Ни намъ, ни Польшѣ, если бъ и продали.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ поляки и защищать его не будутъ.

КАПИТАНЪ.

О, нѣтъ, они его ужъ укрѣпили.

ГАМЛЕТЪ.

Двѣ тысячи солдатъ и двадцать тысячъ
Червонцевъ не рѣшатъ ничтожный споръ!
Вотъ язва благоденствія и мира:
Она горитъ внутри, когда снаружи
Причины къ смерти нѣтъ. Благодарю васъ.

КАПИТАНЪ.

Богъ да хранить васъ. *(Уходитъ.)*

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Принцъ, угодно вамъ

Итти?

ГАМЛЕТЪ.

Я тотчасъ буду къ вамъ, идите.

(Розенкранцъ и прочіе уходятъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Какъ все винить меня! Малѣйшій случай
Мнѣ говоритъ: проснись, лѣнивый мститель:
Что человѣкъ, когда свое все благо
Онъ полагаетъ въ снѣ? Онъ звѣрь - и только.
Кто создалъ насъ съ такою силой мысли,
Что въ прошлое и въ будущность глядимъ,

Тотъ вѣрно въ насъ богоподобный разумъ
Вселилъ не съ тѣмъ, чтобъ онъ безъ всякой пользы
Истлѣлъ въ душѣ. Слѣпое ль то забвенье,
Или желаніе узнать конецъ
Со всей подробностью? О, въ этой мысли,
Какъ разложить ее, на часть ума
Три части трусости. Не понимаю,
Зачѣмъ живу, чтобъ только говорить:
«Свершай, свершай», когда во мнѣ для дѣла
И сила есть, и средства, и желанье!
Меня зовутъ великіе примѣры,
Великіе, какъ міръ. Вотъ это войско
И юный вождь, принцъ нѣжный и цвѣтущій:
Его душа горитъ желаньемъ славы,
Лицомъ къ лицу онъ встрѣтился съ безвѣстнымъ
Исходомъ битвъ, и оболочку духа
Онъ предалъ смерти, счастью и мечамъ
Изъ-за яичной скорлупы. Великъ
Тотъ истинно, кто безъ великой цѣли
Не возстаетъ, но бьется за песчинку,
Когда задѣта честь. Каковъ же я,
Когда меня ни матери безчестье,
Ни смерть отца, ни доводы разсудка,
Ни кровь родства не могутъ пробудить?
Гляжу съ стыдомъ, какъ двадцать тысячъ войска
Идутъ на смерть и за видѣнье славы
Въ гробахъ, какъ въ лагерѣ, уснуть. За что?
За клочъ земли, гдѣ даже нѣтъ и мѣста
Сражаться всѣмъ, гдѣ для однихъ убитыхъ
Нельзя довольно накопать могилъ.
Отнынѣ мысль проникнута будь кровью,
Иль будь ничто! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА V.

Эльзиноръ. Комната въ замкѣ.

Входятъ: Королева, Гораціо и Придворный.

КОРОЛЕВА.

Я не хочу съ ней говорить.

ПРИДВОРНЫЙ.

Она

Вась проситъ такъ тепло и неотступно,
Что вамъ нельзя о ней не пожалѣть.

КОРОЛЕВА.

Чего же надо ей?

ПРИДВОРНЫЙ.

Она мечтаетъ

Все про отца, все говоритъ, что слышно,
Какъ дурень свѣтъ, бьетъ въ грудь себя и стонетъ;
Малѣйшій вздоръ готовъ ее встревожить;
Въ ея словахъ нѣтъ половины смысла,
Все дико въ нихъ - они пустые звуки,
Но ихъ безобразность на заключенья
Наводитъ умъ того, кто имъ внимаетъ.
Изъ этихъ словъ съ догадкою слагаешь
Какой-то смыслъ, сокрытый въ этихъ минахъ,
Въ движеньи рукъ, въ качаньи головы;
Невольно думаешь, что много злого
Туть кроется, хотя ничто не ясно.

ГОРАЦІО.

Вамъ не мѣшало бѣ съ ней поговорить:
Она легко къ опаснымъ заключеньямъ
Умы строптивыхъ приведетъ.

КОРОЛЕВА.

Впусти ее.

(Гораціо уходитъ.)

Больной душѣ моей малѣйшій случай
Является предвѣстникомъ несчастья.
Грѣхъ боязливъ: страшась вездѣ измѣны,
Онъ самъ себѣ невольно измѣняетъ.

ГОРАЦІО *возвращается съ Офеліей.*

ОФЕЛІЯ. Гдѣ прекрасная королева Даніи?

КОРОЛЕВА. Что съ тобою, Офелія?

ОФЕЛІЯ *(поетъ)*.

Гдѣ же милый твой, дѣвица?
Онъ пошелъ къ святымъ мѣстамъ
Босикомъ и въ власяницѣ -

Скоро ль будетъ снова къ намъ?

КОРОЛЕВА. Къ чему эта пѣсня, милая Офелія?

ОФЕЛІЯ. Что вы говорите? Нѣтъ, пожалуйста, послушайте.

(Поетъ.)

Будь покойна: схоронили -
Не воротится домой!
Вѣчный домикъ осѣнили
Крестъ и камень гробовой.

КОРОЛЕВА. Однакоже, Офелія...

ОФЕЛІЯ. Пожалуйста, слушайте. *(Поетъ.)*

Какъ прекрасенъ былъ твой милый...

Входитъ КОРОЛЬ.

КОРОЛЕВА. Ахъ, смотри, другъ мой!

ОФЕЛІЯ *(поетъ)*.

Въ бѣломъ саванѣ, въ цвѣтахъ!
Какъ вокругъ его могилы
Всѣ стояли мы въ слезахъ!

КОРОЛЬ. Что съ тобою, милая Офелія?

ОФЕЛІЯ. Благодарю васъ, ничего. Говорятъ, сова была дочь хлѣбника.
Боже мой! мы знаемъ, что мы, да не знаемъ, что съ нами будетъ. Хлѣбъ-соль
вамъ!

КОРОЛЬ. Намекъ на отца.

ОФЕЛІЯ. Полно объ этомъ говорить; но если васъ спросятъ, что это
значить, такъ отвѣчайте. *(Поетъ.)*

Занялась уже денница,
Валентиновъ день насталь,
Подъ окномъ стоитъ дѣвица:
«Спишь ли, милый, или всталъ?»

Онъ услышалъ, встрепенулся,
Быстро двери отворилъ,
Съ нею въ комнату вернулся,
Но не дѣву отпустилъ.

КОРОЛЬ. Милая Офелія!

ОФЕЛІЯ. Право, обижаться нечего, а я сейчасъ кончу. *(Поетъ.)*

Пресвятая! какъ безбожно
Клятву вѣрности забыть!
Ахъ, мужчинѣ только можно
Полюбить и разлюбить!

«Ты хотѣлъ на мнѣ жениться»,
Говорить ему она.

Онъ отвѣчаетъ:
«Позабылъ! хотъ побожиться,
Въ этомъ не моя вина».

КОРОЛЬ. Какъ давно она въ этомъ положеніи?

ОФЕЛІЯ. Надѣюсь, все пойдетъ хорошо. Надо быть терпѣливымъ, а невольно плачется, какъ подумаешь, что они положили его въ холодную землю. Братъ мой долженъ все узнать. Спасибо вамъ за совѣтъ. Подать мою карету! Покойной ночи, прекрасныя дамы, покойной ночи! (*Уходитъ.*)

КОРОЛЬ.

Ступай вослѣдъ, Гораціо, за нею.
И охраняй, пожалуйста, ее.

(*Гораціо уходитъ.*)

О, это ядъ глубокой скорби сердца!
Всему причиной смерть отца. Гертруда,
Невзгоды, собираясь на ловитву,
Не крадутся отдѣльно, какъ шпіоны,
Но въ тѣсно сомкнутыхъ идутъ рядахъ.
Отецъ ея убить, твой сынъ уѣхалъ,
Виновникъ справедливаго изгнанья;
Народъ погрязъ въ догадкахъ, въ мрачныхъ думахъ
О смерти честнаго Полонія; а мы...

182

Какъ опрометчиво мы поступили,
Похоронивъ его такъ втихомолку!
Офелія, бѣдняжечка, въ раздорѣ
Сама съ собой и съ разумомъ прекраснымъ,
А безъ него мы звѣри иль картины.
Но, наконецъ, что хуже всѣхъ событій,
Лаэртъ, изъ Франціи вернувшись втайнѣ,
Питаеть духъ угрюмый изумленьемъ
И скрылся въ облакахъ; нѣтъ недостатка
Въ наушникахъ, чтобъ заразить его
Разказомъ ядовитымъ объ убійствѣ,
При чемъ они, за недостаткомъ знанья,
Конечно, насъ безъ страха обвинятъ.
Вотъ что меня, о милая Гертруда,
Какъ градомъ пуль изранило на смерть.

(*Шумъ за сценой.*)

КОРОЛЕВА.

О, Боже, что за шумъ?

Входитъ ПРИДВОРНЫЙ.

КОРОЛЬ.

Сюда!

Гдѣ гвардія? Пусть защищаютъ дверь.

Что сдѣлалось?

ПРИДВОРНЫЙ.

Спасайтесь, государь!

Самъ океанъ, сломивъ бреговъ ограду,
На гладь луговъ не ринулся бѣ сильнѣй,
Чѣмъ молодой Лаэртъ съ толпою черни
На вашихъ слугъ. Народъ провозглашаетъ
Лаэрта королемъ, какъ будто міръ
Едва лишь созданъ и забыта древность,
И нѣтъ обычаевъ - опоры словъ.
Они кричатъ: «мы избиремъ Лаэрта!
Лаэртъ, будь королемъ!» Уста и шапки
До облаковъ возносятъ дикій вопль:
«Лаэртъ, будь королемъ! Лаэртъ король!»

КОРОЛЕВА.

Какъ весело залаяли, напавъ
На ложный слѣдъ! Ошиблись, псы-датчане!

(Шумъ за сценой.)

КОРОЛЬ.

Дверь сломана.

Входитъ ЛАЭРТЪ *вооруженный, за нимъ* Датчане.

ЛАЭРТЪ.

Гдѣ онъ - гдѣ, гдѣ король?

Вы, господа, останьтесь за порогомъ.

ДАТЧАНЕ.

Впустите насъ съ собой!

ЛАЭРТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ.

ДАТЧАНЕ.

Пожалуй, мы уйдемъ. *(Они уходятъ.)*

ЛАЭРТЪ.

Благодарю.
Загородите дверь. Король презрѣнный,
Отдай мнѣ моего отца!

КОРОЛЕВА.

О, успокойся,
Лаэртъ мой добрый.

ЛАЭРТЪ.

Грань спокойной крови
Изобличить во мнѣ дитя порока,
Навѣкъ стыдомъ покроетъ честь отца,
Клеймомъ разврата запятнаетъ мать!

КОРОЛЬ.

Къ чему твое гигантское возстанье?

(Гертруда.)

Оставь его; не бойся за меня.
Вкругъ короля такъ дышитъ святость,
Что, встрѣтясь съ нимъ, измѣна забываетъ
Свой черный замысль. Скажи, Лаэртъ,
Чѣмъ распаленъ ты такъ? Оставь, Гертруда!
Ну, говори, Лаэртъ.

ЛАЭРТЪ.

Гдѣ мой отецъ?

КОРОЛЬ.

Убить, Лаэртъ!

КОРОЛЕВА.

Но не его рукою.

КОРОЛЬ.

Пусть надаетъ мнѣ досыта вопросовъ.

ЛАЭРТЪ.

Какъ онъ погибъ? О, я не допущу
Себя дурачить! Въ адъ - вассала вѣрность!
Пусть сатана возьметъ мои всѣ клятвы!
Смиренье, совѣсть – въ глубочайшій тартаръ!
Я вѣчному проклятію смѣюсь,
Такъ далеко зашелъ я; оба міра
Зову на бой, и будь со мной что будетъ!
Я одного хочу - кровавой мести

За смерть отца.

КОРОЛЬ.

И кто же помѣшаетъ?

ЛАЭРТЪ.

Одна моя, а не вселенной воля!
Я съ средствами ничтожными сумѣю
Свершить великое.

КОРОЛЬ.

Лаэртъ, послушай:
Ты хочешь знать, какъ умеръ твой отецъ?
Скажи же мнѣ: неужели на мщенье
Обрекъ ты всѣхъ, враговъ, какъ и друзей?

ЛАЭРТЪ.

Однихъ враговъ.

КОРОЛЬ.

И хочешь ты узнать ихъ?

ЛАЭРТЪ.

Его друзьямъ открою я объятъ;

183

Какъ великанъ, я ихъ своею кровью
Готовъ питать.

КОРОЛЬ.

Теперь ты говоришь,
Какъ добрый сынъ, какъ дворянинъ прямой.
Что я не виноватъ въ его убійствѣ
И истинно, глубоко огорченъ -
Ты это все увидишь такъ же ясно,
Какъ око свѣтъ дневной.

ДАТЧАНИ (за сценой).

Впустить ее!

ЛАЭРТЪ.

Что это? Что за шумъ?

Входитъ ОФЕЛІЯ, странно убранная травами и цвѣтами.

ЛАЭРТЪ.

О, пламень, изсуши мой мозгъ; сожги,
Слеза горячая, моихъ очей кристаллы!
Клянусь Творцомъ, мнѣ за твое безумство
Заплатятъ на вѣсахъ такъ, что на землю
Падетъ моя наполненная чаша.
О, роза майская! Офелія! сестра!
Дитя невинное! О, Боже мой!
Неужли умъ дѣвицы молодой
Не крѣпче жизни старика сѣдого?
О, какъ въ любви природа утонченна!
Свой лучший даръ, разумокъ драгоценный,
Она ее заставила отдать
Тому, кого однажды полюбила.

ОФЕЛІЯ (*поетъ*).

Съ лицомъ непокрытымъ лежалъ онъ въ гробу:
Его опустили въ могилу;
По немъ не одну проронили слезу...
Прощай, мой голубокъ!

ЛАЭРТЪ.

Имѣй ты умъ и проповѣдуй мщенье,
Такъ глубоко не тронула бь ты насъ!

ОФЕЛІЯ. Вамъ надо пѣть: «въ могилу, въ могилу, зовите въ могилу его!» А какъ идетъ этотъ шагъ къ шуму колеса на самопрялкѣ! Вѣдь, это управитель соблазнилъ дочь своего господина.

ЛАЭРТЪ. Этотъ вздоръ значительнѣе смысла.

ОФЕЛІЯ. Вотъ незабудки - это на память: не забывай меня, милый другъ!
А вотъ павилика - она означаетъ вѣрность.

ЛАЭРТЪ. Поученіе среди безумства; помянуты любовь и вѣрность.

ОФЕЛІЯ (*королю*). Вотъ вамъ - хмель и васильки. (*Королеви*). Вамъ - полынь; она горька, какъ горько бываетъ раскаяніе. Вотъ – не тронь меня. Я хотѣла дать и фіалокъ, да всѣ онѣ завяли, когда умеръ отецъ мой. Говорятъ, онъ тихо скончался. (*Поетъ*.)

Добрый молодецъ Робертъ,
Радость свѣтлая моя...

ЛАЭРТЪ.

Тоску и грусть, страданья, самый адъ -
Все въ красоту она преобразила...

ОФЕЛІЯ (*поетъ*).

Такъ не придетъ онъ къ намъ опять?
Его намъ больше не видать?

Его ужъ нѣтъ, его ужъ нѣтъ!
Какъ опустѣлъ вдругъ бѣлый свѣтъ:
Онъ не придетъ ужъ къ намъ опять!

Его волосъ пушистыхъ лень
Весеннимъ снѣгомъ убѣлень.
Но что печаль? Моей слезѣ
Не возвратитъ его землѣ!
Будь въ небесахъ превознесенъ!

Такъ же, какъ и всѣ христіане! Вотъ моя молитва. Счастливо оставаться.
(Уходитъ.)

ЛАЭРТЪ.

Вы это видите ль? О, Боже!

КОРОЛЬ.

Да, Лаэртъ,
Съ твоей тоской я долженъ объясниться;
Не отрицай мои права. Иди,
Сбери умнѣйшихъ изъ твоихъ друзей -
И пусть они разсудятъ между нами.
Когда найдутъ, что стороной иль прямо
Я виноватъ, я отдаю корону,
Престоль и жизнь - все, что моимъ зовется,
Въ вознагражденіе тебѣ; но если нѣтъ -
Довольствуйся насъ подарить терпѣньемъ:
Съ твоей душой соединясь на мщенье,
Мы возвратимъ ей миръ.

ЛАЭРТЪ.

Да будетъ такъ!
Родъ самой смерти, тайна похоронъ,
Отсутствіе меча съ гербомъ на гробѣ
И торжества въ свершеніи обряда -
Все это громко, какъ небесный громъ
Гремя, велитъ мнѣ требовать отчета.

КОРОЛЬ.

Тебѣ дадутъ его - и мечъ возмездья
Пусть на убійцу упадетъ. Пойдемъ со мною!

(Уходятъ.)

СЦЕНА VI.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ ГОРАЦІО и СЛУГА.

ГОРАЦІО.

Кто хочетъ говорить со мной?

СЛУГА.

Матросы:

У нихъ есть письма къ вамъ.

ГОРАЦІО.

Впусти ихъ.

(Слуга уходитъ.)

184

Не знаю, кто бѣ во всей вселенной
Могъ мнѣ поклонъ прислать, когда не Гамлетъ.

Входятъ МАТРОСЫ.

1-й МАТРОСЪ. Богъ помощь.

ГОРАЦІО. Спасибо.

1-й МАТРОСЪ. Вотъ къ вамъ письмо отъ посланника, ѣхавшаго въ Англию, если вы Гораціо, какъ мнѣ сказали.

ГОРАЦІО *(читаетъ)*. «Гораціо! когда ты просмотришь этотъ листокъ, доставь матросамъ доступъ къ королю: у нихъ есть къ нему письма. Мы и двухъ дней еще не были на морѣ, какъ сильный корсаръ вздумалъ за нами поохотиться. Нашъ корабль шелъ не довольно быстро, и намъ пришлось поневолѣ быть храбрыми. Во время схватки я взошелъ на корсарскій фрегатъ, но въ то же мгновеніе они отчалили отъ нашего корабля, и я одинъ попался въ плѣнъ. Они обошлись со мною какъ благородные мошенники. Впрочемъ, они хорошо знали, что дѣлаютъ; должно отплатить имъ тѣмъ же. Постарайся доставить королю посланныя письма и поспѣши ко мнѣ, какъ бы бѣжалъ отъ смерти. Я скажу тебѣ на ушко слова, которыя тебя оглушатъ, а они все еще слишкомъ легки въ сравненіи съ ихъ содержаніемъ. Матросы приведутъ тебя ко мнѣ. Розенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ свое путешествіе въ Англию. О нихъ есть много чего поразсказать. Прощай. Вѣчно твой Гамлетъ».

(Матросамъ.)

Пойдемъ: вы отдадите ваши письма
И тѣмъ скорѣй, что надо вамъ со мною
Итти къ тому, кто вамъ вручилъ ихъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VII.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ КОРОЛЬ и ЛАЭРТЪ.

КОРОЛЬ.

Теперь, Лаэртъ, ты принужденъ сознаться,
Что я не виноватъ; меня, какъ друга,
Ты долженъ въ сердцѣ заключить: ты слышалъ,
Что тотъ, кто твоего отца убилъ,
И на мою отваживался жизнь.

ЛАЭРТЪ.

Да, это ясно. Но скажите мнѣ,
Зачѣмъ же вы не прекратили силой
Такихъ злодѣйствъ? Величіе престола,
Разсудокъ, вашъ покой - все, наконецъ,
Хотѣло этого.

КОРОЛЬ.

По двумъ причинамъ.
Тебѣ онѣ покажутся пустыми,
Но для меня онѣ довольно сильны.
Гертруда, мать его, живетъ и дышитъ
Почти лишъ имъ однимъ. Что до меня,
Я съ ней сроднился тѣломъ и душой
И, какъ звѣзда въ своей горитъ лишъ сферѣ,
Такъ я угасъ бы безъ нея. Другая
Причина, что я скрылъ его проступокъ -
Народа сильная къ нему любовь.
Она съ него смываетъ всѣ пороки
И изъ цѣпей творитъ благодѣянья.
Моя стрѣла легка въ такую бурю:
Ее вонзилъ бы ураганъ въ меня,
А не въ него.

ЛАЭРТЪ.

А я отца утратилъ;
Сестра жъ во тьмѣ безумства безнадежной,
Она, чья красота и добродѣтель -
Когда погибшее позволено хвалить -
Не знала равнаго. Но, погоди:
Чась мщенія придетъ!

КОРОЛЬ.

Однакожь это
Тебя покоя не должно лишать.
Не почитай меня довольно слабымъ,
Чтобъ я опасность допустилъ схватить
Меня за бороду и счель бы это шуткой.
Ты въ скорости, Лаэртъ, услышишь больше.
Я твоего отца любилъ, но также
Мы любимъ и самихъ себя. Надѣюся,
Изъ этого ты можешь заключить...

Входитъ ВѢСТНИКЪ.

КОРОЛЬ.

Что новаго?

ВѢСТНИКЪ.

Отъ Гамлета письмо:
Вотъ къ вамъ одно, другое къ королевѣ.

КОРОЛЬ.

Отъ Гамлета? Но кто же ихъ принесъ?

ВѢСТНИКЪ.

Матросы, государь, какъ мнѣ сказали.
Я не видалъ ихъ: эти письма отдалъ
Мнѣ Клавдію; онъ взялъ ихъ у матросовъ.

КОРОЛЬ.

Лаэртъ, послушай, что въ письмѣ.

(Вѣстнику.) Оставь насъ.

(Вѣстникъ уходитъ.)

КОРОЛЬ *(читаетъ)*.

«Великомощный, знайте, что я нагой высаженъ на берега вашихъ владѣній. Завтра я попрошу позволенія явиться передъ ваши королевскія очи, чтобъ рассказать вамъ, испросивъ напередъ прощеніе, причину моего внезапнаго и чудеснаго возвращенія».

Какъ? Это что? Ужели всѣ вернулись?

185

Иль это все не больше, какъ обманъ?

ЛАЭРТЪ.

Рука знакома вамъ?

КОРОЛЬ.

Да, почеркъ принца.
«Нагой», а здѣсь прибавлено: «одинъ».
Не можешь ли, Лаэртъ, помочь совѣтомъ?

ЛАЭРТЪ.

Мнѣ все загадочно. Но пусть придетъ:
Онъ выльчитъ болѣзнь моей души;
Его въ глаза я назову убійцей.

КОРОЛЬ.

О, если такъ, Лаэртъ, но полно такъ ли?
Да, иначе не можетъ быть. Ты хочешь
Принять совѣтъ мой?

ЛАЭРТЪ.

Государь, хочу,
Когда на миръ меня онъ не преклонитъ.

КОРОЛЬ.

Онъ миръ душевный возвратитъ тебѣ.
Вѣдь, онъ, пріѣхавши, забудетъ думать,
Что должно вновь отправиться въ дорогу.
Тогда его склоню я на поступокъ,
Давно обдуманнй въ моемъ умѣ -
И онъ погибъ. Вокругъ его могилы
И вѣтеръ подозрѣнья не дохнетъ;
Да мать сама все случаю припишетъ.

ЛАЭРТЪ.

Я вамъ послѣдую - и тѣмъ скорѣе,
Когда меня орудьемъ вы избрали.

КОРОЛЬ.

Ты угадалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ,
Тебя не разъ хвалили за искусство,
Въ которомъ ты, какъ говорятъ, великъ;
При томъ бывалъ и онъ - и ни одинъ
Изъ всѣхъ даровъ твоихъ не возбуждалъ
Въ немъ столько зависти, какъ этотъ даръ,
По-моему послѣдній.

ЛАЭРТЪ.

Что за даръ?

КОРОЛЬ.

На шляпѣ юности пустой цвѣтокъ,
Но также нужный; легкая одежда
Прилична юношѣ, какъ шуба старику;
Тѣмъ - красота, другимъ здоровье нужно.
Здѣсь былъ, два мѣсяца тому назадъ,
Одинъ нормандецъ. Я французовъ знаю:
Самъ былъ въ походѣ противъ нихъ и видѣлъ,
Что на конѣ французы молодцы.
Но этотъ былъ какъ будто чародѣй.
Къ сѣдлу, казалось, онъ приросъ, и лошадь
Къ такимъ чудеснымъ принуждалъ движеньямъ,
Что онъ и конь его какъ будто были
Одно твореніе. Его искусство
Такъ превзошло мое воображенье,
Что я его скачковъ и оборотовъ
Постичь не въ силахъ.

ЛАЭРТЪ.

Онъ нормандецъ?

КОРОЛЬ.

Да.

ЛАЭРТЪ.

Ламоръ, клянусь въ томъ жизнью!

КОРОЛЬ.

Точно, онъ.

ЛАЭРТЪ.

Онъ мнѣ знакомъ: безцѣнный перлъ народа!

КОРОЛЬ.

Разсказывая часто о тебѣ,
Онъ горячо хвалилъ свое искусство
Владѣть мечомъ, въ особенности шпагой,
И восклицалъ: «вы бѣ увидали чудо,
Когда бѣ ему нашелся въ битвѣ равный».
Онъ клялся, что бойцы его отчизны
Теряли глазъ и силу, и проворство,
Сходясь съ тобою. Эти похвалы
Ядъ зависти у Гамлета развилъ,
И онъ желалъ, чтобъ только ты скорѣе
Пріѣхалъ къ намъ, чтобы съ тобой сразиться.

Изъ этого...

ЛАЭРТЪ.

Ну, что жъ изъ этого?

КОРОЛЬ.

Отець твой дорогъ былъ тебѣ, Лаэртъ,
Иль ты - какъ скорбь на мертвомъ полотнѣ,
Лицо безъ сердца?

ЛАЭРТЪ.

Но къ чему вопросъ?

КОРОЛЬ.

Не потому, чтобъ я питалъ сомнѣнье
Въ твоей любви къ покойному отцу;
Но знаю я - любовь рождаетъ время,
А время, говорятъ примѣръ и опытъ,
Ея огонь и искры умѣряетъ.
Средь пламени любви горитъ свѣтильня:
Ея нагаръ уничтожаетъ блескъ.
Ничто не остается вѣчно годнымъ:
Избытокъ силъ уничтожаетъ жизнь.
Когда ты что-нибудь готовъ свершить,
Свершай, пока на то согласна воля.
Она измѣнчива, ослабнуть ей легко,
Легко уснуть отъ тысячи совѣтовъ,
Упасть отъ случая иль сильныхъ рукъ.
И что жъ тогда родитъ твоя готовность?
Безплодный вздохъ, вредящій облегченьемъ.
Но къ дѣлу! Гамлетъ будетъ здѣсь; тогда
На что рѣшишься ты, чтобъ не словами,
А дѣломъ доказать любовь къ отцу?

ЛАЭРТЪ.

Я въ храмъ пойду за нимъ, чтобъ отомстить!

КОРОЛЬ.

Конечно, храмъ убійцѣ не защита,

И мщенье не должно имѣть границъ;
Но еслибъ ты убить его рѣшился,

Такъ будь же дома. Гамлетъ, возвратясь,
Услышитъ тотчасъ о твоёмъ приѣздѣ.
Мы станемъ выхвалять твое искусство,
Удвоимъ похвалы нормандца - словомъ,
Мы васъ сведемъ, устроимъ поединокъ.
Прямой, безпечный, чуждый подозрѣнья,
Рапиръ осматривать не станетъ онъ,
И ты легко, съ уловкой небольшою,
Возьмешь рапиру съ острымъ лезвеемъ
И добрымъ наградишь его ударомъ
За смерть отца.

ЛАЭРТЪ.

Я награжу его:
Я шпаги остріе намажу ядомъ.
Онъ купленъ мной у продавца лѣкарствъ
И такъ силенъ, что если омоченный
Въ его составъ коснется крови ножикъ,
Къ спасенью средства нѣтъ: во всей подлунной
Такой цѣлебной не растеть травы,
Которая могла бь спасти отъ смерти
Того, кто раненъ имъ. Въ такомъ-то ядѣ
Я шпагу омочу; едва коснувшись,
Она убьетъ его.

КОРОЛЬ.

Обдумаемъ же дальше,
Какія средства приведутъ насъ къ цѣли.
Когда мы плохо разыграемъ роли
И сквозь игру проглянетъ наша мысль,
Такъ лучше бы не начинать. Намъ должно
Затѣмъ имѣть въ запасѣ планъ другой:
Пропаль одинъ, такъ выручилъ другой.
Сообразимъ: закладъ о вашей силѣ
И ловкости предложимъ мы... Нашелъ!
Когда въ бою томить васъ станетъ жажда -
Ты выпадай нарочно съ большимъ жаромъ -
И Гамлетъ спроситъ пить, я приготовлю
Ему питье; пусть лишь омочить губы -
И онъ погибъ хотя бы отъ удара
Клинка смертельнаго и былъ спасенъ.
Но, тише! что за шумъ?

Входитъ КОРОЛЕВА.

КОРОЛЬ.

Ну что Гертруда?

КОРОЛЕВА.

За горемъ горе мчится по пятамъ:
Твоя сестра, Офелья - утонула.

ЛАЭРТЪ.

Какъ, утонула? Гдѣ? Творецъ небесный!

КОРОЛЕВА.

Тамъ ива есть: она, склонивши вѣтви,
Глядится въ зеркалѣ кристальныхъ водъ.
Въ ея тѣни плела она гирлянды
Изъ лилій, розъ, фіалокъ и жасмина.
Вѣнки цвѣтущіе на вѣтвяхъ ивы
Желая размѣститъ, она взобралась
На дерево; вдругъ вѣтвь подъ ней сломалась -
И въ воды плачущія пали съ нею
Гирлянды и цвѣты. Ея одежда,
Широко разстилаясь по волнамъ,
Несла ее съ минутой, какъ сирену.
Несчастливая, бѣды не постигая,
Плыла и пѣла, пѣла и плыла,
Какъ существо, рожденное въ волнахъ.
Но это не могло продлиться долго:
Одежда смокла - и пошла ко дну.
Умолкли жизнь и нѣжные напѣвы!

ЛАЭРТЪ.

Такъ умерла она?

КОРОЛЕВА.

Да, умерла!

ЛАЭРТЪ.

Тебя, сестра, вода лишила жизни -
Къ чему жъ моимъ слезамъ еще катиться?
А все бѣгутъ, все на глазахъ: природа
Беретъ свое, что стыдъ ни говори.
Но пусть бѣгутъ - потомъ я снова мужъ.
Прощайте, государь. Во мнѣ есть много
Словъ пламенныхъ - и вспыхнули бѣ они,
Когда бы глупость та ихъ не гасила.

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

Пойдемъ за нимъ. Съ какимъ трудомъ, Гертруда,
Я гнѣвъ въ немъ усмирилъ! И что же? Снова
Готовъ онъ вспыхнуть. О, пойдёмъ, пойдёмъ!

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Кладбище.

Входятъ два Могильщика, съ заступами и другими принадлежностями.

1-ый Могильщикъ. А что, ее по-христіански будутъ хоронить? Вѣдь, она самовольно искала спасенія.

2-ой Могильщикъ. Говорятъ тебѣ, по-христіански. Копай же проворнѣй могилу! Было слѣдствіе и рѣшили похоронить ее, какъ христіанку.

1-ый Могильщикъ. Да какъ же это, если она утопилась не для своей защиты?

2-ой Могильщикъ. Выходитъ такъ.

1-ый Могильщикъ. Нѣтъ, дудки! Вѣрно, это случилось *se offendendo*. Вѣдь, вотъ въ чемъ дѣло; коли я топлюсь, такъ значитъ, лѣзу въ воду; а полѣзъ, такъ хотѣлъ утопиться. Стало-быть, она утопилась-то не сдуру.

187

2-ой Могильщикъ. Не то ты говоришь.

1-ый Могильщикъ. Погоди. Вотъ вода, да; а вотъ человѣкъ. Ну, идетъ онъ въ воду и топится, такъ чтожъ? Вольно топиться, вольно нѣтъ, а все-таки пропалъ. Слышь ты? А какъ вода-то къ нему приступить да залить, такъ, вѣдь, онъ не самъ утопился. Стало, кто не наложитъ на себя рукъ, тотъ и жизни не укоротилъ.

2-ой Могильщикъ. И въ законѣ такъ сказано?

1-ый Могильщикъ. И въ законѣ такъ.

2-ой Могильщикъ. А сказать правду? Не будь она дворянка, такъ не хоронили бы ее по-христіански.

1-ый Могильщикъ. Твоя правда; да то-то и горе: знатнымъ господамъ и вѣшаться, и топиться сподручнѣе. Ну-тка за заступы! Садовники да могильщики самые старинные дворяне: адамово ремесло!

2-ой Могильщикъ. А Адамъ былъ дворянинъ?

1-ый Могильщикъ. Еще бы!

2-ой Могильщикъ. Полно!

1-ый Могильщикъ. Ей-ей такъ. Я задамъ тебѣ еще одинъ вопросъ, и если ты не отвѣтишь, такъ сознайся, что ты...

2-ой Могильщикъ. Задавай.

1-ый Могильщикъ. Кто строить прочнѣ каменьщика, корабельщика и плотника?

2-ой Могильщикъ. Висѣльщикъ. Висѣлица переживаетъ всѣхъ своихъ жильцовъ.

1-ый Могильщикъ. Не дурно. Висѣлица дѣлаетъ добро, да какъ? Она дѣлаетъ добро тѣмъ, кто самъ худо поступаетъ. А ты, вѣдь, худо сдѣлалъ, сказавши, что она построена прочнѣ церкви; такъ выходитъ, висѣлица сдѣлала бы тебѣ добро. Отвѣчай еще разъ.

2-ой Могильщикъ. Кто строить прочнѣ каменьщика, корабельщика и плотника?

1-ый Могильщикъ. Да, отвѣчай - и баста.

2-ой Могильщикъ. А вотъ же знаю.

1-ый Могильщикъ. Ну?

2-ой Могильщикъ. Нѣтъ, не знаю.

ГАМЛЕТЪ и ГОРАЦІО *показываются вдали.*

1-ый Могильщикъ. Не ломай башки. Осель не побѣжитъ, хоть убей его; а если кто опять задастъ тебѣ этотъ вопросъ, такъ отвѣчай: могильщикъ. Его дома стоятъ до страшнаго суда. Сходи-ка въ питейный да принеси кварту.

(2-ой могильщикъ уходитъ).

1-ый МОГИЛЬЩИКЪ *(копая, поетъ).*

Что я былъ за славный малый:
Волочился во всю мочь -
И какъ весело, бывало,
Проходили день и ночь.

ГАМЛЕТЪ. Неужели онъ не чувствуетъ, чѣмъ занятъ! Копаетъ могилу и поетъ.

ГОРАЦІО. Привычка сдѣлала его равнодушнымъ.

ГАМЛЕТЪ. Такъ обыкновенно бываетъ: чѣмъ меньше рука работаетъ, тѣмъ нѣжнѣ у нея чувство.

1-ый МОГИЛЬЩИКЪ *(поетъ).*

Но пришла колдунья-старость,
Заморозила всю кровь:
Прочь прогнавши смѣхъ и шалость,
Какъ рукой сняла любовь.

(Выбрасываетъ черепъ.)

ГАМЛЕТЪ. Въ этомъ черепѣ былъ когда-то языкъ, и онъ могъ пѣть, а этотъ бездѣльникъ швырнулъ его о-земь, точно будто челюсть Каина, перваго убійцы. Можетъ быть, это была голова политика, мечтавшаго перехитрить самого Господа Бога, а этотъ осель перехитрилъ его теперь - не такъ ли?

ГОРАЦІО. Дѣло возможное.

ГАМЛЕТЪ. Или придворнаго, которому ничего не стоило говорить: «добраго утра, ваше высочество! Позвольте, пожелать вамъ всевозможнаго

счастья!» Онъ могъ быть черепомъ господина такого-то, который хвалиль лошадь господина такого-то, потому что ему хотѣлось получить ее въ подарокъ - не такъ ли?

ГОРАЦИО. Все можетъ быть, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. И вотъ онъ сталъ достояньемъ господъ червей, сгниль, и челюсти его сносятъ удары отъ заступа могильщика. Превращеніе не дурно; жаль только, что мы не знаемъ искусства подсмотретьъ его. Неужели питаніе и воспитаніе этихъ костей стоило такъ мало, что ими можно играть въ кегли? Мои собственныя болятъ, когда подумаю объ этомъ.

1-ый Могильщикъ (*поетъ*).

Что же? Факель погребальный,
Изъ шести досокъ ларець,
Саванъ, крестъ да хоръ печальный –
Вотъ и пѣсенки конецъ.

(*Выбрасываетъ другой черепъ.*)

ГАМЛЕТЪ. Вотъ еще одинъ. Почему не быть ему черепомъ приказнаго? Гдѣ теперъ его кляузы, ябедничества, крючки, взятки? Зачѣмъ терпитъ онъ толчки этого грубіяна и не грозитъ подать на него жалобу о побояхъ? Гм! Этотъ молодець былъ, можетъ статья, въ свое время ловкимъ прожекторомъ, скупаль и продавалъ имѣнія. А гдѣ теперъ его крѣпости, векселя и проценты? Неужели всѣми купчими купилъ онъ только клочокъ земли, который могутъ покрыть пара документовъ? Всѣ его крѣпостныя записи едвали помѣстились бы въ этомъ ящикѣ, а самому владѣльцу досталось не больше пространства - а?

188

ГОРАЦИО. Не болѣе, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Пергаментъ дѣлается изъ бараньей кожи?

ГОРАЦИО. Да - и изъ телячьей.

ГАМЛЕТЪ. Телята же и бараны тѣ, кто полагается на пергаментъ. Заговорю съ этимъ молодцомъ. Эй, чья эта могила?

1-ый Могильщикъ. Моя, сударь. (*Поетъ*).

Саванъ, крестъ да хоръ печальный -
Вотъ и пѣсенки конецъ.

ГАМЛЕТЪ. Конечно, твоя, потому что ты въ ней.

1-ый Могильщикъ. Вы не въ ней, значить, она и не ваша; а вотъ я хотя и не лежу въ ней, а она моя.

ГАМЛЕТЪ. Ты лжешь, говоря, что она твоя: могилы роютъ для мертвыхъ, а не для живыхъ. Что за человекъ будетъ похороненъ въ ней?

1-ый Могильщикъ. Никакой.

ГАМЛЕТЪ. Ну, такъ женщина?

1-ый Могильщикъ. И не женщина.

ГАМЛЕТЪ. Кто же, наконецъ?

1-ый Могильщикъ. То, что было нѣкогда, женщиной: теперь она скончалась - спаси Господи ея душу!

ГАМЛЕТЪ. Каковъ смѣльчакъ! Съ нимъ надо говорить осторожнѣе: онъ загоняетъ словами какъ разъ. Нашъ вѣкъ, Гораціо, замѣтилъ я, такъ помѣшанъ на островахъ, что все остричь: и крестьянинъ, и писатель; только первый обыкновенно удачнѣе. Какъ давно ты могильщикомъ?

1-ый Могильщикъ. Изъ всѣхъ дней въ году я поступилъ въ могильщики именно въ тотъ день, когда покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортиnbrаса.

ГАМЛЕТЪ. А давно это?

1-ый Могильщикъ. Будто вы не знаете? Всякій дуракъ это знаетъ. Въ тотъ же день родился Гамлетъ, что сошелъ съ ума и отправленъ въ Англiю.

ГАМЛЕТЪ. Право? Зачѣмъ онъ туда отправленъ?

1-ый Могильщикъ. Затѣмъ, что рехнулся. Тамъ, вишь ты, поумнѣеть; а впрочемъ, хоть и нѣтъ, такъ въ Англiи это не бѣда.

ГАМЛЕТЪ. Отчего?

1-ый Могильщикъ. Тамъ не замѣтятъ: тамъ всѣ такіе жъ полоумные.

ГАМЛЕТЪ. Отчего же сошелъ онъ съ ума?

1-ый Могильщикъ. Да говорятъ какъ-то чудно.

ГАМЛЕТЪ. Какъ чудно?

Могильщикъ. Да будто бы оттого, что помѣшался.

ГАМЛЕТЪ. На чемъ же онъ помѣшался?

Могильщикъ. Да на датской землѣ. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я здѣсь могильщикомъ.

ГАМЛЕТЪ. Долго ли можетъ пролежать человѣкъ въ землѣ, не сгнивши?

1-ый Могильщикъ. Если не сгнилъ заживо - а нынче это случается частенько - такъ продержится лѣтъ 8 или 9. Кожевникъ девять лѣтъ.

ГАМЛЕТЪ. Отчего же онъ держится дольше другихъ?

1-ый Могильщикъ. Эхъ, сударь, его работа такъ выдѣлываетъ его кожу, что она долго не пропускаетъ воды; а вода куда скоро уничтожаетъ негодные трупы. Вотъ этотъ черепъ двадцать три года пролежалъ въ землѣ.

ГАМЛЕТЪ. Чей онъ?

1-ый Могильщикъ. Безмозглаго дурака. Какъ вы думаете, чей?

ГАМЛЕТЪ. Не знаю.

1-ый могильщикъ. Проваль бы его побралъ, мошенника! Онъ вылилъ разъ мнѣ на голову цѣлую бутылку рейнвейна. Этотъ черепъ Юрика, что былъ шутомъ у короля.

ГАМЛЕТЪ. Этотъ? *(Беретъ черепъ).*

1-ый Могильщикъ. Этотъ самый.

ГАМЛЕТЪ. Бѣдный Юрикъ, я зналъ его, Гораціо: это былъ человѣкъ съ безконечнымъ юморомъ и дивною фантазіею. Тысячу разъ носилъ онъ меня на плечахъ, а теперь... Какъ отталкиваютъ мое воображеніе эти останки! Мнѣ почти дурно. Тутъ были уста - я цѣловалъ ихъ такъ часто. Гдѣ теперь твои шутки, твои ужимки? Гдѣ пѣсни, молніи остроуи, отъ которыхъ всѣ пирующие

хотали до упаду? Кто состричь теперь надъ твоею же костяной улыбкой? Все пропало. Ступай-ка теперь въ будуаръ знатной дамы и скажи ей - пусть она хоть на палець наложитъ румянь, а все-таки лицо ея будетъ, наконецъ, такимъ же. Заставь ее посмѣяться этому. Сдѣлай милость, Гораціо, скажи мнѣ только это.

ГОРАЦІО. Что, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Какъ ты думаешь, былъ Александръ въ землѣ такимъ же?

ГОРАЦІО. Точно такимъ.

ГАМЛЕТЪ. И имѣлъ такой же запахъ? Фи! (*Бросаетъ черепъ.*)

ГОРАЦІО. Такой же.

ГАМЛЕТЪ. До какого низкаго употребленія мы нисходимъ, Гораціо! Почему не прослѣдить воображенію благородный прахъ Александра до пивной бочки, гдѣ имъ замажутъ ея втулку?

ГОРАЦІО. Разсматривать вещи *такъ*, значило бы разсматривать ихъ слишкомъ подробно.

189

ГАМЛЕТЪ. Нисколько. До этого можно дойти очень скромно и по пути вѣроятности. Напримѣръ: Александръ умеръ, Александръ похороненъ, Александръ - сдѣлался прахомъ; прахъ - земля; изъ земли дѣлается замазка, и почему же бочкѣ не быть замазанной именно прахомъ Александра?

Кто поселялъ въ народахъ страхъ,
Предъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли,
Великій цезарь - нынѣ прахъ,
И имъ замазываютъ щели!

Но тише! Отойдемъ: идетъ король.

Входитъ процессія. Впереди Священники съ гробомъ Офеліи, за ними ЛАЭРТЪ и траурная свита, потомъ КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, придворные и прочіе.

ГАМЛЕТЪ.

Король и дворъ идутъ сюда поспѣшно.
Кого они такъ скромно провожаютъ?
Какъ видно, онъ изъ знатныхъ и пресѣкъ
Самъ жизнь свою отчаянной рукою.
Посторонимся, другъ мой, поглядимъ.

(Отходитъ съ Гораціо въ сторону.)

ЛАЭРТЪ.

Какіе же еще обряды будутъ?

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ благородный юноша, Лаэртъ.

Смотри!

ЛАЭРТЪ.

Какіе же еще обряды?

1-й Священникъ.

Обрядъ печальный нами совершенъ,
Насколько намъ дозволено: кончина
Ея сомнительна, и если бѣ высшій
Приказъ не измѣнилъ порядка церкви,
Она бѣ до страшнаго суда лежала
Въ землѣ неосвященной. Прахъ и камни,
А не молитвы чистыхъ христіанъ
Должны бѣ ее въ могилу провожать.
Она жъ въ вѣнкѣ дѣвическомъ лежитъ;
На гробъ легли невинные цвѣты,
И онъ святой покроется землею
При похоронныхъ звукахъ мѣди.

ЛАЭРТЪ.

Какъ -

И больше ничего?

1-й Священникъ.

Нѣтъ, ничего.

Мы осквернили бы святую службу,
Пропѣвъ ей реквиемъ, какъ всѣмъ, почившимъ въ мирѣ.

ЛАЭРТЪ.

Спустите гробъ. Изъ дѣвственнаго праха
Фиалки выростутъ. Священникъ грубый,
Я говорю тебѣ: страдая въ адѣ,
Ты ангеломъ сестру мою увидишь.

ГАМЛЕТЪ.

Офелія!

Королева (бросая на гробъ цвѣты).

Цвѣты - цвѣтку. Прощай. Ты будешь
Супругой Гамлета - мечтала я!
Не ранній гробъ твой - свадебное ложе,
Дитя прекрасное, я думала убратьъ.

ЛАЭРТЪ.

О, горе, горе безъ числа и мѣры
Проклятую да поразить главу

Того, кто погасилъ въ тебѣ разсудокъ
Своимъ злодѣйствомъ! Не бросайте землю:
Въ послѣдній разъ хочу ее обнять я!

(Прыгаетъ въ могилу.)

Теперь надъ мертвой и живымъ насыпьте
Могильный холмъ превыше Пеліона
И звѣзднаго Олимпа голубой главы!

ГАМЛЕТЪ *(приближаясь)*.

Кто тотъ, кто пышно такъ здѣсь горестъ выражаетъ,
Кому, остановись въ своемъ пути,
Внимаютъ съ ужасомъ луна и звѣзды?
Я Гамлетъ, датскій принцъ!

(Прыгаетъ въ могилу.)

ЛАЭРТЪ.

Пусть сатана твою исторгнетъ душу!

(Борется съ Гамлетомъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Ты худо молишься. Подальше руки!
Не пылокъ я, но берегись: во мнѣ
Есть кое-что опасное. Прочь руки!

КОРОЛЬ.

Разнять ихъ!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ! Гамлетъ!

ВСЪ.

Господа!

ГОРАЦІО.

Принцъ, успокойтесь!

(Нѣкоторые изъ свиты разнимаютъ ихъ, и они выходятъ изъ могилы).

ГАМЛЕТЪ.

Объ этомъ я готовъ съ Лаэртомъ биться,
Пока глаза навѣки не померкнутъ.

КОРОЛЕВА.

О чемъ, мой милый Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Я любилъ

Офелію - и сорокъ тысячъ братьевъ
Со всею полнотою любви не могутъ
Ее любить такъ горячо. Скажи:
На что готовъ ты для нея?

КОРОЛЬ.

Лаэртъ,

Онъ сумасшедшій.

КОРОЛЕВА.

Ради всѣхъ святыхъ,

Оставь его!

190

ГАМЛЕТЪ.

Скажи, на что готовъ ты? Плакать? драться?
Постить? терзать себя? пить острый ядъ?
Я то же сдѣлаю. Ты выть пришелъ?
Ты мнѣ на зло спрыгнулъ въ ея могилу?
Ты хочешь съ ней зарытымъ быть? Я тоже.
Ты говоришь о высяхъ горъ? Такъ пусть же
На насъ навалятъ миллионъ холмовъ,
Чтобъ ихъ глава страны огня коснулась
И Осса передъ нимъ была бъ песчинкой!
Я разглагольствовать умѣю, какъ и ты.

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ безумствуетъ; но не надолго
Припадокъ бѣшенный имъ овладѣлъ;
Мгновеніе - и онъ, какъ голубица,
Родивъ на свѣтъ дѣтей золотоперыхъ,
Опуститъ крылья на покой.

ГАМЛЕТЪ.

Послушай,

За что ты такъ обходишься со мною?
Тебя всегда какъ брата я любилъ.
Да, впрочемъ, что до этого за дѣло!
Пусть силу грозную являетъ намъ Алкидъ,
А котъ мяукаетъ и песь себѣ ворчитъ.

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ.

Гораціо, прошу, иди за нимъ.

(Гораціо уходитъ.)

Лаэртъ, вчерашній разговоръ нашъ долженъ
Твое терпѣнье укрѣпить. Гертруда,
Смотри, чтобъ сынъ твой не ходилъ безъ стражи.
Мы здѣсь живой воздвигнемъ мавзолеей!
Лаэртъ, ужъ близокъ часъ успокоенья,
Но къ цѣли доведетъ одно терпѣнье.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Зала въ замкѣ.

Входятъ ГАМЛЕТЪ и ГОРАЦИО.

ГАМЛЕТЪ.

Довольно, другъ; теперь узнай другое.
Всѣ обстоятельства ты помнишь хорошо?

ГОРАЦИО.

Ихъ помнить, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Какой-то родъ борьбы
Въ моей груди лишалъ меня покоя.
Мнѣ чудилось, что скованъ я тѣснѣ
Убійцы въ кандалахъ. Въ одно мгновенье...
Благословенна будь моя рѣшимость!
Насъ иногда спасаетъ безразсудство,
А планъ обдуманнй не удается.
Есть божество, ведущее насъ къ цѣли,
Какой бы путь не избирали мы.

ГОРАЦИО.

Да, это вѣрно.

ГАМЛЕТЪ.

Изъ моей каюты,
Набросивъ плащъ, я выскочилъ поспѣшно,

Искалъ ихъ въ тѣмѣ, нашель благополучно,
Схватилъ пакетъ - и вновь въ мою каюту.
Мой страхъ изгналъ всю скромность изъ души,
И смѣло вскрылъ пакетъ. Я тамъ нашель –
О, царственная подлость! Я нашель
Приказъ, чтобъ по безчисленнымъ причинамъ,
Для блага Даніи, для истребленья
Великихъ бѣдъ, грозящихъ государству,
Меня сейчасъ немедленно казнить,
Не давши даже срока палачу
Чтобъ наточить топоръ.

ГОРАЦІО.

Возможно ль, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ и приказъ: прочтешь въ другое время.
Но хочешь знать, какъ поступилъ я дальше?

ГОРАЦІО.

Прошу васъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Опутанный коварствомъ,
Я не успѣлъ и съ мыслями собраться,
Какъ планъ уже созрѣлъ. Присѣвъ къ столу,
Я выдумалъ и написалъ указъ.
Когда-то я, какъ знатные вельможи,
Считалъ стыдомъ имѣть хорошій почеркъ
И позабыть его хотѣлъ; теперь
Онъ службу вѣрную мнѣ сослужилъ.
Ты хочешь знать, что написалъ я?

ГОРАЦІО.

Да.

ГАМЛЕТЪ.

Я заклиналъ отъ имени монарха,
Когда Британія ему вѣрна,
Когда союзу ихъ цвѣсти, какъ пальмѣ,
И если миръ хотятъ они украсить
Вѣнкомъ неувядающихъ колосевъ,
То чтобъ тотчасъ бумагу прочитавши,
Посланниковъ безъ дальнихъ разсужденій,
Не давъ имъ и на исповѣдь минуты,
Лишить головъ.

ГОРАЦІО.

Но какъ же удалось вамъ
Печать къ конверту приложить?

ГАМЛЕТЪ.

И тутъ
Мнѣ Провидѣнье помогло. Со мною
Была печать покойнаго отца,
Модель теперешней печати датской.
Сложивъ письмо по образцу другого,
Я сдѣлалъ надпись, приложилъ печать
И положилъ, откуда взялъ. Подлогъ
Замѣченъ не былъ. Въ слѣдующій день
Случилась битва - и конецъ ты знаешь.

191

ГОРАЦІО.

Такъ Гильденштернъ и Розенкранцъ пошли
На смерть.

ГАМЛЕТЪ.

Они искали порученья:
Ихъ смерть мою не потревожитъ совѣсть.
Не сами ль смерть накликали они,
Ввязавшись въ дѣло? Плохо, если слабый
Бросается въ средину межъ мечей
Бойцовъ сильнѣйшихъ.

ГОРАЦІО.

Вотъ король!

ГАМЛЕТЪ.

Ну, что?
Теперь довольно ли меня задѣли?
Тому, кто отравилъ отца-монарха;
Кто мать развратилъ; кто ловко втерся
Между избраньемъ и моей надеждой;
Кто такъ хитро свои забросилъ сѣти
На жизнь мою – съ нимъ разсчитаться
Не въ правѣ ли рука моя? Не грѣхъ ли
Терпѣть, чтобъ эта язва истребила
Все тѣло до костей?

ГОРАЦІО.

Конечно, скоро
Изъ Англіи дадутъ ему извѣстье,
Какъ выполненъ его приказъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, скоро:
Но промежутокъ - мой. Жизнь человѣка
Быстра - и одного счастъ не успѣешь.
А жаль мнѣ, другъ Гораціо, что съ Лаэртомъ
Я такъ забылся: въ жребіи его
Я вижу мой. Его я уважаю;
Но, право, другъ, риторика печали
Меня взбѣсила.

ГОРАЦІО.

Тише! Это кто?

Входитъ Озрикъ.

Озрикъ. Честь имѣю поздравить ваше высочество съ приѣздомъ.

ГАМЛЕТЪ. Благодарю покорно. (*Гораціо.*) Знаешь ты эту стрекозу?

ГОРАЦІО. Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Тѣмъ лучше для тебя: знать его - уже порокъ. У него много земли и очень плодородной. Пусть скотъ будетъ царемъ скотовъ, и его ясли будутъ стоять на ряду съ царскимъ столомъ. Это сорока, но, какъ я уже сказалъ, владыка огромнаго пространства грязи.

Озрикъ. Если бы вашему высочеству было время, я желалъ бы сообщить вамъ кое-что отъ его величества.

ГАМЛЕТЪ. Я выслушаю васъ съ полнымъ вниманіемъ. Надѣньте шляпу: она для головы.

Озрикъ. Благодарю, ваше высочество; очень жарко.

ГАМЛЕТЪ. Нѣтъ, мнѣ кажется, очень холодно: вѣтеръ съ сѣвера.

Озрикъ. Точно, довольно холодно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Однако жъ мнѣ какъ будто ужасно жарко и душно, или можетъ быть, мое сложеніе!..

Озрикъ. Необыкновенно жарко, принцъ; такъ и душить, точно какъ будто... право, я не знаю. Его величество приказалъ мнѣ извѣститъ васъ, принцъ, что онъ держитъ за васъ значительное пари. Вотъ въ чемъ дѣло...

ГАМЛЕТЪ. Пожалуйста, не забывайте.

(Онъ заставляетъ надѣть его шляпу).

Озрикъ. Нѣтъ, принцъ, позвольте: мнѣ такъ свободнѣе. Недавно прибылъ сюда Лаэртъ. Клянусь честью, это молодецъ, исполненный дарованій, краснорѣчивый и красавецъ! Должно отдать ему справедливость:

онъ образецъ хорошаго тона; въ немъ найдете вы все, что можетъ пожелать себѣ благородный юноша.

ГАМЛЕТЪ. Исчисленіе его достоинствъ не теряетъ ничего въ вашихъ устахъ, хотя мнѣ и извѣстно, что память потеряла бы счетъ, составляя полный каталогъ его свойствъ. Да онъ и всегда былъ бы неполонъ въ сравненіи съ быстрымъ полетомъ его къ совершенству. Но, клянусь истиной панегирика, я почитаю его гениемъ первой величины и внутренніе дары духа его такъ прекрасными, такъ рѣдкими, что только зеркало можетъ изобразить равнаго ему.

ОЗРИКЪ. Ваше высочество говорите о немъ совершенно справедливо.

ГАМЛЕТЪ. Но въ чемъ же дѣло? Къ чему облакаемъ мы имя его нашимъ далеко не столь совершеннымъ дыханіемъ?

ОЗРИКЪ. Принцъ?

ГОРАЦІО. Неужели нельзя выразаться другимъ языкомъ?

ГАМЛЕТЪ. Зачѣмъ мы о немъ говоримъ?

ОЗРИКЪ. О Лаэртъ?

ГОРАЦІО. Кошелекъ его уже опустѣлъ; всѣ золотыя слова растрчены.

ГАМЛЕТЪ. Да, о немъ.

ОЗРИКЪ. Я знаю, вы не несвѣдуши.

ГАМЛЕТЪ. Желательно, чтобы вы это знали, хоть оно мнѣ немного принесетъ чести. Продолжайте.

ОЗРИКЪ. Вамъ небезызвѣстно, какими совершенствами обладаетъ Лаэртъ.

ГАМЛЕТЪ. Этимъ знаніемъ я не могу похвалиться, чтобъ не равнять себя съ нимъ, такъ какъ знать совершенно другого, значитъ знать самого себя.

ОЗРИКЪ. Я хотѣлъ сказать, принцъ, что

192

касается фехтованья; если вѣрить, что о немъ говорятъ, ему нѣтъ равнаго.

ГАМЛЕТЪ. Какое его оружіе?

ОЗРИКЪ. Шпага и кинжалъ.

ГАМЛЕТЪ. Стало-быть два оружія. Дальше.

ОЗРИКЪ. Король прозакладывалъ ему шесть арабскихъ жеребцовъ; Лаэртъ, съ своей стороны, какъ я слышалъ, шесть французскихъ шпагъ и кинжаловъ со всѣми принадлежностями, какъ-то: портупеями и прочимъ. Три изъ этихъ принадлежностей точно чрезвычайно красивы, соотвѣтствуютъ рукояткамъ. Эти необыкновенныя принадлежности сдѣланы съ большимъ вкусомъ.

ГАМЛЕТЪ. Что вы называете принадлежностями?

ГОРАЦІО. Я зналъ, что вамъ придется поучаться его комментаріями, пока онъ кончитъ.

ОЗРИКЪ. Принадлежности, принцъ, - портупеи.

ГАМЛЕТЪ. Это выраженіе было бы больше кстати, если бы мы могли носить при себѣ пушку, а покамѣсть пусть останутся португееями. Однако, дальше. Шестъ арабскихъ жеребцовъ противъ шести французскихъ шпагъ съ ихъ приборомъ и тремя принадлежностями съ большимъ вкусомъ - это французскій закладъ противъ датскаго. По какому же случаю они все это прозакладывали?

ОЗРИКЪ. Король держаль пари, ваше высочество, что изъ двѣнадцати ударовъ Лаэртъ выиграетъ передъ вами только три; онъ же ручается за девять. Опытъ сдѣлаютъ сейчасъ же, если вашему высочеству угодно дать отвѣтъ.

ГАМЛЕТЪ. А если я отвѣчу: нѣтъ?

ОЗРИКЪ. Я хотѣлъ сказать, принцъ, если вы согласитесь.

ГАМЛЕТЪ. Я буду прохаживаться здѣсь въ залѣ. Съ позволенія его величества, теперъ я наслаждаюсь здѣсь свѣжимъ воздухомъ. Прикажете принести рапиры; если Лаэрту есть охота и король остается при своемъ намѣреніи, я постараюсь выиграть ему закладъ, когда сумѣю; не удастся - такъ на мою долю достанутся стыдъ и лишніе удары.

ОЗРИКЪ. Прикажете такъ и доложить?

ГАМЛЕТЪ. Да, съ украшеніями въ вашемъ вкусѣ.

ОЗРИКЪ. Поручаю себя вашей милости принцъ. (*Уходитъ.*)

ГАМЛЕТЪ. Къ вашимъ услугамъ. Онъ хорошо дѣлаетъ, что поручаетъ самъ себя моей милости: ничей языкъ не постарался бы объ этомъ.

ГОРАЦІО. Улетѣла птичка съ скорлупой яичка.

ГАМЛЕТЪ. Онъ и за грудь матери не принимался, я думаю, безъ комплиментовъ. Онъ, какъ и многіе того же разбора, въ которыхъ влюбленъ пустой вѣкъ, поймали только наружность разговора, родъ шипучаго газа, вылетающаго посреди глупѣйшихъ сужденій, а коснись ихъ для опыта - и пузыри исчезли.

Входитъ Придворный.

ПРИДВОРНЫЙ. Его величество, принцъ, посылалъ къ вамъ молодого Озрика, и онъ доложилъ, что вы дождетесь его въ залѣ. Его величество прислалъ меня узнать, не прошла ли у васъ охота сразиться съ Лаэртомъ и не желаете ли вы отсрочки?

ГАМЛЕТЪ. Я вѣренъ своимъ намѣреніямъ: они соображаются съ желаніями короля. Если ему досугъ, я готовъ теперъ, или когда угодно, предполагая, что буду такъ же, какъ и теперъ, въ состояніи держать рапиру.

ПРИДВОРНЫЙ. Король, королева и всѣ идутъ сюда.

ГАМЛЕТЪ. Въ добрый часъ.

ПРИДВОРНЫЙ. Королева желаетъ, чтобъ вы ласково обратились къ Лаэрту, прежде чѣмъ начнете поединокъ.

ГАМЛЕТЪ. Ея совѣтъ хорошъ. (*Придворный уходитъ.*)

ГОРАЦІО. Вы проиграете закладъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Не думаю. Съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ во Францію, я безпрестанно упражнялся. Я выиграю закладъ. Однако, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ тяжело на сердцѣ. Да это вздоръ.

ГОРАЦІО. Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Это глупость, а между тѣмъ родъ грустнаго предчувствія, женщину оно могло бы испугать.

ГОРАЦІО. Если душѣ вашей что-нибудь не нравится - повинуйтесь ей. Я предупрежу ихъ приходъ, скажу, что вы не расположены.

ГАМЛЕТЪ. Нисколько. Я смѣюсь надъ предчувствіями: и воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія. Не послѣ, такъ теперь; теперь, такъ не послѣ; а не теперь, такъ когда-нибудь да придется. Быть готовымъ - вотъ все. Никто не знаетъ, что теряетъ онъ; такъ что за важность потерять рано? Будь что будетъ!

Входятъ: КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ЛАЭРТЪ, ОЗРИКЪ, придворные и слуги съ рапирами.

КОРОЛЬ.

Ну, полно, Гамлетъ! Вотъ рука Лаэрта -
Прими ее отъ насъ.

(Соединяетъ ихъ руки.)

193

ГАМЛЕТЪ.

Прости, Лаэртъ!
Я виноватъ, но я прошу прощенья -
И ты, какъ благородный человѣкъ,
Меня простишь. Всему двору извѣстно,
И до тебя дошли, конечно, слухи,
Что тяжкою страдаю я болѣзною.
Поступокъ мой, такъ грубо оскорбившій
Твою природу, сердце, чувство чести -
Онъ былъ - я объявляю здѣсь - безумство.
Лаэрта Гамлетъ оскорбилъ? О, нѣтъ!
Когда Гамлетъ, раздвоенный въ душѣ
И самъ не свой, Лаэрта оскорбляетъ -
Не Гамлетъ то, не онъ нанесъ обиду -
Его безуміе. А если такъ,
То онъ и самъ обиженъ глубоко:
Безумство - врагъ несчастному Гамлету.
Вотъ цѣлый дворъ: предъ нимъ я отрицаю
Злой умыселъ - и въ сердцѣ благородномъ
Оправданъ я. Я черезъ кровлю дома
Пустилъ стрѣлу - она попала въ брата.

ЛАЭРТЪ.

Довольно принцъ! Усмирена природа,
Хотя бъ она должна взывать ко мщенью

Сильнѣй всего. Но по законамъ чести,
Отъ мира я далекъ, пока другіе,
Которыхъ честь не подлежитъ сомнѣнью,
Не скажутъ мнѣ: «мирись». Тогда ихъ словомъ
Честь имени ограждена. Теперь же,
Любовь я принимаю, какъ любовь,
И оскорбить ее я не намѣренъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ни я; мы братски разрѣшимъ закладъ.
Подать рапиры!

ЛАЭРТЪ.

Дай и мнѣ одну.

ГАМЛЕТЪ.

Лаэртъ, я для тебя - вѣнокъ лавровый:
Какъ яркая звѣзда во тьмѣ ночной,
Въ моемъ незнаніи блеснетъ твое искусство,

ЛАЭРТЪ.

Насмѣшка, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ничуть, клянусь въ томъ честью!

КОРОЛЬ.

Подай рапиры имъ, мой милый Озрикъ.
Закладъ тебѣ извѣстенъ, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да.

Вы избрали слабѣйшаго бойца.

КОРОЛЬ.

Я не боюсь: я видѣлъ васъ обоихъ.
Онъ сталъ искуснѣе и далъ впередъ.

ЛАЭРТЪ (*взявъ шпагу.*)

Нѣтъ, эта тяжела; подай другую.

ГАМЛЕТЪ.

Дай эту мнѣ. Что, всѣ одной длины?

ОЗРИКЪ.

Всѣ, всѣ одной, мой благородный принцъ.

КОРОЛЬ.

Поставьте мнѣ вино на этотъ столъ;
И если Гамлетъ первый дастъ ударъ,
Второй, или сквитается за третьимъ,
Со всѣхъ бойницъ пусть выстрѣлятъ изъ пушекъ.
Теперь король пьетъ Гамлета здоровье
И въ кубокъ перль бросаетъ многоцѣнный;
Онъ стоитъ больше, чѣмъ въ коронѣ датской,
Сіявшій на глазахъ трехъ королей.
Подать мнѣ кубки. Пусть труба литаврамъ,
Литавры пушкамъ, пушки небесамъ
И небеса землѣ воскликнуть хоромъ:
«Король за Гамлета здоровье пьетъ!»
Начните! Судьи, примѣчать прилежно!

ГАМЛЕТЪ.

Начнемъ!

ЛАЭРТЪ.

Начнемте, принцъ. (*Дерутся.*)

ГАМЛЕТЪ (*нанося ударъ*).

Разъ.

ЛАЭРТЪ.

Нѣтъ.

ГАМЛЕТЪ.

Пусть судятъ.

ОЗРИКЪ.

Ударъ, и очень явственный.

ЛАЭРТЪ.

Пусть такъ.

Начнемъ сначала.

КОРОЛЬ.

Эй, вина! Стой! Гамлетъ,
Жемчужина - твоя! Твое здоровье!
Подайте кубокъ принцу!

(*Звуки трубъ и пушечные выстрѣлы за сценой.*)

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, потомъ.

Поставь бокаль: сперва еще сразимся.
Начнемъ! (*Дерутся*).
Опять ударь, что скажешь?

ЛАЭРТЪ.

Да,

Коснулся, сознаюсь.

КОРОЛЬ.

Нашъ сынъ одержить верхъ.

КОРОЛЕВА.

Онъ потень и усталъ. Возьми платокъ мой,
Отри лицо, мой Гамлетъ. Королева
Пьетъ за здоровіе твое.

(*Беретъ отравленный кубокъ.*)

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю.

КОРОЛЬ.

Не пей, Гертруда!

194

КОРОЛЕВА.

Я хочу; позволь мнѣ. (*Пьетъ.*)

КОРОЛЬ (*съ сторону*).

Тотъ кубокъ отравленъ: теперь ужъ поздно.

ГАМЛЕТЪ.

Теперь мнѣ пить еще нельзя - потомъ.

КОРОЛЕВА.

Поди, я оботру твое лицо.

ЛАЭРТЪ (*королю*).

Теперь я нанесу ударъ.

КОРОЛЬ.

Наврядъ ли.

ЛАЭРТЪ (*тихо*).

Меня какъ-будто совѣсть упрекаетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, въ третій разъ, Лаэртъ! Ты шутишь.
Прошу же, выпадай со всею силой.
Мнѣ кажется, ты надо мной смѣешься.

ЛАЭРТЪ.

Ты думаешь? Увидимъ. (*Дерутся.*)

ОЗРИКЪ.

Нѣтъ удара.

ЛАЭРТЪ.

Теперь смотри.

(Лаэртъ ранитъ Гамлета, послѣ чего въ жару битвы, они мѣняются рапирами и Гамлетъ ранитъ Лаэрта.)

КОРОЛЬ.

Они разгорячились -
Развестъ ихъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ еще. (*Королева падаетъ.*)

ОЗРИКЪ.

Что съ королевой?

ГОРАЦІО.

Они въ крови!

ОЗРИКЪ.

Вамъ каково, Лаэртъ?

ЛАЭРТЪ.

Я въ собственную сѣть попался, Озрикъ:
Я собственной измѣною убить -
И по дѣломъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что случилось съ королевой?

КОРОЛЬ.

Ей дурно; кровь увидѣла она.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, нѣтъ! питье, питье! О, милый Гамлетъ!
Питье, питье. Оно отравлено! (*Умираетъ.*)

ГАМЛЕТЪ.

Злодѣйство! Двери на запоръ! Измѣна,
Гдѣ скрылась ты?

ЛАЭРТЪ (*падая*).

Здѣсь, Гамлетъ. Ты убить;
Тебя спасти нѣтъ средства во вселенной;
Въ тебѣ нѣтъ жизни и на полчаса:
Клинокъ измѣнника въ твоей рукѣ -
Онъ отравленъ и остръ. Мое злодѣйство
Сразило самого меня. - Смотри:
Я палъ, лежу - и мнѣ уже не встать.
И мать отравлена. Не въ силахъ больше!
Король, король всему виной.

ГАМЛЕТЪ.

И шпага
Отравлена? Такъ соверши свое,
Отрава!

(*Закалываетъ короля.*)

ОЗРИКЪ и ПРИДВОРНЫЕ.

Боже праведный, измѣна!

КОРОЛЬ.

Друзья, спасите: я вѣдь только раненъ.

ГАМЛЕТЪ.

(*Взявъ отравленный кубокъ и заставляя короля его выпить.*)

Допей же ядъ, кровосмѣситель подлый!
А жемчугъ здѣсь? Ступай за королевой.

(*Король умираетъ.*)

ЛАЭРТЪ.

Онъ по заслугамъ угощенъ. Отраву
Онъ приготовилъ самъ, своей рукою.
Простимъ другъ друга, благородный Гамлетъ!
Моя и моего отца кончина
Да не падетъ на голову твою,
Твоя же на мою. (*Умираетъ.*)

ГАМЛЕТЪ.

Прости тебя Господь!
Я за тобой. Гораціо, я умираю.
Царица блѣдная, прощай. Вы блѣдны;
Дрожа, глядите вы на катастрофу,
Нѣмые зрители явленій смерти!
О если бѣ время я имѣлъ, но смерть,
Сержантъ проворный, вдругъ беретъ подѣ стражу.
Я рассказалъ бы вамъ... Пусть будетъ такъ!
Гораціо, ты остаешься живъ,
Ты обо мнѣ и о моихъ поступкахъ
Разскажешь тѣмъ, кто знать ихъ пожелаетъ.

ГОРАЦИО (*хватая со стола кубок*).

Ты ошибаешься: я не датчанинъ,
А древній римлянинъ - стаканъ не допить.

ГАМЛЕТЪ (*вырывая кубокъ*).

Когда ты мужъ: отдай его ты мнѣ!
Оставь! Я заклинаю Небомъ, дай!
Какое я оставлю по себѣ
Запятнанное имя, другъ Гораціо,
Когда все такъ останется безвѣстнымъ!
О, если ты меня любилъ - стой!
Не отворяй себѣ врата блаженства
И пострадай еще въ ничтожномъ мірѣ,
Чтобъ повѣсть разсказать мою.

(*Вдали слышенъ маршъ и выстрѣлы.*)

Что за военный шумъ?

ОЗРИКЪ.

То - юный Фортинбрасъ

195

Изъ Польши возвращается съ побѣдой
И англійскихъ привѣтствуетъ пословъ.

ГАМЛЕТЪ.

Гораціо, я умираю. Ядъ
Стѣснилъ мой духъ. Я не дождусь вѣстей
Изъ Англїи, но предрекаю: выборъ
Падетъ на молодого Фортинбраса.
Ему даю я голосъ мой предсмертный.
Ты обо всемъ случившемся ему

Подробно расскажи; конецъ - молчанье.

(Умираетъ.)

ГОРАЦІО.

Вотъ сердце благородное угасло!
Покойной ночи, милый принцъ! Спи мирно
Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ!
Громъ барабановъ ближе. (Маршъ за сценой.)

Входятъ: ФОРТИНБРАСЬ, АНГЛІЙСКІЕ ПОСЛЫ и прочіе.

ФОРТИНБРАСЬ.

Какое зрѣлище!

ГОРАЦІО.

Чего ты ищешь?
Несчастья и чудесь? Такъ не ищи ихъ дальше.

ФОРТИНБРАСЬ.

Кровавый видъ! Какому торжеству
Ты въ вѣчныхъ принесла твоихъ чертогахъ,
Смерть гордая, такъ много царскихъ жертвъ?

1-ый ПОСЛАНИКЪ.

Ужасенъ этотъ видъ! Мы опоздали
По дѣлу Англїи. То ухо мертво,
Которому должны бы мы донести,
Что Розенкранцъ и Гильденштернъ скончались,
Согласно королевскому приказу.
Кто скажетъ намъ «благодарю»?

ГОРАЦІО.

Не онъ,

Хотя бъ уста его и были живы.
Онъ не давалъ на казнь ихъ повелѣнья.
Но такъ какъ быстро за кровавымъ дѣломъ
Явились вы изъ Англїи и Польши,
Велите же, чтобъ мертвыхъ положили
На катафалкъ въ виду всего народа;
А мнѣ незнающимъ позвольте рассказать,
Какъ все произошло. То будетъ повѣсть
Кровавыхъ, неестественныхъ убійствъ,
Суда случайнаго, нечаянныхъ кончинъ
И козней, павшихъ на главу злодѣевъ.
Всю истину могу я вамъ открыть.

ФОРТИНБРАСЬ.

Мы поспѣшимъ послушать твой рассказъ,
Созвавши на совѣтъ вельможей царства.
Я съ горестью мое встрѣчаю счастье.
На датскій тронъ имѣю я права,
И ихъ я объявляю всенародно.

ГОРАЦІО.

Я долженъ и объ этомъ говорить.
Вамъ тотъ далъ голосъ свой, за кѣмъ все царство
Признаетъ васъ царемъ. Но къ дѣлу, къ дѣлу!
Умы людей раздражены: не трудно злобѣ
Настроить бѣдъ средь общаго смятенья.

ФОРТИНБРАСЪ.

Пусть Гамлета, какъ воина, внесутъ
На катафалкъ четыре капитана.
Онъ все величье царское явилъ бы,
Когда бъ остался живъ. Будь онъ почтенъ
При погребеньи почестью военной!
Возьмите трупы: зрѣлище такое
Прилично полю битвы; здѣсь - некстати.
Скажите, чтобы начали пальбу!

*(Похоронный маршъ. Всѣ уходятъ и уносятъ съ собою тѣла.
Вскорѣ потомъ слышны пушечные выстрѣлы).*

А. Кронебергъ.

196

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «ГАМЛЕТУ»

Дѣйствіе I, сцена I.

ГОРАЦІО.

*Владычица морей,
Звѣзда Нептунова, померкла въ вышинѣ.*

То-есть — луна. Въ подлинникѣ для эпитета луны употреблено выраженіе — *moist star*, *влажная звѣзда*; здѣсь заключается намекъ на притяженіе ею водъ океана во время прилива. Это одинъ изъ любимѣйшихъ эпитетовъ Шекспира — и онъ встрѣчается у него не разъ; такъ въ «Зимней Сказкѣ» Леонтъ говоритъ:

Ужъ девять разъ пастухъ могъ видѣть въ полѣ
Какъ измѣнялся *влажный* ликъ луны.
Съ тѣхъ поръ, какъ я, и т. д.

Въ «Снѣ въ Иванову Ночь» Оберонъ также говоритъ, что стрѣла Купидона погасла въ *туманно-влажныхъ* лучахъ луны.

Дѣйствіе I, сцена II.

ГАМЛЕТЪ.

Поближе сына, но подальше друга.

Эта знаменитая и всѣмъ извѣстная фраза Гамлета составляетъ камень преткновения для переводчиковъ Шекспира по заключающейся въ ней игрѣ словъ, основанной на созвучіи. Въ подлинникѣ Гамлетъ отвѣчаетъ королю:

A little more than kin and less than kind!

kin — значить родственникъ, а kind — родъ, порода, т.-е. что онъ себя считаетъ побольше чѣмъ родственникомъ короля, но вовсе не его породы или характера.

Дѣйствіе I, сцена III.

ПОЛОНІЙ.

*...будь вѣренъ самому себѣ,
А слѣдственно, какъ дважды два — четыре,
Ни передъ кѣмъ не будешь ты фальшивъ.*

Послѣдняя часть монолога Полонія заключаетъ въ себѣ такія здравыя и честныя сужденія, что они очевидно не вяжутся съ уклончивымъ характеромъ хитраго старика. Обстоятельство это нѣсколько разъ обращало на себя вниманіе комментаторовъ Шекспира, предполагавшихъ, что тутъ Полоній приводитъ чьи-либо чужія, заученныя имъ безъ толку, слова. Эта догадка подтвердилась найденнымъ изданіемъ Шекспира in quatro 1603, гдѣ слова эти напечатаны между кавычками, какъ вводная фраза.

Дѣйствіе I, сцена V.

ТѢНЬ.

Ужасно! о, ужасно! о, ужасно!

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Шекспира стихъ этотъ говоритъ Гамлетъ, а не тѣнь. Такъ игралъ эту сцену и Гаррикъ. На сценѣ эта переменна дѣйствительно можетъ произвести эффектъ уже тѣмъ, что прерветъ однообразіе длиннаго монолога тѣни.

Дѣйствіе II, сцена II.

РОЗЕНКРАНЦЪ. *Но нашлось гнѣздо дѣтей маленькихъ птенцовъ, которые вѣчно пищатъ громче смысла, и имъ безчеловѣчно за то апплодируютъ. Теперь они въ модѣ и шумятъ на народныхъ театрахъ.*

Стивенсъ думаетъ, что это намекъ на пѣвчихъ церкви св. Павла, игравшихъ во времена Шекспира на сценѣ.

Тамъ же.

ГАМЛЕТЪ.

И каждый пѣхаль на ослѣ...

Отрывокъ баллады.

Тамъ же.

ГАМЛЕТЪ. *О Евѡай, судья Израиля! какимъ сокровищемъ обладалъ ты...*

*Онъ красавицу-дочь
Всей душою любилъ.*

Баллада, изъ которой взяты эти стихи, помѣщена въ изданной докторомъ Перси (Percy) книгѣ «Reliques of ancient English Poetry».

Дѣйствіе VII, сцена II.

ОФЕЛІЯ. *Вы берете на себя обязанность хора, принцъ.*

ГАМЛЕТЪ. *И могъ бы быть посредникомъ между вами и вашимъ любовникомъ, если бы вамъ вздумалось сыграть такую комедію.*

Намекъ на то, что въ то время при представленіи кукольныхъ пантомимъ на сценѣ находился человекъ, который объяснялъ публикѣ, что означаютъ движенія маріонетокъ.

Тамъ же.

ГАМЛЕТЪ.

*Ты знаешь, милый мой Дамонъ:
Юпитеръ украшалъ престолъ.
И кто жъ теперь возсѣлъ на тронъ?
Всесовершеннѣйшій — попугай.*

Въ этомъ куплетѣ послѣдній стихъ долженъ риѡмовать со вторымъ, что даетъ замѣтить Гораціо въ своей репликѣ Гамлету. Дѣло въ томъ, что Гамлетъ, вмѣсто слова *осель*, поставилъ *попугай*.

Тамъ же.

ГАМЛЕТЪ.

Покуда травка подрастетъ...

Первая половина пословицы. Окончаніе: «Лошадка съ голоду умереть».

Дѣйствіе IV, сцена V.

ОФЕЛІЯ.

Валентиновъ день насталь.

День святаго Валентина составляет до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ любимыхъ и оригинальныхъ народныхъ праздниковъ въ Англии.

Время его происхожденія очень трудно опредѣлить; но во всякомъ случаѣ, онъ существовалъ уже задолго до Шекспира. Такъ, Вальтеръ Скоттъ, никогда не допускавшій въ своихъ сочиненіяхъ анахронизмовъ, описываетъ подробно этотъ праздникъ въ одномъ изъ своихъ интереснѣйшихъ романовъ «Пертская Красавица», время дѣйствія котораго относится еще къ рыцарской исторіи Шотландіи. Собственно говоря, день св. Валентина есть праздникъ любовниковъ, и основанъ на томъ, что въ этотъ день, по народному преданію, начинаютъ спариваться лѣсныя птицы. Трудно перечислить, какимъ разнообразнѣйшимъ перемѣнамъ подвергались въ теченіе вѣковъ веселые обряды, сопровождавшіе этотъ праздникъ. Серенады подъ окнами, поцѣлуи, обмѣнъ словъ и разговоровъ, которые были бы сочтены непозволительными во всякое другое время, допускались въ этотъ день. Молодой человѣкъ, избравшій въ этотъ день подругу, назывался ея «Валентиномъ» на весь слѣдующій годъ и долженъ былъ быть во всемъ ея покорнымъ рабомъ. Обыкновенно Валентины будили своихъ возлюбленныхъ утромъ въ этотъ день серенадой подъ окномъ, и на это-то намекаетъ Офелія въ своей пѣснѣ. Въ нынѣшнее время видимые обряды Валентинова дня начинаютъ понемногу исчезать и въ Англии, но внутреннее его значеніе остается то же. Правда, исчезли серенады, но онѣ замѣнились письмами, которыхъ — какъ извѣстно по официальнымъ даннымъ — пересылается въ этотъ день въ Англии ровно *вдвое* больше противъ обыкновеннаго.